

что перевозка ся неудобна!! А то бы можно еще къ ней прикупить нѣсколько зимнихъ ландшафтовъ, не большихъ, но такъ же прекрасныхъ. Изъ нихъ особенно понравилось мнѣ два: кладбище зимою и сельская церковь тоже зимою, освѣщенная мѣсяцемъ, первая работы Газениплуга, а вторая Вебера. Веберовъ мѣсяцъ такъ живъ, что чѣмъ болѣе въ него всматриваешься, тѣмъ болѣе, кажется, онъ свѣтитъ. Въ такъ наз. историческомъ родѣ и между портретами есть также много прекраснаго. Къ Голценновой Эсфири я воровался разъ десять: красавица да и только; можно бы влюбиться, если бы ротъ не былъ кривъ. Лѣвентейновъ старикъ съ дочерью, читающіе библію также очень милы, особенно дочка; къ сожалѣнію эта дочка озябла или больна, и такъ синя какъ Норвежскій туманъ. По колориту особенно замѣчательна спящая—не знаю чья—старуха. Она спитъ сидя на креслѣ подлѣ окна, задернутого малиновымъ занавѣсомъ: точно спитъ, а занавѣсъ не можетъ скрыть, что день прекрасный. Превосходная вещь. Изъ собственно историч. картинъ особенно замѣчательна по предмету—Судъ Любушинъ Гофбауера, старавшагося быть исторически вѣрнымъ и вѣроятно въ слѣдствіе такого старанія изобразившаго женщинъ немного дубковатыми.—Но довольно о картинахъ.—Г-нъ литераторъ приглашалъ отправиться съ нимъ въ Бубенчи, гдѣ сегодня гулянье; но я расчелъ, что это слишкомъ большой путь и воротился домой.

2-е Мая. Сегодня былъ у меня молодой Русской, который живетъ въ Прагѣ уже два года, занимаясь техникой въ политехническомъ училищѣ, и успѣлъ даже забыть Рус. языкъ до того, что всякую Рус. фразу свою объясняетъ по Нѣмцу. Имя его Фрейндъ.

3-е Мая. Воскресенье. Утро дома—до 4-хъ часовъ. Въ 4—въ театр. Давали Стрейча Гурливурли, комедію Штепанька ¹⁾, довольно глупую и довольно смѣшную, до того смѣшную, что публика изволила хохотать во все горло, и даже хлопать забывала. 4 дѣйствія я сидѣлъ на св[семъ] мѣстѣ, а передъ пятымъ пошелъ въ ложу Шафарика и поговорилъ тамъ съ женою и дѣтьми.—Изъ театра домой, и пишу.—За нѣсколько дней передъ этимъ давали на Нѣмец. театрѣ Шиллерова Донъ-Карлоса. Маркиза Позу игралъ пріѣхавшій изъ Берлина Роттъ, а Филиппа II—Фишеръ. Фишеръ сыгралъ превосходно: что бы понять Шиллерова Филиппа не мѣшаешь видѣть Фишера. Онъ постигъ этотъ характеръ и выражаетъ его такъ естественно, что публика во все время игры забывала одобрять актера, и единодушно вызвала уже по окончаніи пьесы. Не странно-ли: хлопаютъ одному (хлопали Ротту), а вызываютъ другаго! но мнѣ это очень понравилось. Фишера я не забуду.

¹⁾ Янъ Непомукъ Штепанекъ (1783—1844)—авторъ множества пьесъ оригинальныхъ и переводныхъ, не имѣвшихъ, впрочемъ, большого литературнаго достоинства. Онъ былъ директоромъ Чешскаго театра въ Прагѣ. О его дѣятельности, какъ директора и режиссера есть нѣсколько словъ въ пьесѣ П. П. С-го къ А. А. Краевскому (Отеч. З. 14. 104).

4-е Мая. Тра-ла-ла-ла! тра-ла-ла-ла! Хотя польку такъ готовъ танцовать. Не мудрено:—получилъ письмо отъ васъ (за № 1, Марта 18). Вотъ уже три раза прочелъ, и опять собираюсь читать, да и за отвѣтъ.—Вы хотите писать ко мнѣ каждыя двѣ недѣли! Боже мой, да это такая радость мнѣ, какой я и не ожидалъ. Послѣ этого я буду самъ себѣ завидовать. — И если ужъ такъ, то вотъ еще что: бумага ваша—самая почтовая; писавши на такой бумагѣ, Вы можете смѣло вкладывать въ конвертъ три полулиста, т. е. втрое противу того что написали въ № 1. Если самимъ не о чемъ будетъ писать, то—Амвросій Лук., Александръ Петр., Сем. Сем.¹⁾. А то напр. сегодня Амвр. Лук. подарилъ меня только надписью на конвертѣ, между тѣмъ какъ могъ бы написать страницъ пять. Очень бы хорошо дѣлалъ, если бы заранѣе написалъ поллиста да и принесъ бы къ Вамъ, а вы бы и отправили вмѣстѣ со своимъ. Такъ бы могъ сдѣлать и Ник. Ивановичъ²⁾, и Сем. Сем. да и самъ Александръ Петр., чѣмъ собираться писать большое письмо, и до сихъ поръ не написать ни строки. Что до моего письма, то странно, если оно пропало: № 4 изъ Берлина былъ вложенъ въ одинъ конвертъ съ № 1 къ Рославскому изъ Галле и № 1 къ Костомарову изъ Лейпцига, и отправленъ изъ Лейпцига. Почты Саксонскія, кажется, устроены хорошо. На ваше письмо отъ 24 февр. былъ уже отвѣтъ, и вами теперь конечно получено.—Къ Генр. Оедор.³⁾ писалъ, о чемъ и увѣдомлялъ Васъ, вѣрно въ № 4. Изъ Праги написалъ опять, получивши Ваше письмо отъ 24 февр. Искренно благодарю Miss Фанни⁴⁾ за переписку пѣсни Новика. Оедору Ив. и Ефросиніи Ивановичѣ мой поклонъ. Очень радъ, что вамъ есть что читать. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы было что и играть. Узнавши возможность пересылки, я пришлю Вамъ нотъ отсюда и изъ Вѣны; объ этой же возможности Вы сами меня увѣдомите. Мелетію ⁵⁾—царство небесное. Онъ его заслужилъ. Честь и слава Кузину! ⁶⁾ Такихъ купцовъ тутъ нѣтъ. Тутъ не уважали бы и Архіепископа, если бы знали, что у него только 10 рублей въ карманѣ. Нашимъ профессо[грамъ] желаю веселиться; а о скучающемъ Амвр. Лук. жалѣю. Чего бы ему не придти ко мнѣ: домъ онъ знаетъ, могъ бы остаться и ночевать, а поговорить было бы о чемъ. Весело бы провели время. Только съ условіемъ: не забыть ничего Малороссійскаго, до котораго у меня Челяковскій большой охотникъ.—Кстати—пора къ нему.

¹⁾ А. А. Метлинскій. А. П. Рославскій, С. С. Лукьяновичъ.

²⁾ Н. И. Костомаровъ.

³⁾ Юнкертъ.

⁴⁾ Ф. С. Питра.

⁵⁾ Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій (М. П. Леонтовичъ), магистръ С.П.Б. Духовной Академіи; былъ ректоромъ и проф. богословія въ Могилевской семинаріи; затѣмъ ректоромъ Кіевской Дух. Акад.; послѣ того былъ хиротонисанъ и епископствовалъ въ Пермь, Иркутскъ и наконецъ въ Харьковъ; ум. 29 февраля 1840 г.

⁶⁾ Извѣстный Харьковскій откушникъ.

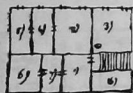
XXVI.

№ 14. Деревня Ярища. 1840. Мая 10.

— Что это?—спрашиваете Вы, милая Маменька. Отвѣчаю: Поја. Весна уже настала, развилась, разцвѣла,—время стоитъ прекрасное; а вашъ сынокъ хоть еще и очень дурно, но все уже говорить по Чешски, слѣдовательно можетъ начинать свои странствія по Чехіи. Вотъ онъ и началъ ихъ—поѣздкою въ Ярищу.

Опишу все какъ можно подробно.

Третьяго дни заходить ко мнѣ Д-ръ Станекъ и говорить между прочимъ:— Не хотите ли вмѣстѣ съ нами прогуляться за городъ? миль за шесть отъ Праги?—Родной мой! Какъ не хотѣть! Хоть сейчасъ.—И такъ послѣ завтра. Прийдите ко мнѣ завтра вечеромъ, переночуете у насъ, а утромъ въ воскресенье, часа въ 4—въ дорогу.—Прекрасно.—Вчера въ 9 часовъ я былъ уже у Станька. Хоть Станекъ и не въ Ярищѣ живетъ, но кетати описать и его бытъ. Вотъ его квартира (онъ живетъ въ 3 этажѣ, во второмъ подъ нѣмъ Палацкій) 1): передняя, 2) дѣтская + столовая, 3) гостинная, 4) кабинетъ, 5) спальня сестры жениной, 6) комнатка, 7) кухня, 8) чуланъ. Нѣтъ ни одной комнаты безъ кровати.

У Станька жена Нѣмка, сдѣлавшаяся Чешкою, дочка 7 лѣтъ, 2 сына по 3—4 году и еще сынишка однолѣтокъ. Слечна (=барышня) Богуслава или, какъ обыкновенно называютъ, Тонинка, сестра жены, дополняетъ сѣмейство. Въ прислугѣ—три «дѣвочки». Комната подъ № 2 вся обставлена кроватками и вечеромъ въ ней едва-едва пройти можно. Гостинная всегда почти пуста. Станькова все съ дѣтьми. Станекъ то на визитахъ у больныхъ, то занимается. Станьковицъ Богуслава на все руки: и въ кухнѣ, и за дѣтьми, и за фортопiano, и учится (хоть ей уже вѣрно лѣтъ 19), и шьетъ. Въ сѣмействѣ доброе согласіе. Мнѣ отвели на ночлегъ гостинную,—и тутъ я не могъ не видѣть Славянской гостинности: кровать была послана богато, не забыта была ни вода для питья, ни столикъ у кровати, ни вода для умыванья утромъ, ни гребень, ни что. Въ 4-мъ часу я проснулся, сталъ одѣваться; въ № 2 было уже все на ногахъ,—и вотъ кто-то постучалъ въ дверь ко мнѣ. «Витамъ» (привѣтствую)—отвѣчалъ я на этотъ вопросъ. «Вы уже встали?»—говорила мнѣ слечинка. «Пора въ дорогу».—«Я готовъ».—Ну, такъ милости просимъ «сидати»: кофе на столѣ. Я вышелъ—напились кофе, и поѣхали—Станекъ, Станькова, дочка, старшій сынокъ и я: слечинка осталась дома

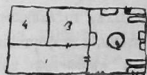
хозяйничать, хоть и разбудила всѣхъ и сама уложила въ коляску все что предполагалось взять въ дорогу.

Лошади были добрыя, мы ѣхали скоро, болтали, любовались видами— было весело. Нашъ путь былъ въ Раковницкій край (уѣздъ) на сѣверъ, съ горы на гору, и все ближе къ горамъ. Виды прелесть. Въѣхавши на Вѣлую гору, мы остановились, и глядѣли долго: на югѣ Прага съ окрестностями, на востокѣ и сѣверѣ въ синей дали Исполиновы горы, кругомъ удоля и горы: чудесная панорама. Въ половинѣ X-го мы были въ городѣ Сланомъ и остановившись у солянаго источника, напились воды. За Сланомъ спустились въ долину и ѣхали ею черезъ холмы и горки до Ярпицы. Въ верстѣ отъ Ярпицы проѣзжали мимо церкви св. Исидора, гдѣ сегодня «славность» и «путь» (праздникъ и богомольствіе), и съ трудомъ пробрались сквозь толпу народа. Ѣхали-жъ мы въ Ярпицу къ Станьковымъ роднымъ. Радости и привѣтствіямъ не было конца, приняли и меня, какъ родного. Домъ, куда мы пріѣхали принадлежить отчиму Станька, богатѣйшему изъ Ярпицкихъ селянъ. По случаю праздника къ нему съѣхались родные со всѣхъ сторонъ. Домъ его построенъ по общему обычаю здѣшнему изъ камня, въ два этажа и оштукатуренъ снаружи и внутри. Вотъ расположеніе нижняго этажа.

1) сѣни, 2) гостинная или что наз. по Малор. хата, 3) кимната, 4) кухня (съ очагомъ), 5) чуланъ 6) ходъ на верхъ.

Все чисто, прекрасно. Въ гостинной по стѣнамъ лавки и передъ ними столъ, накрытый скатертью. По стѣнамъ картинки, двое стѣнныхъ часовъ. Кимнатка наполнена кроватями изъ березы подъ лакомъ. Въ кухнѣ также чисто какъ въ комнатѣ, и кушанье варится на чугуномъ листѣ, разогрѣваемомъ снизу. На верху:

1) сѣни съ кроватями, 2) комната холодная, 3, 4) чуланы.

Комната убрана прекрасно: тутъ 4 кровати подъ лакомъ, два коммоды изъ березоваго корня подъ лакомъ и съ бронзою, накрытые цвѣтными салфетками, два шкафа подъ лакомъ, въ серединѣ березовый круглый столъ, на коммодахъ картинки, восковыя свѣчи, изваянія Божіей Матери, часы, на стѣнахъ картинки и образа (очень бѣдные). Сѣмейство: старикъ, у старика сынъ съ женою и ихъ 10 недѣльная дочка, прислуги много, потому что старикъ содержитъ господа (шинокъ). Къ нему пріѣхали мать жены съ сыномъ, двѣ племянницы, а изъ ближняго селенія пришли мужья дочерей его съ дочерьми. Одежда: мужчины всѣ въ сертукахъ, фракахъ и пр. по городскому, и довольно богато. Что до женщинъ, то онѣ одѣты различно, сходяствуя только тѣмъ, что всѣ

въ шнуровкахъ. Молодая хозяйка одѣта такъ: ситцевая розовая юбка (сукня), голубой передникъ, шнуровачка на тальи такъ: съ портами (позументомъ) у пояса, безъ рукавовъ, а коро- тенькіе рукава кошили (рубахи) покрываютъ руку только въверху; на шеѣ шелковый голубой платочекъ; на головѣ малиновый кашемировый платокъ по Куреки такъ: на ногахъ башмаки. Мать хозяйки одѣта также, только шнуровачка черная плисовая, дочь дѣвушка такъ же, только голова не покрытая, и волосы зачесаны по городскому.

Пріѣзжія другія въ сукняхъ, передникахъ, а на тальѣ шпенцерь съ коротенькими полками подъ поясомъ и съ широкими рукавами; голова зачесана на манеръ XVIII вѣка—коса подъ косой, такъ:

кружевной чепецъ. На шеяхъ у вѣхъ или крестъ, или монета золотая, или кораллы. Чепецъ резъ полчаса былъ готовъ кофе, и къ нему поданы колачи (сдобные пирожки съ творогомъ или съ вареньемъ) и бухты (булочки) изъ бѣлой пшенич. муки. — Потомъ мы поѣхали къ обѣднѣ, къ св. Исидору. Впрочемъ въ церковь пробраться было нельзя. Мы ходили вокругъ мимо лавочекъ, гдѣ продають дѣтскія игрушки, пряники, роглики, мандловки (миндальные хлѣбцы), гоуски, цукерладки (конфеты) и т. д. Дѣти бѣгаютъ и свистятъ: въ праздникъ такого роду всякій изъ нихъ непременно получить свистелку. Заходили въ крипту (могильный домъ) князей Кинскихъ, недавно отстроенный, довольно большой, довольно красивый, съ камен. статуями, но еще не освященный и потому пустой: послѣ завтра будутъ святить и потомъ переносить гробы изъ могилы сюда. Воротившись, мы пошли съ Станькомъ по знакомымъ селянамъ. Постройка домовъ у вѣхъ одинакова, только бѣдиѣе. У нѣкоторыхъ жилье въ верхнемъ этажѣ, а въ нижнемъ коморы. Когда пришли домой, въ господѣ играла уже музыка (господа въ одномъ дворѣ съ домомъ хозяина): парни и дѣвушки (гохи и голы) танцовали—польку подъ звуки скрипки, баса, флейты и еще чего-то тѣ-та, тѣ-та, тѣ-та—быстро и рѣзко. Я пошелъ туда. Между парнями есть молодцы, между голками ни одной хорошенькой и стройной, и шнуровки не помогаютъ. Въ 3-й часу сѣли за обѣдъ, что продолжалось до 5 часовъ съ 1/2. Мы занимали первыя мѣста. Хозяева молодые не сажались, а угощали. Началось дѣло супомъ, свареннымъ превосходно, потомъ нѣсколько соусовъ, потомъ нѣсколько жареныхъ, потомъ салатъ. И мяска и блюда кружили по столу. Тарелки фаянсовыя съ цвѣтами. Стаканы съ цвѣтами. Ложки серебряныя. Пиво. Можно было объѣсться и обпить, если-бы слѣдовать просьбамъ хозяевъ. Послѣ обѣда кофе. И потомъ я пошелъ со старикомъ осматривать его хозяйство—столоду (гумно), масть (коровницу), яблочный садъ, огородъ: всюду видно довольство, изобиліе. Потомъ заѣли съ нимъ и съ другими селянами за

пиво и давай рассказывать о житье-бытье, объ обрядахъ, обычаяхъ и т. д. Я имъ рассказываю, что у насъ есть, а они мнѣ, что у нихъ, и приговариваютъ: чудное дѣло! за 400 миль, а то же, что и здѣсь.—Земли всѣ принадлежатъ аристократамъ. Мужикъ, имѣющій 60 стриховъ земли (стрихъ = 800 саговъ, изъ которыхъ въ каждомъ 9 локтей квадратныхъ) есть седлякъ и долженъ работать на господина 3 дни въ недѣлю; если имѣетъ мѣше, то работаетъ 1 день въ недѣлю и наз. халоупникъ; если не имѣетъ совсѣмъ земли, а только домикъ, то домкрь, и работаетъ 13 дней въ годъ, если и домика не имѣетъ, то подругъ (бродяга) и работаетъ также 13 дней въ годъ. Седлякъ лицо почетное, а подругъ чаще всего дѣлается жебракомъ (нищимъ) и ходить или съ сумою или съ арфю, или съ боловраткою (органомъ-шарманкою). Поминаютъ Императора Иосифа и не любятъ теперешняго. Господами своими хвастаются. Обрядовъ и сказокъ пересказывать не у мѣста—и спать хочется.

Прага, 1840. 12 Мая.

Вчера мы воротились въ 4-мъ часу послѣ обѣда. Поепѣшили потому что заболѣлъ сынокъ Станька и теперь ему очень дурно. Станекъ былъ у меня и говорилъ, что жена его и Тонинка не спали цѣлую ночь у постѣли малютки. А прогулка наша была прекрасная. Со счастливаго начала хочу почаще такъ дѣлать. Уже одна есть впереди—къ Винарижицкому ¹⁾ съ Челяковскимъ, и еще одна къ другому священнику за Мельникъ съ Станькомъ.

Завтра приглашенъ на музыкальный вечеръ къ Томашку ²⁾.

Цѣлую вашу ручку и поздравляю съ наступающимъ днемъ Вашего Ангела. Поклонъ всѣмъ и каждому.

Изъ Срез.

Слѣдовало бы написать и еще листокъ; но не успѣю, да и не о чемъ ³⁾.

XXVII.

№ 15. Прага, 1840.

14 Мая. Вчера былъ музыкальный вечеръ у Томашка, вечеръ для меня,—и меня тамъ не было! Досада да и только. Въ Вторникъ приходилъ ко мнѣ Ганка съ приглашеніемъ, и, давши письмо Погодина Шафарику, для передачи ему, сказалъ между прочимъ, что-бы я уведомилъ Шафарика и о вечерѣ. Я было

¹⁾ Karel Alois Vinařický—почтенный Чешскій литераторъ и ученый.—фараръ Кованскаго прихода (1802—1869); онъ извѣстенъ какъ переводчикъ Греческихъ и Римскихъ поэтовъ. И. И. Ср—ій въ письмахъ къ Краевскому отзывается о немъ, какъ о замѣчательномъ по стику поэтѣ. См. также Донесеніе И. П. С. изъ Вѣны 8 Февр. 1841 г. (Ж. М. Н. Пр. 1841 г. № 8).

²⁾ Václav Tomášek—извѣстный Чешскій музыкантъ и композиторъ (1774—1850).

³⁾ Приписка на полѣ.

собрался идти къ Шафарику, но пришелъ Станекъ, потащилъ къ Фричовымъ¹⁾; тамъ меня удержали до вечера — и я у Шаф. не былъ. Вчера — утро проспидълъ дома, вовсе забывши о вечерѣ, а послѣ обѣда пришелъ Челяковскій и проспидълъ до 1/2 шестаго. Проводивши Челяковского, я пошелъ къ Шафарику, совѣтясь идти къ Томашку, не сказавши ему о томъ, да и вовсе не предполагая, что вечеръ для меня, слѣдовательно думая, что если неудобно быть на этотъ разъ, то буду въ другой. Съ Шафарикомъ разговорились, — и уже въ 8-мъ часу я могъ ему сказать о Томашкѣ. «Вы званы?» — Да. — «Что-же вы не пошли?» — Совѣстно было идти, не сказавши Вамъ. — «Ай, ай, ай! А Ганка вамъ не сказала, для кого этотъ вечеръ?» — Нѣтъ. — «Ну, такъ онъ самъ виноватъ. Томашекъ честолюбивый человѣкъ: онъ дѣлалъ это для васъ. Жаль!» — Я почесалъ въ головѣ, и остался у Шафарика, потому что идти уже было поздно. — Сегодня утромъ приходитъ Станекъ, и говоритъ мнѣ, что меня тамъ долго ждали, что онъ хотѣлъ было взять фьякръ и ѣхать за мною, но что всю вину онъ взялъ на себя, сказавши Томашку, что обѣщаль зайти за мною, и забывъ. Вечеръ былъ прекрасный. Дочь Томашка пѣла пѣсни изъ Краледв. рукописи, Томашекъ много говорилъ о музыкѣ народной. Время прошло весело. Послѣ обѣда я пошелъ къ Ганкѣ, и еще разъ досадовалъ вмѣстѣ съ нимъ. Томашекъ хотеть сдѣлать еще разъ вечеръ, когда пріѣдетъ Докторъ Гай. —

15-е Мая. — Утромъ сегодня былъ у Ганки въ Музеумѣ, послѣ обѣда у Челяковского и потомъ въ театрѣ вмѣстѣ съ нимъ, гдѣ давали опять l'Elisire d'Amore, и Подгорская снова восхищала всѣхъ своимъ роскошнымъ голосомъ и умѣньемъ управлять имъ.

16-е Мая. Суббота. Воротившись изъ обѣдни, сажусь въ ожиданіи обѣда за газеты, вдругъ дверь открывается, и хозяйскій сидѣлецъ подаетъ письмо... Боже мой, изъ Харькова! Да эдакъ я пожалуй и избалуюсь, душенька Маменька! Теперь Вы пишете ко мнѣ чаще, нежели я къ Вамъ. Цѣлую Вамъ ручку за это, милая Маменька. Можетъ быть въ Прагѣ только мнѣ и побаловаться, а тамъ... Впрочемъ можетъ быть и нѣтъ. Сколько до сихъ поръ знаю, думаю, что путешествіе мое не будетъ быстробѣгучее. Для избѣжанія лишнихъ издержекъ въ пути, конечно, лучше переселяться изъ города въ городъ, изъ страны въ страну; но такое путешествіе выгодно для того, кто хотеть любоваться, а не изучать что нибудь. Для меня же гораздо лучше засиживаться въ одномъ городѣ, и изъ него дѣлать вылазки въ окрестныя страны. Въ Прагѣ, я думаю, останусь до осени; а потомъ въ Вѣну... кажется зимовать буду въ Вѣнѣ, гдѣ можно найдти довольно и Чеховъ и Словаковъ, и разнаго рода Иллирійцевъ. — Какъ бы то ни случилось, однако, Вы будете знать,

¹⁾ Вѣроятно семейство Фрича (Josef Frič), адвоката и профес. юридическихъ наукъ.

Маменька, гдѣ я; а пока узнаете, пишите письма въ Прагу, и лучше на имя Ганки или Шафарика.—

Между тѣмъ надобно написать Вамъ нѣсколько словъ и о «славности», которую теперь празднуетъ Прага. Сегодня день св. Іоанна Непомука. Я уже, кажется, писалъ Вамъ, что великолѣпная серебрянная рака его есть одно изъ блестящихъ украшеній Собора св. Вита. Іоаннъ Непомукъ былъ Пражскимъ священникомъ и по повелѣнію короля Вячеслава сверженъ въ Молдаву съ моста. Въ 1729 г. онъ былъ канонизированъ, т. е. причисленъ къ лику святыхъ, и съ тѣхъ поръ сталъ въ числѣ патроновъ Чехіи, наиболѣе чтимыхъ всѣми Чехо-Славянами. Едва ли можно найти въ цѣлой Чехіи домикъ, въ которомъ бы не было его статуи. Въ Прагѣ же не только въ домахъ, но и на домахъ видите эти статуи. Кстати. Прага въ отношеніи религіозномъ похожа на Бенересь; не только множество церквей, часовенъ и прочихъ молитвенныхъ мѣстъ, но во всякой улицѣ вы найдете передъ чѣмъ стать на колѣна и молиться,—на однихъ изъ домовъ въ самой серединѣ, между окнами бель-этажа, нарисованъ огромный образъ, на другихъ то-же въ серединѣ, въ нишѣ, или на углу статуя какого нибудь святаго, или Божіей Матери, или распятіе; даже на площадяхъ стоятъ всюду такія статуи. Словомъ куда ни оборотитесь—или образъ, или статуя. Изъ статуй всего чаще статуи св. Іоанна Непомука. На праздникъ его стекается народъ въ Прагу не только со всѣхъ сторонъ Чехіи, но и изъ Моравіи, изъ Венгріи, Тироля и такъ далѣе. «Венковскій» (=не живущій въ Прагѣ) народъ копить деньги на это странствіе въ Прагу цѣлый годъ, и на 40 миль вокругъ Праги нѣтъ человѣка, который бы хоть однажды не былъ въ Прагѣ въ день св. Іоанна Непомука. И какъ идетъ этотъ народъ въ Прагу. Съ каждаго прихода люди рѣшившіеся идти въ Прагу, собираются вмѣстѣ, и взявши изъ церкви знамя процессіей идутъ, всю дорогу напѣвая пѣсни св. Іоанну. Уже въ Четвергъ, шодши въ Музеумъ, я встрѣтилъ по дорогѣ нѣсколько такихъ процессій. Вчера я также былъ въ Музеумѣ, и ходилъ съ Ганкою въ церковь Вита. Дворы дворца, черезъ которые надобно идти въ церкви, были уже полны. Тутъ и Штевницкіе Словаки въ костюмахъ Вамъ извѣстныхъ, и Словаки изъ горъ въ бѣлыхъ шляпахъ и плащахъ, и Мораваны въ синихъ шинеляхъ, и Ганаки въ синихъ курткахъ и малиновыхъ панталонахъ, и Чехи во фракахъ и кожаныхъ штанахъ, и женщины въ раз. костюмахъ, подобныхъ тѣмъ, которые описывалъ въ прошломъ письмѣ. Мостъ, украшенный между прочимъ также бронзовою статуей Іоанна также былъ полонъ. Въ 6 часовъ при громѣ пушекъ было совершенно на мосту молебствіе передъ статуей, которая по этому случаю была украшена балдахиномъ въ родѣ алтаря, и по захожденіи солнца освѣщена множествомъ цвѣтныхъ фонарей. Такая же статуя стоитъ и на моемъ Конскомъ торгу; и она также

была украшена. Вчера вечеромъ, возвратившись изъ театра, я занимался, а по площади неслись отъ мѣста гдѣ статуя, звуки пѣсней коленнопреклоненнаго передъ нею народа. Я взглянулъ въ окошко—и заглядѣлся. Среди площади

статуя, украшенная олтаремъ горитъ фонарями, во всѣхъ окнахъ домовъ горятъ свѣчи, мѣсяцъ свѣтитъ изъ за тучъ. Площадь полна народомъ,—и всюду поютъ. Зрѣлище для меня необыкновенное и поразительное.

Сегодня въ 8 часовъ утра я вышелъ изъ дому въ Музеумъ, что бы съ Ганкою вмѣстѣ идти къ обѣднѣ, которую въ 11 часовъ долженъ былъ служить Архіепископъ. Обыкновенно иду я изъ дому до Музеума 20 минутъ или 25; сегодня шель пѣлый часъ; потому въ Іезуитской улицѣ, не доходя до моста, по мосту, и за мостомъ до самаго замка, особенно на сходахъ должно было, за множествомъ народа, подвигаться шагъ за шагомъ. Все это мѣсто будто одна церковь. Иногда надобно было протираться, особенно тамъ гдѣ народъ стѣснился около лавочки, гдѣ продаютъ молитвенники и образа, слушая пѣсни продавицъ; а такихъ лавочекъ на однихъ сходахъ и около нихъ около 100. Каноникъ Пешина ¹⁾, съ которымъ я познакомился въ собраніи Музеума, бывшемъ недѣли за двѣ, далъ мнѣ билетъ на хоры, и мы получили съ Ганкою прекрасное мѣсто: видно было и алтарь и народъ. Нѣчего говорить, что церковь была биткомъ набита, и не только церковь—три огромныхъ двора дворца также. Такое стеченіе народа я видѣлъ въ Россіи только тогда, когда, помните, встрѣчали мы въ Харьковѣ Императрицу. Передъ обѣдней Пешина читалъ проповѣдь, и при концѣ ея народъ рыдалъ. Служба шла своимъ чередомъ великолѣпно и въ сопровожденіи музыки и пѣвчихъ. Мы не дождались конца и вышли.—Теперь уже семь часовъ вечера. Еще Конскій торгъ полонъ народа; но уже многіе идутъ изъ Праги. Завтра будетъ все пусто. Различ. процессій описать нельзя. Вотъ для примѣра одно. Часу въ четвертомъ, когда у меня еще сидѣлъ Челяковский, услышали мы необычайно громкій голосъ пѣсней, и подошли къ окну. Видимъ, что толпа челоуѣкъ 500 идетъ и поетъ пѣснь, а впереди несутъ къ олтарю св. Іоанна статую Божіей Матери на носилкахъ такой формы:

¹⁾ Pešina, Václav Michal (1782—1859)—проповѣдникъ и писатель-богословъ.

Кстати сказать: Чехи очень любятъ духовныя пѣсни и имѣютъ ихъ болѣе нежели обыкновенныхъ пѣсень.—Многое мнѣ кажется страннымъ въ католическихъ обрядахъ; но когда вспомнишь о благоговѣніи, съ которыми исполняются они народомъ, чувство овладѣваетъ душою. Нельзя не чтить обряда, исполняемаго по внушенію души, жаждущей молиться.—

Сегодня я былъ опять въ театрѣ. Давали глупую, но простонародную комедію, и хохоту было въ театрѣ много. Завтра опять будетъ даваться Чешская пьеса—опера Іесонда. Опять пойду. Не хочу опустить ни одного Чешскаго представленія; а онѣ уже скоро кончатся. Лѣтомъ Чешская сцена закрыта. Остается только пять представлений, какъ сказалъ мнѣ Шафарикъ, съ которымъ мы шли изъ театра вмѣстѣ.—

Завтра хотѣли мы съ Челяковскимъ идти на Шарку, вереть за 7 отъ Праги; но погода непостоянная заставляетъ отложить до времени это странствіе. А погода удивительно непостоянна: вчера, шедши въ театръ, нельзя было думать о дождѣ; а, выходя, принуждены были съ Станькомъ взять фіякръ. Сегодня послѣ обѣдни тоже грануль дождь, и если бы на мнѣ не было каучуковаго пальтона, который я купилъ вмѣсто плаща, то промокъ бы до костей. Теперь опять свѣтло и сухо.

Прощайте, Маменька.

Из. Срези.

20-е Мая. Сейчасъ получилъ Ваше письмо съ приписками друзей моихъ и не могъ не заплакать. Съ какою бы радостію прижался я къ груди Вашей. Словами высказать моей благодарности не могу.—

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Марѣ Ивановнѣ, Марѣ Ѳедоровнѣ Miss Fanny, Марѣ Андреевнѣ, Григорію Григорьевичу ¹⁾).

Мое почтеніе ...²⁾ Петров. и его батюшкѣ, Ивану Петровичу и т. д.

Надинька ³⁾! Ауууууу! — Ну ка въ Прагу. Я бы познакомилъ какъ разъ съ Боженой (дочерью Станька), съ которою мы иногда играемъ въ куклы. — Ахъ, и забылъ, что Наденька не играетъ. А. Божена не меньше.

Добрый Амвр. Лукіановичъ замѣтилъ мнѣ, что я чѣмъ то огорчилъ Васъ въ одномъ изъ писемъ моихъ. Душевно благодарю его, — а у Васъ, душенька Маменька, прошу прощенія, хоть право въ головѣ не было ни малѣйшаго помысла огорчить Васъ.

Пожалуйста не сердитесь, Маменька, на меня за письмо, которое Васъ огорчило.

¹⁾ М. И. Фидлеръ, М. Ѳ. Питра, Ф. С. Питра, М. А. Анячкова, Г. Г. Фидлеръ.

²⁾ Слово не разобрано.

³⁾ Н. Топчіева,

XXVIII.

№ 16. Прага. 1840. Мая 28.

Вы не осердитесь, милая Маменька, что я начинаю это письмо на лоскутѣ: скудость! Когда разрѣзывалъ бумагу, задумался, и разрѣзалъ не такъ, какъ надо. Что-жъ, не бросить-же его! Притомъ-же больше этого листка и не придется написать изъ Праги, потому что...завтра въ 12 часовъ ѣду въ Болеславъ (на картѣ Вы найдете Вунцлау на СВ отъ Праги). Винаржиккій, одинъ изъ почетнѣйшихъ литераторовъ Чешскихъ, фараѣмъ (начальникомъ прихода, священникомъ), въ Ковани, недалеко отъ Болеслави, и болеть очень. Станекъ уже ѣздилъ къ нему, не сказавши мнѣ; теперь ѣдетъ опять, и я не упускаю случая. Можетъ быть уже другого случая не будетъ мнѣ побывать въ тѣхъ мѣстахъ. Слѣдующій листокъ буду уже конечно писать изъ Ковани или Болеслави.

О чемъ-же писать теперь?—Теперь 9 часовъ. Отрядъ солдатъ переходить черезъ Конскій торгъ съ музыкою—и напоминаетъ мнѣ о музыкальности Праги. Вотъ достоинство, которое ни врагъ у нея не отниметъ. Прага языкомъ можетъ молчать, но инструментомъ и гортанью—не въ силахъ, и вѣтъ минуты ни днемъ ни ночью, когда бы Вы не слышали какой-нибудь мелодіи. На Конскомъ торгу то (обыкновенно утромъ рано) идутъ сотни мальчиговъ и дѣвочекъ изъ школы въ церковь или обратно съ знаменами и крестами и поютъ духовную пѣснь; то везутъ мертваго воина (солдата и офицера), и передъ гробомъ идутъ солдаты и музыка играетъ погребальный маршъ; то разводъ; то (обыкновенно вечеромъ) передъ домомъ какой-нибудь слесняки (барышни), накануне дня ея рожденія, пѣвцы поютъ ей серенаду, желая ей долголѣтія, здравія и всего; то (обыкновенно) позднимъ вечеромъ ворочается съ гулянья стая молодцовъ и поетъ народную пѣсню или арію изъ оперы, или романсъ; а въ промежуткахъ слышите то гармонику, то коловратку (шарманку), то арфу, на которой играетъ какая-нибудь слѣпая, то кларнетъ, то скрипку, то фортепіано, то то, то другое. Выходите изъ дому, когда хотите и куда хотите,—и вы музыки не минуете. Коловратки надо-ѣдаютъ, арфу не пересчитаешь, пѣвуней сколько домовъ и этажей, а въ садахъ каждое послѣ обѣда концерты, въ церквахъ же каждый день органы, въ шинкахъ, самыхъ худшихъ даже, хоть одноглазый баснетъ съ беззубой пѣвицей или слѣпою арфисткой, а все таки потѣшаютъ почтеннѣйшую публику. И замѣтите—такъ разъ—два, разъ—два чаще всего. Люблю Прагу за ея музыкальность столько же, сколько сожалею о ней за мотовство на наряды. Дворянки хотятъ отличиться отъ мѣщанокъ богатствомъ наряда; мѣщанки этого не хотятъ и тянутся изо всѣхъ силъ за ними; — и пошло. Напр. кто это

идеть вся въ атласѣ и блондахъ, перекинувши черезъ руки богатую шаль, идеть точно живая модная картинка?, Это мамзель Панна, дочь угольной продавицы табаку, которая сидитъ и спитъ цѣлый и каждый день въ шкафицѣ со стеклушкомъ, и сквозь него отпускаетъ проходящимъ трубку за гривну, табакерку за три гроша, и т. п.

Ай! Моя бумага и самъ не знаю какъ склѣилась. Тѣмъ лучше. Не знаю только какъ склѣить съ тѣмъ, что уже написалъ, то, что еще вошло мнѣ въ голову. Вотъ что. Еще особенность Праги: лотореи. Каждую недѣлю розыгрывается казенная лоторея, и объявленія объ этомъ можно читать на каждомъ углу, а билеты доставать почти въ каждой лавочкѣ. Гдѣ вѣчные зрители, гдѣ эти зрители чаще застаиваются? тутъ, у этихъ лавочекъ. Всѣ, всѣ испытали эти горькія неудачи,—и между тѣмъ надежда манить, ослѣпляетъ, судорожно сцѣпляетъ руку въ карманъ, судорожно выбрасываетъ ее изъ кармана съ деньгами за билетъ, обманывается—и снова манить. Я уже не разъ становился въ рядъ этихъ денеголюбцевъ, чтобъ смотрѣть на игру физиогномій, прислушиваться къ шопоту и ворчанью. Вѣдные!.. А правительство знаетъ, что пускаетъ этими лотореями по миру десятки еженедѣльно, не говоря уже о развратѣ сердца,—и между тѣмъ торгуетъ, отдавая содержаніе этихъ лоторей на откупъ Жидамъ. Музыкальность, любовь наряжаться, страсть къ лотореямъ и наконецъ—богомольство (очень кстати!): вотъ 4 стороны квадрата, между которыми мечется сердце жителя Праги.—Пронграетъ еще гульденъ, съ горя помолится, развеселится, приодѣнется, заслушается музыки и опять къ лотореѣ!—

Венеція (по Чешски Бенатки) 29-го Мая.

— Венеція? —спрашиваете Вы, милая Маменька. Да, Венеція... И какъ близко отъ Праги—только 5 миль—35 верстъ! Выѣхавши изъ Праги въ полдень, мы приѣхали сюда въ 6 часовъ. А право Венеція—Бенатки, какъ и на Адриатическомъ морѣ. Впрочемъ объ этой Венеціи нечего писать. Дрянной городокъ—да и только. Тѣмъ хуже показался мнѣ онъ, что въ немъ почмейстеръ содралъ съ насъ за пару лошадей до Совинки—2 гульдена серебромъ. До сюда мы ѣхали въ штельвагенѣ, чудномъ экипажѣ, который описывать нѣкогда. Пьемъ молоко и ожидаемъ, что подѣдутъ лошади. Приѣхали.—

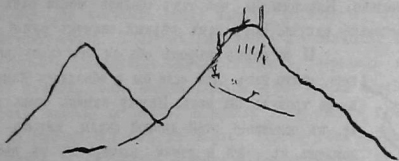
Кованъ. 12-й часъ ночи. Послѣ ужина.

Доѣхавши до Совинки на почтовыхъ, мы получили здѣсь отъ управителя дрожки до Ковани, и управитель этотъ былъ такъ добръ, что предложилъ мнѣ пользоваться лошадьми цѣлый завтрашній день для осмотра окрестностей. Насъ приняли у Винаржицкаго какъ родныхъ. Ему лучше; но все еще

лежитъ. Онъ не ожидалъ меня и обрадовался. Старикъ—отецъ его и дѣвушка—дочь угостили насъ по Славянски.— Ложусь спать, потому что завтра въ 4 часа долженъ ѣхать на гору Бездееъ и далѣе.—

Подъ Бездесомъ. Трактиръ. 30 Мая.

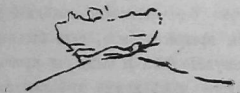
Еще я пьянъ, чуть не помѣшанъ. Видѣ, которымъ я наслаждался, былъ для меня такъ новъ, такъ поразителенъ, что я былъ внѣ себя отъ наслажденія, и до сихъ поръ передъ глазами все онъ. Гляжу въ окно и вижу: Эта гора

будетъ можетъ быть въ четверо выше Хорошевской ¹⁾). Можете представить, чтò съ нее видѣть. Луга лѣса, десятки деревень, селъ и городовъ,—и горы—Исполновы рисуются на границахъ горизонта, выступая все ближе и ближе отдѣльными вершинами, то голыми, то поросшими лѣсомъ, съ замками на высотахъ. Въ ясную погоду можно видѣть до Праги, и за Прагу. И теперь ясно; но рано, туманъ. Надѣюсь Вы скоро будете читать подробное описаніе этой поѣздки моей, и теперь молчу. Надобно похолодѣть.—Ѣду далѣе.

У подошвы Габихштейна.

Вы видали этотъ Габихштейнъ на картинѣ. Помните—на горѣ гора въ видѣ корабля, и на вершинѣ замокъ, такъ:

У подошвы этой горы въ гостинницѣ сижу я теперь и пишу пока подадутъ кофе. Наньюсь, и на гору. Очень радъ, что могу побывать въ этихъ мѣстахъ такъ, какъ случилось. Винаржицкій далъ мнѣ проводника, который всюду былъ и все знаетъ. Кетати о томъ, какъ приняли меня у него. Не пробило сегодня еще и 4 часа, какъ въ двери стукъ-стукъ. Я былъ уже одѣтъ. Отворяю: сестра Винарж. несетъ кофе. Бѣдненькая, она должна была встать прежде меня, чтобы приготовить. Я благодарилъ какъ умѣлъ; но что значать слова благодарности передъ этою гостепріимностію,—и если бы Вы видѣли, съ какимъ радушіемъ было дѣлано это. Нельзя не замѣтить и о житьѣ-бытьѣ его. Если все священники помѣщены такъ, то нельзя не по-

¹⁾ Около Харькова; на ней находится женскій Хорошевскій монастырь.

жалѣть, что у насъ... отъ этого еще далеко. Прекрасный двухэтажный домъ у церкви, очень мило меблированный,—годился бы для любого города. И всего въ довольствѣ.—Одиннадцать. Пора идти на гору. Кучеръ и проводникъ допиваютъ свой кофе. Маменька, гдѣ вы? Пойдемъ! Взойти можно, говорить, совершенно безопасно, даже покойно. Пойдемъ!..

Воротившись.

Удивительно. Казалось бы, что такъ создать могла одна фата-моргана и то на нѣсколько минутъ. Вотъ вамъ вѣрный снимокъ одной изъ профилей:

И со всѣхъ сторонъ обходя эту скалу вы идете подъ нею, часто такъ, что если бы и обвалился камень сверху, то и не тронулъ бы васъ. Вверху камень очень крѣпокъ, внизу, въ основаніи этой дивной скалы, мягокъ, такъ что его ломаешь въ рукѣ и ломая растираешь въ песокъ. Морское происхожденіе скалы слишкомъ очевидно; всюду видны отпечатки черепашекъ и рыбныхъ перьевъ. На верху скалы остаются остатки стѣнъ и валяются черепки и угли. Замокъ сгорѣлъ. Въ разныхъ мѣстахъ въ скалѣ прорублены ямы, проходы, цѣлыя залы, былъ и колодезь.—А что съ Вами, душенька Маменька, могли бы мы все видѣть, то это совершенная правда. За два года, когда кто хотѣлъ входить на скалу, то надобно было представлять лестницу; теперь сдѣлана башня, и въ ней сдѣлана прекрасная витая лестница, которою входите безъ усталости на первый ярусъ; на самый верхъ тоже безъ усталости входите по ступенямъ, высѣченнымъ въ скалѣ. Какъ бы прекрасно было, если бы все Куржское наше общество собралось здѣсь и погуляло бы... Я былъ бы проводникомъ. И какой видъ сверху, и какъ всего много, чѣмъ можно любоваться. А то—теперь я одинъ записалъ свое имя въ памятной книгѣ.—Я хотѣлъ было вырѣзать и свое имя на скалѣ, но ножъ не хватилъ, а гвоздя не было.

Ковань. Понедѣльникъ.

Вчера въ половинѣ пятого я былъ уже опять въ Ковани. Станекъ уже уѣхалъ въ Прагу,—и я остался одинъ въ гостяхъ. Посидѣвши съ Винаржицкимъ, я пошелъ съ отцомъ его, добрымъ старичкомъ, и прежнимъ проводникомъ моимъ оглядѣть окрестности Ковани и житіе здѣшнихъ седляковъ. Равнина, на которой стоитъ Ковань, заставляетъ думать что глядѣть не на что; но вышедши 20 шаговъ изъ деревни видишь совсѣмъ другое: между Кованью и ближнимъ селомъ Скальскимъ лежитъ долина такъ глубокая, что

ея берега выше Хорошевой горы. Долина извивается разнообразно и дѣлится на отроги. Дикія скалы стѣнами и башнями торчатъ всюду, изъ подъ нихъ бьютъ ключи и журчатъ по долинамъ. Словомъ чудная природа, превосходное гулянье. Мы бродили по горамъ, по долинамъ часа три. Старикъ воротился домой, а я съ проводникомъ въ Подскальское, гдѣ два седняка выстроили недавно два новыя строенія для хозяйства, что стоило посмотреть. Оглядились и потомъ пошли по селенію, заходя въ домики то напиться воды, то спросить гдѣ живетъ тотъ или другой, нѣтъ—подъ какимъ нибудь другимъ предлогомъ. Я замѣтилъ всюду чистоту, опрятность. Нѣтъ ни одной избы не оштукатуренной. Домиковъ еще много деревянныхъ, но теперь уже запрещено строить деревянные: каменей пропасть, черепица не дорога, и строится разъ навсегда, безъ боязни пожара.—Но это-ли Славянское Воскресенье—все тихо, никого не видно. Женщины Богъ знаетъ гдѣ, а мужчины у пивовара за пивомъ играютъ въ карты. Только дѣти собрались на площадкѣ и играютъ въ «поцѣлуй».—Сегодня черезъ полчаса иду пѣшкомъ въ Болеславъ и оттуда далѣе вѣду.

Л и б у н ь. Среда, 3-е Мая ¹⁾.

Цѣлыхъ двое сутокъ не принимался за перо. Право, времени не было: то то, то се. И вотъ въ нѣсколькихъ словахъ отчетъ, какъ прошли для меня эти два дни. Въ Понедѣльникъ въ началѣ 9-го я простился съ Винаржицкимъ, и въ путь пѣшкомъ изъ Ковани въ Болеславъ, и не прямою дорогою, а тропинкой. Болѣе полутора часа шли мы (съ проводникомъ) по долинамъ извивающейся изъ Ковани на югъ къ рѣкѣ Изерѣ; потомъ еще около полутора часа по берегу Изеры вверхъ. Надобно было спѣшить въ Болеславъ чтобы успѣть занять мѣсто въ Болеслав. diligencѣ; а потому, проходя мимо 7 деревенекъ, заходили то въ тотъ, то въ другой домикъ только на нѣсколько минутъ. Три часа прошли незамѣтно. Въ одиннадцать Болеславъ была передъ глазами; въ половинѣ 12-го я уже былъ на почтѣ. Взявши билетъ, я пошелъ бродить по городу. Болеславъ хоть и Крайскій городъ, но довольно нечистъ и нехорошъ, и притомъ малъ такъ, что въ полчаса я обходилъ все лучшее. Потомъ пообедалъ и въ часъ пополудни поѣхалъ по дорогѣ въ Ичинъ до Соботки. Это всего три мили. Въ 4 часа мы были въ Соботкѣ. Оставивши верхній кабадъ и портфель въ гостинницѣ я пошелъ къ Декану Ветешнику ²⁾, самъ не зная, останусь ли въ Соботкѣ или далѣе поѣду.

¹⁾ Описка; надо читать 3-е июня (по новому стилю = 22 мая стараго стиля).

²⁾ František Vetešík—Чешскій писатель (1784—1850); богословъ по образованію, приходскій священникъ, фараръ и деканъ по служебной дѣятельности, онъ посвящалъ свою дѣятельность главнымъ образомъ распространенію грамотности и книгъ въ средѣ простого народа и былъ однимъ изъ первыхъ дѣателей извѣстнаго издательскаго общества Матица Чешской.

Ветешникъ обрадовался приѣзду Русскаго, какъ роднаго, и упрасивалъ остаться до утра; но между тѣмъ у него уже было взято мѣсто въ diligensъ до Ичина. Узнавши это, намъ не трудно было согласиться ѣхать въ Ичинъ вмѣстѣ, — и поѣхали: я также долженъ былъ ѣхать въ Ичинъ, что бы познакомиться съ профессорами Широмъ ¹⁾ и Махачкомъ ²⁾. Въ продолженіе двухъ часовъ мы сѣдѣли этотъ переѣздъ двухъ миль. По дорогѣ говорили о Россіи и Чехіи. Я любовался видами, а Ветешникъ, почтенный, добрый и умный старикъ, рассказывалъ мнѣ о житьѣ-бытьѣ Чеховъ и требовалъ отъ меня въ замѣнъ объясненій о Россіи. Онъ любитъ ее какъ родную землю. Въ Ичинѣ мы заходили въ книжную лавку, а потомъ пошли къ проф. Ширу. Ширъ тоже упрасивалъ остаться на ночь въ Ичинѣ, но Ветешникъ расположился такъ: мы съ нимъ двое тотчасъ пойдемъ въ Либунъ пѣшкомъ тотчасъ, а Ширъ и Махачекъ придутъ туда на другой день, — и такъ сойдемся вмѣстѣ. Жена Шира поподчивала насъ виномъ: чокнувшись стаканами за здоровье Русскихъ, Чеховъ и всѣхъ Славянъ, шапки на головы, и пошли. Ширъ хотѣлъ провожать насъ нѣсколько. Отъ Ичина до Либуніи будетъ конечно миль около двухъ: потому что вышедши изъ него въ началѣ 8-го, мы пришли въ Либунъ въ $1\frac{1}{2}$ одиннадцатаго. Ширъ провожалъ насъ до половины дороги. Деканъ Марекъ ³⁾, къ которому шли мы въ Либунъ, уже спалъ; мы разбудили — и на радости сидѣли и болтали еще довольно долго. Очень рано утромъ Ветешникъ пошелъ домой въ Соботку, потому что вспоминалъ, что долженъ былъ вѣнчать; но, прощаясь со мною, обѣщалъ воротиться послѣ обѣда. Этотъ разговоръ я помню сквозь сонъ: солнце еще не взошло, а спать мнѣ очень хотѣлось. Около 7-ми часовъ мы поздоровались съ Маркомъ, и послѣ кофе, пошли на Троски. Вы также видѣли на картинкѣ эти дивныя скалы. На очень возвышенномъ пологомъ холмѣ поднимаются вверхъ двѣ скалы какъ двѣ башни, такъ: довая стѣна замка, дой по башнѣ. Тросъ такъ что на походъ около $4\frac{1}{2}$ часовъ.

между ними сдѣлана человѣкомъ пересзади ихъ много, и на вершинахъ какъ ки отъ Либуніи не много далѣ миль, ку туда и обратно намъ нужно было. Подошедши къ Троскамъ, Марекъ (сѣдой, хоть и свѣжій старикъ) указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ взбираться на одну изъ нихъ. — Да это невозможно! сказалъ я. — Невозможно? Я вамъ покажу, что можно. — Онъ снялъ

¹⁾ František Sir (1796—1867) профессоръ Ишненской гимн., впоследствии директоръ той же гимназіи. Посвятивъ себя филологіи, работалъ надъ Чешскимъ яз. и занимался изученіемъ классиковъ; имъ издано много пореводовъ съ древнихъ языковъ.

²⁾ Macháček Šimon Karel (1799—1846); извѣстенъ, какъ переводчикъ Нѣмецкихъ поэтовъ.

³⁾ Antonín Marek (1785—1877) — писатель-богословъ; П. И. С — скій въ письмахъ къ Краевскому отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ ученомъ и знатокѣ Русскаго языка. Марекъ занимался въ то время переводами стихотвореній Пушкина и Державина. Его псевдонимъ Волемиръ Цаборскій.

сертукъ и пошелъ карабкаться на отвѣсную скалу. Я хотѣлъ было послѣдовать его примѣру; но сколько ни желалъ, сколько ни старался,—не могъ. Марекъ сползъ и мы пошли къ другой. Тутъ до половины приставлена къ скалѣ гигант. лестница ступеней во сто. Мы полезли по ней, и сверху лестницы любовались видомъ: не хуже вида съ Бездѣса. Со временемъ сдѣланы будутъ ходы на обѣ скалы.—Не успѣли мы воротиться домой, какъ пришелъ Ветешникъ изъ Сobotки, Ширъ изъ Ичина. Обѣдали. Послѣ обѣда прѣхалъ Махачекъ съ Гульманомъ. День прошелъ весело. Вечеромъ, провожая гостей, мы гуляли съ Маркомъ вокругъ Либуни.—Теперь уже половина 7-го: черезъ часъ идемъ пѣшкомъ въ Турновъ, за двѣ мили отъ Либуни.—Такъ то бродить Вашъ сынокъ.

Л и б у н ь. 4-е Мая.

Еще день минулъ, и минулъ оставивши во мнѣ надолго нѣсколько пріятныхъ воспоминаній. Съ почтеннымъ Маркомъ мы ѣздили въ Турновъ. Проѣзжая мимо великолѣпныхъ утесовъ Грубой Скалы мы заѣхали къ владѣльцу Грубоскальскаго замка, барону фонъ Эрентау, были приняты имъ очень ласково и радушно, и осмотрѣли сблизии утесы и любовались видами. Видовъ описывать нѣтъ силъ; а что до вида скалъ, то довольно сказать, что большая часть ихъ похожи на окаменѣлые пни пальмъ, въ вышину по крайней мѣрѣ въ четверо выше нежели въ толщину; и дорога къ замку только съ одной стороны, а съ другихъ утесъ:

Очень жаль, что погода вчера какъ и сегодня дождлива и не позволила побродить между скалъ. Въ Турновъ заходили мы въ два дома, гдѣ все напоминаетъ Русь—портреты и бюсты Государя, виды Петербурга и Москвы, самоваръ, чай, Рус. языкъ хоть немножко. Обѣдали у Декана, гдѣ по случаю визитаціи школъ благочиннымъ былъ обѣдъ для окольнаго духовенства. Какъ Русскій я и

здѣсь принять былъ съ почетомъ. Нельзя было не видѣть, что духовенство Чешское и образовано и любитъ Чештину. Я сказалъ Марку, что духовенство Чешское можно считать столбами народа Чешскаго, какъ въ Россіи дворянство. Мое замѣчаніе побѣждало по цѣлому столу,—и обѣдъ кончился тостомъ за здравіе Словянъ. Послѣ обѣда ходили еще кое-куда въ Турновъ, и въ половинѣ 10-го вечеромъ воротились домой.—Сегодня отправляюсь въ Ичинъ и оттуда, кажется, прямо въ Прагу.

Путешествіе это было для меня во всѣхъ отношеніяхъ полезно. Я познакомился съ одною изъ прекраснѣйшихъ и населеннѣйшихъ странъ Чехіи,

говорилъ постоянно по Чешски, узналъ многое объ обычаяхъ Чеховъ, записалъ нѣсколько пѣсенъ.—

Прага, 6 Мая. Суб.

И дома. 4-го Мая послѣ обѣда мы поѣхали съ Маркомъ въ Ичинъ. У Шира меня оставили на ночь. Заходили къ Махачку, и милая жена его играла мнѣ кое-что Русское на фортопьяно и Мейседеровы вариации на Русскую тему—на скрипкѣ,—на фортопьянѣ порядочно, на скрипкѣ превосходно. Жена и все сѣмейство Шира угощало меня и на другое утро въ 6 часовъ проводило изъ Ичина.—

Въ Сobotкѣ я заходилъ къ Ветешнику проститься. Изъ Сobotки въ Градиште (Мюнхенъ грецъ) гдѣ въ 1833 г. былъ съѣздъ императоровъ Русскаго и Австрійскаго, и гдѣ въ капуцинскомъ храмѣ поклонился я тѣлу Вальштейна. Оттуда въ Болеславъ-Бенатки, Старую Болеславъ и Прагу—въ 9 часовъ вечера.—

Тутъ засталъ Ваше письмо, милая Маменька.—Письмо, котораго Вы не получили, есть вѣроятно то, которое я писалъ черезъ Костомарова.—О чемъ, душенька Маменька, вы плачете? Ужели какое душевное горе? Если же не душевное, то бросьте его и будьте покойны. Братъ не пишетъ по обычаю: запоздалъ отвѣчать да и совѣтитсѣ. Очень радъ, что Вамъ нравится Пражскій вальсъ.—Поклонитесь Марфѣ Ивановнѣ, Марьи Ѳедоровнѣ и всѣмъ, кто помнитъ меня.

Прощайте. Цѣлую Вашу ручку.

Из. Срезневскій.

Простите, что гадко писалъ. Хотѣлъ было переписывать; но спѣшу от-
править.

XXIX.

№ 17. Прага. Юня 9-е или 10-е не знаю¹⁾. 1840.

Вчера была такая странность со мною, что я вспомнить не могу о ней безъ горя.—Я всталъ очень рано, растворилъ окно, сѣлъ подлѣ него и сталъ читать. Какъ это долго продолжалось не помню; знаю только, что мнѣ наскучило ждать моей панин съ кофе, и я съ горя сталъ зѣвать на площадь, какъ она мало-по-малу оживлялась.... Ъдутъ возъ за возомъ, идутъ корзинки за корзинками; показываются и шляпки... Вдругъ—глядь: на противной стороне идетъ цѣлая партія дамъ. Рядомъ съ ними—лицо знакомое, лондинеръ изъ Золотого Ангела. Всматриваюсь въ дамъ: ахъ, Господи! да это Фанни²⁾!

¹⁾ Подъ цифрою 9 карандашомъ приписано: 8-е.

²⁾ Ф. С. Цитра.

А это развѣ не Марья Ѳедоровна ¹⁾? А эта... черная шляпка, черное мантее... Въ минуту я, какъ бѣшеной, кое-какъ одѣлся—и выскочилъ изъ дому. Дамы переходили на площадь къ Хораусу, когда я бѣжалъ къ нимъ. «Маменька, Маменька!» я ничего не помнилъ, и вѣрно повалилъ Нѣмцевъ четырехъ пока добѣжалъ до Маменьки. «Боже мой!» и я цѣлую ручки Маменьки, чувствую, что меня обнимаютъ, нѣжно цалуютъ. Да не сонъ-ли это? какой сонъ! я все это чувствую, чувствую, что не сплю, что такъ живу, какъ никогда не жилъ. Вотъ и Фанни, и Марья Ѳедоровна, и Альбертъ ²⁾, и Доля ³⁾. Ахъ, Боже! Вотъ и Марѳа Ивановна, и Марья Андреевна ⁴⁾! Нѣтъ, это сонъ! Этого быть не можетъ. Марья Ѳедоровна съ сѣмействомъ своимъ ѣдетъ, положимъ, къ сестрицѣ ⁵⁾; Маменька ко мнѣ,—а Марѳа Ивановнѣ... «Маменька!» я спрашиваю: «сонъ-ли это?»—Душа моя!—отвѣчаетъ Маменька, какой сонъ! мы пріѣхали къ тебѣ—вези насъ на Габштейнъ. Я останусь съ тобою. Марѳа Ивановна будетъ жить также въ Прагѣ, пока не возвратится Григорій Григорьевичъ ⁶⁾ изъ Баваріи, идѣ онъ получаетъ наслѣдство огромное. Мы проводили его—и ищемъ тебя! Ну, веди же насъ къ себѣ, и напои чаемъ. Въ Вѣнѣ насъ подчивали чаемъ; но мы посмѣялись, и отдали дѣвушкѣ.» «Ахъ, нѣтъ, это сонъ!»—«Ну полно дурачиться. Видишь люди смотрятъ.»—«Не я велъ, а меня веди. Мнѣ все чудилось, что все это вижу во снѣ, и что не дойду я до мраморныхъ воротъ Харауса, какъ все это разыщется и я очутюсь на постелѣ. Чтожъ не тутъ-то было. Мы прекрасно пришли въ мою комнату. Панни съ кофе; я ей въ руки самоваръ и Іисусомъ, Маріей, Іосифомъ заклиная, чтобы «удѣляя рыхлѣйцѣ», чтобы «за пулъ години было готово» ⁷⁾.—«Гнетъ, гнетъ, буде готово».—Растворяется флигель. Маменька садится, играетъ польку. Я усаживаю Марѳу Ів. и Мар. Ѳед. на софу, барышни танцуютъ. Я какъ помѣшанный—самъ не знаю, что дѣлать. Надо мной смѣются; а я то за сливками, то за гоусками, то за красной салфеткой къ хозяйкѣ. «Маминка шпелъя, маминка ма!»... И вдругъ—чортъ надалъ этой панни—разсмѣяться! Видитъ, что я, положивши на окно книгу, а ноги на стулъ—сплю. Я и проснулся. «Звалъ я семь васъ, пане, тиши братъ звалъ! Тотъ е ку подиву!» ⁸⁾—и продолжаетъ хохотать. По неволѣ сѣлъ за кофе въ одиночку, между тѣмъ какъ думалъ подчивать чаемъ. До сихъ поръ такая досада, такое горе. Вспомнить не могу, или лучше забыть не могу.

¹⁾ М. Ѳ. Питра.

²⁾ Альбертъ Самойловичъ Питра, впоследствии проф. Судебной Медицины въ Харьковскомъ унив.

³⁾ Адольфъ Сам. Питра, впоследствии проф. ботаники и ректоръ Харьковского унив.

⁴⁾ М. И. Фидлеръ, М. А. Аничкова.

⁵⁾ Къ Генриетѣ Ѳедоровнѣ Юнкертъ, которая въ это время жила въ Брауншвейгѣ.

⁶⁾ П. Р. Фидлеръ.

⁷⁾ Чтобы поторопилась, чтобы было готово въ полчаса.

⁸⁾ Я васъ звала, сударь, три раза звала! Просто удивительно!

Ужъ полно не предвѣстіе-ли это? Ужъ не отложить-ли мнѣ поѣздки? А я было уже воображалъ, что въ 9-ть отвезу васъ въ Виту и самъ къ Ганкѣ и искать квартиру и послѣ обѣда на Заграды и завтра въ театрѣ. Все лопнуло! Я, Маменька, не одинъ уже разъ жалѣлъ, что мы не поѣхали вмѣстѣ. Прекрасно было-бы! Равно я въ Турціи не поѣду, потому что по Турціи путешествовать нѣтъ никакой возможности; а въ Германіи путешествіе довольно покойно.

Впрочемъ у меня таки были вчера танцы. Вотъ какъ это случилось. Однажды заходилъ ко мнѣ съ Ганкою одинъ фараръ, Крольмусъ ¹⁾, добрый, веселой человѣкъ,—и мы такъ понравились другъ другу, что онъ по моей просьбѣ навѣщаетъ меня довольно часто. Вчера онъ пришелъ въ 9 утрѣмъ, чтобы переписать для меня Чешскія пѣсни ²⁾. Мы писали, пѣли. Я оставилъ его обѣдать. Послѣ обѣда кофе. Услышавши любимую свою пѣсню, вошла хозяйка, за нею хозяинъ. Кофе пили вмѣстѣ. Къ хозяевамъ пришли гости. въ мою комнату, было и три слечинки. Пришелъ и ко мнѣ Фреиндъ, Русскій учащійся здѣсь техникумъ. Передъ вечеромъ фараръ, охрипши заигралъ польку. Пошли плясать. Хозяйка меня учила, и выучила. Пѣли и плясали до половины 12. Хозяинъ поподчивалъ ужиномъ; а я послѣ ужина чаемъ. Я такъ бѣсился, что на мнѣ не осталось нитки сухой. Всѣ удивлялись, какъ я могъ быть такимъ шутомъ, когда обыкновенно сижу въ своей комнатѣ цѣлый день одинъ, и голоса не слышно. «Мы было думали—сказала мнѣ одна—что вы монахи». «Поѣзжайте, да ворочайтесь—сказала другая: будемъ танцовать». — Разумѣется будемъ.—Впрочемъ пора въ театръ: даютъ Фауста, и Фауста роль, за моимъ любимцемъ Фишеромъ. Иду.

На другой день.

Въ театрѣ я чуть не заснулъ: кругомъ духота, потому что театръ былъ полонъ, а на сценѣ жалкая посредственность. Одна только роль Мефистофеля, бывшая за Ларошемъ (пріѣзжимъ изъ Вѣны), могла привлекать вниманіе и содержаніемъ, и исполненіемъ. Фаустъ-докторъ и Фаустъ-рыцарь и любовники не склѣились въ одно лицо; Гретхенъ была черезъ чуръ стара, писклива, и передъ смертію гадка; адъ былъ просто грязенъ.—Пусть Амвр. Лук. перескажетъ Вамъ содержаніе Фауста: поэма Гётева была почти вполнѣ на театрѣ и очень удобно помѣстилась въ 5 дѣйствійхъ.

¹⁾ Вацлавъ Крольмусъ (1787—1861)—Чешскій патріотъ, священникъ; онъ перевелъ на Чешскій языкъ католич. агенду, по которой рѣшился совершать богослуженіе, за что подвергся гоненію со стороны правительства. Крольмусъ извѣстенъ своими трудами по археології и этнографіи: онъ собиралъ древности, производилъ раскопки, наблюдалъ старыя обычаи, записывалъ пѣсни.

²⁾ Эти списки хранятся въ бумагахъ Н. И. С—скаго.

10-е Іюня. Верона

Пишу карандашемъ, потому что чернила нѣтъ; а написать хочется хоть нѣсколько строчекъ, чтобы сказать Вамъ, Маменька, что я снова на пути—и вотъ уже въ Веронѣ. Былъ въ Венеціи, теперь въ Веронѣ; впрочемъ тоже не въ Италіи, а въ 3-хъ миляхъ отъ Праги. Эта Верона или по Нѣмецки Бироунъ—не много лучше той Венеціи, изъ которой я писалъ Вамъ. Что и ожидать отъ городка, гдѣ жителей не много болѣе 2000. Впрочемъ площадь, занимающая средину города правильна и велика, и обставлена порядочными домами. Половина одиннадцатаго. Ужинаю и прислушиваюсь къ разговорамъ вечернихъ собесѣдниковъ всякаго званія, меня окружающихъ. Бѣду въ Пильнелѣ т. е. въ Пльзень. Взгляните на карту; вы увидите направленіе моего пути. Это уже четвертая поѣздка изъ Праги—и будетъ больше всѣхъ другихъ. До чернила.

11 Іюня. Пльзень.

Ну вотъ и чернило. Не мудрено, что оно есть въ Пльзни, одномъ изъ лучшихъ провинціальныхъ городовъ Чехіи. И въ самомъ дѣлѣ—миленькій городокъ, небольшой, но чистенькій и хорошенькій. 10,000 жителей. 4 ар-марки. И въ одно утро отъ 8—и до 1 часу я узналъ почти все замѣчательное. Первый визитъ мой былъ къ профессору Сметанѣ ¹⁾. Тотъ меня познакомилъ съ каноникомъ Мейснеромъ и профессоромъ Сикорою ²⁾, — и въ четыремъ пошли мы ходить по Гимназіи, въ Ратгаузъ, въ Соборъ, въ книжную лавку и т. д. Соборъ—прекрасное готическое зданіе. Ратгаузъ хранить латы и оружія стараго времени Гуссит. войнъ. Книжныхъ лавокъ 2—драныхъ. Домъ Гимназіи очень великъ. Профессора всѣ живутъ въ немъ. Заходили и къ одной старушкѣ, владѣтельницѣ самаго стариннаго дома, строеннаго Нѣмецкими рыцарями... Нельзя было не замѣтить сходства въ постройкѣ съ Маріенбургскимъ замкомъ. Ходили и вокругъ города. Кое-гдѣ еще уцѣлѣли старинныя стѣны; кругомъ города бульваръ или лучше каштановая аллея, еще молодая, но довольно тѣнистая. Были и въ «школкѣ», т. е. въ пріютѣ дѣтскомъ, гдѣ дѣти отъ 6 до 8 лѣтъ учатся читать. Когда-то я писалъ Вамъ объ

¹⁾ Jozef Frant. Smetana (1801—1861)—естество-испытатель, математикъ, историкъ и богословъ. Пробывъ нѣсколько лѣтъ капланомъ, онъ въ 1831 г. занялъ катедру физики сначала въ Пальзенскомъ лицѣ, потомъ въ Пражскомъ унив., гдѣ получилъ степень доктора философіи. Помимо науки занимаясь литературой, онъ былъ въ свое время однимъ изъ видныхъ ея дѣятелей.

²⁾ Jan. Ner. Sýsoga (1780—1845)—Чешскій писатель; онъ былъ учителемъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Чехіи, между прочимъ въ Главной Пильзенской школѣ. Имъ составлена дѣтская грамматика Чешскаго языка.

Александро-Невскомъ пріютѣ въ Петербургѣ: здѣсь то-же; только помѣщеніе бѣднѣе.

О себѣ нѣсколько словъ: и въ Ичинѣ, и здѣсь мнѣ всё говорить, что я прекрасно говорю по Чешски, что выговоръ имѣю Чешскій. «Прекрасно»: это слишкомъ много, но самъ чувствую, что мнѣ легче говорить по Чешски, нежели по Французски или по Малороссійски. Иное такъ и думаю по Чешски. Удивляются какъ я успѣлъ въ 3½ мѣсяца. Отъѣзжаю еще часто; но Богъ дастъ, пройдетъ еще мѣсяца 3, буду порядочно говорить и писать. Благодарю Бога за то, что наломалъ языкъ на Чешскій ладъ.

По части денегъ: Боже избави, милая Маменька, чтобы я обратился къ Вамъ съ просьбою о деньгахъ. Достаетъ на все. Главная издержка — книги, — и я накупилъ уже ихъ довольно Въ повѣздахъ издерживаешь, конечно, болѣе нежели сидя на одномъ мѣстѣ; но все имѣю еще денегъ. Именно вчера, передъ отъѣздомъ изъ Праги имѣлъ 740 гульденовъ сереб., т. е., болѣе 1700 руб. на 3 мѣсяца. Въ Сентябрѣ получу вновь. — И вотъ уже 8½ мѣсяц. какъ я въ дорогѣ. —

12 Іюня. — Пѣлзень.

Утро. Окна растворены. Въ воздухѣ свѣжо и ароматно. Послѣ вчерашняго дождя каштаны и акаціи на бульварѣ противъ моихъ оконъ блестятъ и зеленѣютъ. Изъ за деревьевъ виднѣются старинное зданіе гимназіи, а изъ за нея шпиль собора. До 1835 года этотъ шпиль былъ древній, готическій, какъ и все прекрасное зданіе собора. Въ этомъ году ударилъ громъ, разбилъ шпиль, — и теперь выстроили новый, крытый красною мѣдью. —

Вчера послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ Сметана и Сикора, и пошли за городъ, въ Лахотинъ, садъ съ желѣзными купальнями, заломъ для танцованья, комнатами для пьющихъ пиво и т. д. Видъ на окрестности и городъ прекрасный.

13 Іюня. Пѣлзень.

Чужимъ перомъ, въ чужой комнатѣ — у Виснера. 3 часа пополудни. Вчера утромъ въ 6 часовъ мы выѣхали съ Виснеромъ за 2 мили отъ Пѣлзни къ Марку ¹⁾, одному изъ лучшихъ новеллистовъ Чешскихъ, извѣстному подъ именемъ Яна съ Гвѣзды. Поля дороги ѣхали, потомъ, пошли пѣшкомъ и заблудившись пришли въ Козофды, гдѣ живетъ этотъ Марекъ, уже по полудни. Утомиться было не трудно: тропинки, по которымъ мы шли, идутъ между горъ, на горы и съ горъ, и большею частію по камнямъ, виды чудо, а ногамъ больно. Что я

¹⁾ Jan Jindrich Marek (1801—1853) — священникъ; одинъ изъ лучшихъ Чешскихъ романистовъ, авторъ многихъ историческихъ романовъ и романтическихъ повѣстей.

засталъ у Марека было для меня совершенно ново. Послѣ обѣда, всѣ мы пошли къ бильярду и за нимъ провозились до вечера. Вечеромъ карты—игра незнакомая—«шесть и двадцать» и самыя карты незнакомыя, итальянскія, гдѣ вмѣсто бубенъ, червей, пикъ и трефъ—батаны, снады, копы и еще что-то, на деньги, какъ въ Чехіи всюду и всѣ. Въ 10 я легъ. Утромъ въ 7-мъ сегодня всталъ—и засталъ играющихъ—еще за картами. Кто-же эти игроки? Почти всѣ, какъ и большая часть вчерашняго общества—фарари. Вы удивляетесь, Маменька?—Я и самъ удивляюсь. Вотъ вамъ и католицизмъ. Если же это въ сторону, то и гости и еще болѣе самъ хозяинъ—добрые люди. Всѣ они радовались, что видятъ Русскаго въ своемъ обществѣ, и за обѣдомъ пили тостъ венгерскаго во славу Русскихъ, и пѣли импровизации въ честь Славянъ. Въ 8 часовъ я простился съ Маркомъ и поѣхалъ въ Пльзень: онъ далъ намъ дрожки, и въ полдень пріѣхали мы.

14 Іюня. Пльзень.

Опять карандашомъ, потому что опять нѣтъ чернила; по крайней мѣрѣ никого, у кого-бы попросилъ. Я записался на доставникъ въ Клатовъ, и ночевалъ на дворѣ, откуда они идутъ. Ъду въ 5, теперь еще 4 ч.—Вчерашнее послѣ-обѣда до половины одинадцатаго провелъ я весело въ обществѣ Чеховъ, большою частію профессоровъ и учителей—«у Ганеса» въ лучшей Пльзенской гостинницѣ. Погулявши съ Сметаной и Сиворой, мы пошли туда. Многіе хотѣли познакомиться со мною,—и кружокъ нашъ скоро обѣлъ вокругъ большаго стола. Загуляло по столу пиво, мозги разшевелились. Все, что было въ залѣ, стало вокругъ насъ. Пановалъ одинъ Чешскій языкъ. Въ провинціяхъ Чешскихъ я всюду говорю, что по Нѣмцки говорятъ одни необразованные въ Прагѣ. Въ слѣдствіе сего, кто говорилъ по Нѣмцки, стихаетъ, и начинаетъ мало-по-малу по Чешски. Такъ было и здѣсь. Легко это говорить въ провинціяхъ; но въ Прагѣ Нѣмецкій языкъ владычествуетъ всюду. По Чешски говоритъ только тотъ, кто не умѣетъ по Нѣмцки и такъ называемые «властенцы». Жалость, какъ подумаешь, до какого уничиженія дошли Чехи. Впрочемъ какъ-бы тамъ ни было, вечеръ прошелъ прекрасно. Всѣ жалѣли, что я въ Пльзни на такое короткое время—и проводили меня до ночлега, прощались, какъ давно знакомые, какъ родные.

Ба! Вы уже конечно знаете, что Пруссійскій король умре 7-го Іюня. Что изъ этого будетъ, Богъ знаетъ, и можетъ быть что нибудь въ пользу Славянъ, а покажетъ вотъ что говорятъ: «Прусская де корсна хранится отъ Наполеоновекой войны въ Петербургѣ,—и наслѣдникъ де престола и хотѣлъ

бы поскорѣе короноваться, да Царь короны не даетъ». Такъ повторяютъ слова одного Прусака, прѣѣзжавшаго вчера черезъ Богемію. Дѣло, похожее на сказку; но такихъ сказокъ по Германіи бродить ежедневно по сотнѣ. Впиваются съ пивомъ, съ пивомъ и испаряются.

Клатовъ.

Главный городъ Клатовскаго края, и предпринной городъ. И не смотря на то, что сегодня воскресенье и праздникъ, все мертво, все глухо. Къ моему горю ни одного знакомаго и не съ кѣмъ знакомиться; а дилижанса надобно ждать больше 12 часовъ.—Поэтому поброжу по городу и лягу спать.

15-е. Воднянъ. 3 мили отъ Страконицы, 5 отъ Будейвицъ (Будвейса).

Ночью въ 3 часа мы выѣхали изъ Клатова, ѣхали 12 часовъ—и проѣхали, какъ бы вы думали,—4 мили до Страконицъ, да 3 до Водняна—7 миль, 49 верстъ. Ночью было очень холодно; а когда потеплѣло такъ стало не въ мочь жарко. Глядя на карту Вы легко отгадаете направленіе моего пути: съ одной стороны дороги на право верхи Богемскаго лѣса, съ другой плодоносныя удожья Волтавы и Молдавы. Дорога вьется около горъ то вправо, то влѣво, между полей, покрытыхъ хлѣбомъ, изъ деревеньки въ деревеньку, то подъ лѣсомъ, то надъ лѣсомъ,—и дорога прекрасная. Жаль, что жарко и что я одинъ, что не съ Вами. Я бы пересказывалъ Вамъ преданія о развалинахъ и озерахъ, которые выслушиваю отъ кучера,—и любовались бы вмѣстѣ. Глядя же на лица поселяночекъ, вы бы не отгадали, что они—не Русскія: одежды тоже напоминаютъ нашихъ Коломенокъ, Бѣлгородокъ и пр. Милыя, добродушныя фізіономіи, и такъ привѣтливы; не мало и хорошенькихъ. Нарядите маленькую, полденькую фигурку съ кариими глазами и бѣленькую въ сарафанъ безъ пуговицъ спереди, синій или розовый, въ бѣлую сорочку съ коротенькими рукавчиками, въ платокъ малиново-пунцовога цвѣта на головѣ, повязанный такъ, чтобы солнце не чернило лица и шеи сзади, въ другой бѣленькій платочекъ на шеѣ,—и вотъ вамъ здѣшняя дѣвушка и бабочка. Разность отъ нашей только въ томъ, что сзади у каждой кошикъ (= корзинка) такой формы отчего каждая идетъ согнувшись. Въ краѣ Пѣлзенскомъ одежда вовсе не такая, и особенно замѣчательна 15 сукнями (юбками), надѣваемыми одна на другую, и очень короткими, такъ что красные пунчохи (чулки) видны чуть не до

колена.—Общество наше безпрестанно мѣняется: то сидеть мужикъ, то мѣщанка, то жидъ, то служанка. Одинъ кучеръ неизмѣненъ. Онъ кормить лошадей, а я пишу,—и вечеромъ буду въ Будейвицахъ на югѣ Чешской земли. Отсюда... но зачѣмъ говорить напередъ? Я и самъ порядочно не знаю.—

Будейвици (Будвейсъ).

Наконецъ я и тутъ: доползли въ 8 часовъ вечера. Это одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ въ Чехіи послѣ Праги, и лучший изъ провинціальныхъ городовъ. И въ самомъ дѣлѣ прелестный городокъ. Площадь, на которую смотреть окна моей комнаты (въ гостинницѣ Zum Sonne) прелестна, обставлена красивыми домами, изъ коихъ половина въ Итальян. вкусѣ; между ними въ одномъ углу колокольня, въ другомъ Ратгаузъ съ 3 куполами. Улицы ровны и не слишкомъ узки. Почти всюду галлерей, какъ подъ домомъ Мотузка или Безхадарнаго ¹⁾). Все по Нѣмцки.—

Прощайте, Маменька. И. Срез.

XXX

№ 18.

Пароходъ Софія. 1840 Іюня 17.

Въ Линцѣ не могъ написать ни строчки. Теперь ѣду по Дунаю въ Вѣну,—и видите—рука трясется, потому что трясется весь пароходъ. Приѣду въ Вѣну—въ 4 часа и опишу хоть въ нѣсколькихъ словахъ путешествіе изъ Будвейса до Линца по желѣзной дорогѣ и отъ Линца до Вѣны по Дунаю. Теперь—наслаждаюсь. Виды за видами; а корабль быстро летитъ. До Вѣны.—

Вѣна. Іюня 18.

И въ самомъ дѣлѣ въ 4 часа или еще ранѣе я приѣхалъ въ Вѣну; но опять до сихъ поръ не имѣлъ минуты свободной. Теперь, улучивъ ее, перескажу Вамъ, милая Маменька, какъ прошли два послѣдніе дня.

Изъ Будвейса въ Линцъ я выѣхалъ третьяго дни въ 5 часовъ утра. По желѣзной дорогѣ, проведенной между этими городами, везутъ товары и пассажировъ не парами, а лошадьми; впрочемъ довольно скоро, немного медленнѣе нашихъ почтовыхъ, и дешево, потому что за мѣсто въ первой каретѣ, прекрасно устроенной, платится за 25 миль только 3 гульд. сереб., т. е. 7 руб. асс. Для надсмотръ надъ дорогою находится на ней 52 сторожа.—Въ первой каретѣ насъ сидѣло четверо вмѣсто 9; я, Адвокатъ изъ Иглау и купецъ изъ Линца съ женою. Купецъ заговорилъ съ женою по Чешски, я

¹⁾ Мотузко и Безхадарный—Харьковскіе домовладѣльцы.

присталъ къ нимъ, Адвокатъ, хотъ и Нѣмецъ, также поватужилъ по Чешски, и только въ такихъ случаяхъ говорилъ по Нѣмецки, когда не былъ въ состояніи объясниться на Чешскомъ. Мы ѣхали очень весело: Чехъ былъ добрый старикъ, Чешка—миленькая, молоденькая простушка, Нѣмецъ—очень любезный хвастунъ; а виды на окрестныя горы безпрестанно мѣнялись и заставляли насъ выглядывать попеременно то въ то, то въ другое окно кареты. Въ 11 часовъ, послѣ 6 часовъ ѣзды, мы простились съ Богеміей, и еще прежде съ Чехами, потому что со всѣхъ сторонъ по границамъ Богеміи живутъ Нѣмцы или совершенно нѣмечившіеся Чехи. Въ началѣ 2-го мы обѣдали. Въ концѣ 3-го наше каретное положеніе измѣнилось. Во 2-й каретѣ замѣтили, что переднія колеса идутъ переваливаясь. Остановились, сняли карету съ осей, и увидѣли, что передняя ось, какъ ни толста, погнулась. Переднюю ось поставили назадъ, заднюю подъ передъ; но дамы, бывшія въ этой второй каретѣ, боялись ѣхать и просили насъ дать мѣсто. Разумѣется безъ отказа мы дали имъ мѣста и ознакомились. Эти дамы были—Чешка съ малюткой сыномъ и дѣвушкой дочерью и старуха Вѣнка, вѣроятно богатая ихъ родственница, которая тоже понимала нѣсколько по Чешски. Тѣмъ легче было намъ ознакомиться, что Вѣнка могла назваться идеаломъ Вѣнской веселости, болтуны, выдумщица, хохотунья. Я не позволилъ себѣ отстать отъ Вѣнки, и цѣлая карета была полна безумолчнаго хохоту. На слѣдующей станціи при перемѣнѣ лошадей мы ѣли землянику, и Чешка съ дочерью заѣдали ею страхъ, который навелъ на нихъ предыдущій переѣздъ. Между тѣмъ бояться было вовсе нечего: я увѣренъ, что ни..., ни... не сказали бы ни одного «ай»: это правда, что дорога нѣсколько разъ пролегала въ полуаршинѣ отъ обрыва саженъ въ 20; но карету отъ обрыва отдѣляла плотная каменная закраина, а видъ съ горы на долину, скалы и рисующіяся вдаль Штирійскія альпы былъ такъ очарователенъ, что не долженъ бы былъ позволить бояться. Прелесть видовъ занимала насъ до самаго Линца. Между тѣмъ собравшіяся надъ головой нашей облака доставили намъ новую потѣху. Вѣнка, не боясь обрывовъ, боялась грозы, а я пугалъ ее и утѣшалъ попеременно. Когда облака набѣжали не въ шутку и сдѣлались лимоннаго цвѣту, тогда для утѣшенія Вѣнки моей встрѣтился новый случай для смѣху. Я сорвалъ для Чешенка вѣтку бузины, которая вздумала на дорогѣ заглянуть въ карету. Вѣнка вспомнила, что изъ нея можно приготовить прекрасный напитокъ, и стала было рассказывать объ этомъ по Нѣмецки. Я упротилъ ее продолжать по Чешски. Она хохотала, и употребляла все усилія, и чѣмъ менѣе могла объясняться, тѣмъ болѣе хохотала, а мы за нею. Я притворялся непонимающимъ, она еще болѣе усиливалась,—и хохотъ заставлялъ сосѣдовъ толкаться лбами и носами другъ въ друга. А между тѣмъ буря прошла мимо.

Чтожь до напитка, то онъ въ самомъ дѣлѣ долженъ быть хорошъ: на вѣтку бузины по стакану молока или сливокъ, потомъ процѣдить, подсластить сахаромъ и пить. Передъ Линцомъ намъ открылся Дунай, широкій, величественный, и Линцъ у его береговъ разложился картиночкой. Жаль, что шелъ дождь и не позволялъ хорошо разсматривать. Карета остановилась въ предмѣстіи, откуда пѣшкомъ мы должны были идти въ городъ за Дунай. За мостомъ полиція осматрѣла наши вещи, отобрала паспорта, и потомъ уже позволила намъ отправиться въ гостиницу. Мы заняли съ Адвокатомъ одну комнату въ Золотомъ Орлѣ, именно № 5, окномъ на Дунай, и пошли гулять по городу. Прекрасный, богатый городъ, въ которомъ любитель природы съ удовольствіемъ могъ бы провести нѣсколько дней. Утромъ на другой день въ 6 часовъ я намѣренъ былъ отправиться на пароходъ въ Вѣну, и потому всталъ въ 4. Глядя въ окно — очарованіе. У самого берега въ 30 шагахъ пароходъ «Софія»; за нимъ Дунай, но ни Дуная, ни за Дунаемъ ничего не видно, потому что послѣ вчерашняго дождя всталъ густой туманъ. Озаренный солнцемъ онъ былъ розоваго цвѣта; надъ нимъ голубое небо, а между нимъ и небомъ, посреди тверди—храмъ съ двумя башнями рисовался издали какъ какое-то дивное видѣніе. (Этотъ храмъ стоитъ на высочайшей изъ окрестныхъ горъ, которой за туманомъ вовсе не было видно). Этотъ видъ былъ въ самомъ дѣлѣ очарователенъ.

Въ пять часовъ я имѣлъ уже билетъ на 1-е мѣсто въ пароходъ (10 гул. сереб.), въ 5¹/₂ ударила пушка, въ 5³/₄ я былъ уже на пароходѣ; ровно въ 6 ударила опять пушка, и мы полетѣли. Общество прекрасное, виды очаровательные; а спать между тѣмъ уже очень хочется. И перо очинилъ вновь; но рука не везетъ, глаза слипаются. И потому скажу о перѣздѣ по Дунаю нѣсколько словъ. Изъ сосѣдей я познакомился съ 2-мя Англичанами, путешествующими по Европѣ, съ одной Француженкой, ѣдущей въ Вѣну къ мужу, съ нѣсколькими Вѣнцами,—и всетаки нашелъ и своихъ братьевъ Чеховъ, съ которыми говорилъ по Чешски. То съ тѣмъ, то съ другимъ читали мы описаніе мѣстностей, мимо которыхъ мчались, вмѣстѣ бродили по палубѣ, философствовали въ каютѣ, обѣдали. Все это вмѣстѣ было такъ хорошо, что часъ за часомъ летѣли незамѣтно, и въ ¹/₂ 4-го мы увидѣли колокольню св. Стефана. Больше всего я сблизился съ Чехами и Англичанами, сказавши имъ въ отвѣтъ на ихъ вопросъ, изъ какой я земли, что я изъ земли ихъ антиподовъ. Но право спится.

Вѣна. 19 Іюня. 1840.

Еще хоть нѣсколько строчекъ о путешествіи по Дунаю. Перѣздъ изъ Линца въ Вѣну считается самымъ лучшимъ кускомъ путешествія по Дунаю,

самымъ богатѣмъ видами.—Особенно очаровательна первая половина его, первые четыре часа ѣзды. Тутъ Дунай то широкъ и покрытъ низменными островами, которые тутъ называются аунами, то сѣужается между огромными побережными скалами, то голыми, то покрытыми лѣсомъ; деревеньки, городки, замки мелькаютъ передъ глазами; Дунай быстро катитъ свою мутную, ржавую волну; ежеминутно видишь новую картину, и мотаешь головою какъ флюгеромъ, оборачиваясь то въ ту, то въ другую сторону. Въ 10 часу солнце стало порядочно грѣть; тогда надъ нами растянули палатку, и мы ходили по палубѣ какъ по бѣсѣдкѣ. Общество наше измѣнялось довольно часто, когда убывали старые, и прибавлялись новые пассажиры. Ловля пассажировъ — очень занимательна: по данному съ берега знаку, пароходъ умѣрялъ свой бѣгъ, лодка съ пассажирами перерѣзывала Дунай, какъ могла проворнѣе, съ парохода бросали ей веревку, которою она притягивалась къ пароходу, спускали лапы, для плотнѣйшаго ея удержанія и лестничку для всхода и выхода пассажировъ,—и все это оканчивалось не болѣе какъ въ минуту. Гдѣ ожидали много пассажировъ, тамъ заблаговременно давали знакъ пушкою, а съ берега ружьемъ. Около полудня надобно было проѣзжать подъ мостомъ Кремскимъ: для этого и мачта и труба парохода были опущены. Потомъ обѣдали всѣ за общими столами, *table d'hôte*. Въ 3-мъ началась перекладка багажа: изъ магазина вытаскивали вещи, и каждый искалъ своихъ. Въ 4-мъ увидѣли пристань,—и стали. Вещи надобно было подвергать осмотру. Мой рейзезакъ, незаключавшій въ себѣ ничего кромѣ бѣлья и тому подоб., по странному обстоятельству не былъ подвергнутъ осмотру. Съ 2-мя Чехами наняли мы фіакра и поѣхали въ Вѣну искать комнаты въ гостинницѣ. Здѣсь случилось обстоятельство вовсе нежданное: мы объѣздили весь городъ и предмѣстія, ѣздили два часа, и ни въ одной гостинницѣ не нашли ни одной комнаты: все было всюду полно. Къ счастью у одного изъ Чеховъ былъ знакомый, мы заѣхали къ нему. Оставивши тамъ свои вещи, я отправился къ своимъ старымъ знакомымъ Маленинымъ ¹⁾, искалъ съ ними пристанища для себя, и наконецъ кое-какъ нашелъ въ гостинницѣ у Золотой утки пристанище,—ночлегъ въ комнатѣ хозяина съ тѣмъ, что утромъ будетъ и комната особенная.

Въ тотъ же вечеръ я успѣлъ слышать Страуса. Онъ, Ланнеръ, Морелли и десятки другихъ ежедневно играютъ съ своими оркестрами въ гостинницахъ, то въ томъ, то въ другомъ предмѣстїи. За входъ 32 коп.—и потомъ спрашивай чего хочешь пить, ѣсть, прохладиться. Страусъ съ своимъ оркестромъ игралъ разныя разности и между прочимъ свой послѣдній вальсъ. Публика была очень велика, кушала прилежно, пила прилежно, не забывая и хлопать

¹⁾ См. письмо изъ Берлина.

и кричать браво и фора. Страусъ еще довольно молодой человекъ съ блестящими глазами, искусно управляетъ оркестромъ, умѣетъ забавлять публику фарсами, и любимъ, обожаема. Я воротился домой въ половинѣ одиннадцатаго.

Вчера былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ праздниковъ католическихъ и Вѣнскихъ, праздникъ Божьяго тѣла. Я видѣлъ великолѣпную процессію, дѣлающую этотъ праздникъ столь знаменитымъ. Школы, монахи, попы, профессора, придворные, войска, министры, императоръ, императрица, вся ихъ фамилія, гофдамы, фрейлины и т. д. все это участвовало въ процессіи—въ богатѣйшихъ одеждахъ, со знаменами, съ музыкою. Мѣсто случилось хорошее,—и я видѣлъ всѣхъ и каждого очень хорошо. Можно было все разсмотрѣть, потому что процессія двигалась очень медленно. Особенно заняла меня гусарская гвардія: молодцы, въ золотѣ, барсахъ, на чудныхъ коняхъ, было чѣмъ любоваться. Императрица очень недурна собою. Императоръ—низенькій человекъ, безпрестанно улыбающійся.

Послѣ обѣда мы ѣздили съ Маленными слушать Ланнера. Ланнеръ человекъ въ лѣтахъ, очень незавидной фигуры, но когда управляетъ оркестромъ одушевляется, одушевляетъ, уноситъ въ другой міръ. Жаль, что обстоятельства сдѣлали его только сочинителемъ вальсовъ. Я слышалъ и его послѣдній вальсъ «Лучъ надежды»: удивительное созданіе. Я простоялъ все это время у самаго оркестра, не спуская глазъ съ Ланнера... И кому же этотъ человекъ долженъ играть, и за какія деньги: пріѣзжай онъ въ Петербургъ, въ Москву, его бы носили на рукахъ, его бы осыпали деньгами; а тутъ все шутить, ѣсть, пить и только что хлопать, слушая его: я не знаю, какъ можетъ идти въ горло какой-нибудь кусокъ гуся или глотокъ пива, когда дивные звуки летаютъ вокругъ и не могутъ не проникать въ самую черствую душу!—

Іюня 21.

Вотъ уже два дни сряду какъ я наслаждаюсь Итальянской оперой: 19-го давали *Il Giuramento* «Клятву» Меркаданта; вчера Паризину Доницетти. «Клятва» какъ опера не богата красотою: хоры и аріи довольно обыкновенны; речитативы скучны и невыразительны. За то можно было познакомиться со всѣми лучшими актерами: басы Ронкони, удивительный, теноръ Моріани, альтъ г-жа Брамбилла и сопрано—г-жа Уигеръ. Меня особенно восхитилъ Моріани: голосъ, полный силы и нѣжности, искусства и чувства, вкусъ и одушевленность игры, наконецъ красота тѣлесная заставляютъ мужчинъ восхищаться, а женщинъ влюбляться въ Моріани. Ронкони умѣетъ владѣть голосомъ, но самый голосъ его болѣе рѣзокъ, нежели силенъ: Ронкони не могъ

меня переубѣрить въ томъ, что лучшихъ басистовъ надобно искать у насъ, въ Россіи. Брамбилла играетъ какъ итальянка въ полномъ смыслѣ: полная огня; жаль, что спала съ голоса. Унгаръ также спала съ голоса, но крайней мѣрѣ въ высокія ноты отзываются скрипкой, струною; впрочемъ объ этомъ забываешь, когда вникаешь въ смыслъ того, что она поетъ: она не рабски повторяетъ диктовку суфлера, она чувствуетъ, что поетъ, безъ усилія, будто инстинктуально выплываетъ чувства, рветъ слезы изъ глазъ. Еще болѣе увѣрился я въ этомъ вчера на Паризинѣ. Унгаръ играла Паризину. Я не могъ не заплакать, когда она говорила речитативомъ—«*e in me natura il pianto*—я рождена грустить», и потомъ запѣла пѣсню «*Forte un destin*». Когда же она запѣла «*Non pentirti*»—я уже плакать былъ не въ состояніи. Это пунктъ тяжести всей оперы. Паризина жена Аццо и любить съ дѣтства Уго; Уго пріѣзжаетъ, ихъ взаимная любовь возрождается, и Паризина во снѣ повторяетъ имя Уго, не думая, что ихъ можетъ подслушать Аццо. Аццо подслушиваетъ, пылаетъ гнѣвомъ. Паризина просыпается, увѣряетъ его въ своей невинности, напрасно,—и вотъ она поетъ эту дивную пѣсню. Вся эта сцена выше похвалъ—и въ созданіи, и въ исполненіи. Аццо игралъ Ронкони, Уго—Моріани. Что-же касается до вѣнской публики, я никакъ не могу считать ее знающею музыку: она хлопаетъ тогда, когда актеръ слишкомъ горячится, не заботясь кстати или не кстати, и не обращаетъ вниманія, какъ понимаетъ актеръ свою роль, свою партитуру. Когда художество торжествуетъ—она кушаетъ мороженное.

Іюня 21. Воскресенье. 1840.

Цѣлый день прошлялся. Утромъ ходилъ въ разныя церкви. Былъ въ двухъ Греческихъ, гдѣ все напоминаетъ наше родное богослуженіе, въ Уніатской, гдѣ даже самый языкъ богослуженія нашъ, въ Университетской, Петровской, Доминиканской, два раза въ соборѣ св. Стефана, одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ созданій готической архитектуры, огромномъ, мрачномъ—и еще повторю—огромномъ. Послѣ обѣда вмѣстѣ съ Маленными отправился въ Шёнбруннъ. Это увеселительный Императорскій дворецъ съ садами, звѣринцемъ и пр. въ $\frac{3}{4}$ часа отъ центра Вѣны, т. е. отъ Стефанов. площади. Мѣсто въ дилижансѣ—12 кр. сер. или 50 коп. Мы исходили ботаническій садъ, обративши вниманіе на оранжерею паразитныхъ растѣній, гдѣ тепло чуть не такъ какъ въ банѣ, ряды высаженныхъ на свѣжій воздухъ Новоголландскихъ растѣній; потомъ пошли въ главный садъ, и прежде всего къ звѣринцу. Верединѣ площади павильонъ съ попугаями, кругомъ вокругъ него дворы для раз. животныхъ и птицъ, особенный для слона, особенный для страусовъ, нѣсколько для разныхъ козлиныхъ и бараньихъ породъ, въ другихъ обширныя

клѣтки для медвѣдей, льва, тигровъ, орловъ и т. д. Многое есть, нѣтъ однако ни ослонъ, ни обезьянъ. По близости дворецъ, гдѣ живетъ теперь Императоръ съ фамиліей. Передъ дворцомъ превосходная площадь съ дорожками и цвѣтами, окруженная стѣнами подрѣзанныхъ деревьевъ, въ нишахъ между которыми разставлены статуи. Она оканчивается прудомъ съ двумя большими фонтанами. За ними гора; на ней глорьетта ¹⁾, съ которой поразительный видъ на Вѣну во всей ея огромности и на окрестности. На право отсюда другая половина сада, гдѣ искусств. развалины, обелискъ, много фонтановъ и самый источникъ Шёнбруннъ съ нимфой Эгеріей. Аллеи липовыя и каштановыя тѣнисты, широки, длинны. И всюду народъ. Жизнь, разнообразіе, пестрота. Прекрасно. Исходивши садъ, мы пошли въ деревню Гицингъ, гдѣ Страусъ собралъ вокругъ себя обширную публику, пьющую и кушающую напропало. И мы присоединились къ числу ихъ, выпили по чашкѣ шоколаду и съѣли по порціи мороженнаго. Страуса не слушали: я, по крайней мѣрѣ, не могу его слушать, слышавши Ланнера: что дѣлать съ предубѣжденіемъ! И притомъ Паризина еще не забыта, Унгаръ и Моріани въ ушахъ. Садокъ, гдѣ игралъ Страусъ, биткомъ набитъ. Крикъ, шумъ, ѣда, питье, табакъ, бѣготня, хлопотня. Съѣли въ дилижансѣ, поѣхали. По дорогѣ до Бургъ-тора или Замковыхъ воротъ мы видѣли по крайней мѣрѣ 30 кофейныхъ и пивныхъ домовъ, передъ которыми сидятъ сотни, между тѣмъ какъ тысячи проходятъ и проезжаютъ мимо. Количество народу поразительно. И все дамы да кавалеры, разряжены, раздушены на послѣд. потовыя деньги. «Веселись, народъ, о будущемъ не заботься, пройдетъ какъ и настоящее!» — «Слушаю-съ!» и веселится, ни о чемъ не думая. Вѣна—это Сибарисъ.

24 Іюня.

Вчера цѣлый день я былъ за городомъ и воротился только сегодня утромъ. Вчера въ 7 часовъ утра поѣхалъ въ Бадень, мили за три отъ Вѣны, въ Бадень, куда на лѣто съѣзжается много народу на воды. Мѣстоположеніе недурно; но съѣздъ еще малъ. Выкупался, побродилъ, пообѣдалъ—и вонъ—въ Лаксенбургъ. Прелестное мѣсто! Два дворца Императорскихъ и за ними огромный садъ, такой огромный, что обойти его можно не менѣе какъ въ 10 часовъ. Я посѣтилъ только лучшіе мѣста. Садъ неправильный, но прелестный. Въ серединѣ длинный прудъ. У пруда рыцарскій замокъ, построенный недавно, но совершенно въ духѣ старины. Я обошелъ всѣ комнаты,

¹⁾ Пюшадка съ колонадой.

корридоры и пр. Небольшой, но прелестный замокъ. На его башнѣ я встрѣтился и познакомился съ Брамбиллой и Ронкони. До 10 часовъ бродилъ я по саду—и ночевалъ въ гостинницѣ у Золотой Звѣзды. Сегодня цѣлый день дождь. Утромъ нигдѣ. Послѣ обѣда тоже. Вечеромъ въ театрѣ. Давали Лукрецію Борджію. Пѣли Ронкони, Брамбилла, Моріани, Унгаръ—чудесно. особенно Унгаръ.

Остается немного, что хотѣлъ бы видѣть въ Вѣнѣ лѣтомъ. Зимой ворочусь и займусь.—Прощайте, милая Маменька.—Откуда напишу слѣдующее письмо не знаю; но уже опять изъ Славянины.

XXXI.

№ 19. Вѣна. 26 ¹⁾ Іюня 1840 г.

Только что отправилъ письмо къ Вамъ, милая Маменька, и опять начинаю писать. И прежде всего нѣсколько словъ о Вѣнѣ. — На мелкохолмистой равнинѣ разлегается эта громада, почти со всѣхъ сторонъ окруженная горами. Въ центрѣ ея башня Стефанская. Вокругъ башни городъ собственный, съ кривыми, узкими улицами и улочками, съ огромными въ 5, 6, 7 этажей домами, такъ что на нѣкоторыхъ мѣстахъ лучъ солнца никогда не освѣщаетъ мостовой. Вокругъ этого города бастионы; подъ ними 13 воротъ ведущихъ въ городъ. За ними гласисъ, какъ садъ украшенъ каштановыми, тополевыми, липовыми дорожками и дорогами. За гласисомъ 34 предмѣстья, къ которымъ примыкають села, деревни, деревеньки и всюду зелень, цвѣты, деревья, аллеи, бесѣдки, скамейки, кофейни, гостинницы, кондитерскія и т. д. и т. д. Тутъ въ этой Вѣнѣ, въ слишкомъ 8,200 домахъ помѣщается 350,000 жителей (исключая множество иностранцевъ) народа веселаго, беззаботнаго, умѣющаго пить, ѣсть, веселиться, вынимающаго послѣдній цванцигеръ (двугривенный) на мороженное и забывающаго за нимъ подъ звуки если не Ланнера или Моріани, такъ по крайней мѣрѣ площаднаго музыканта-попрошайки, всякое воспоминаніе о прежнемъ безденежьи, всякую думу о завтрашнемъ днѣ. Третъ народонаселенія—Славяне, половина Нѣмцевъ, не мало и Венгровъ, Армянь, Итальянцевъ и т. д.; но разнообразіе народности исчезаетъ; прожившій въ Вѣнѣ дѣлается очень удобно просто Вѣнцемъ, беззаботнымъ и игривымъ какъ перышко въ вихрѣ. Берлинъ и Вѣна—несравнимыя крайности:

¹⁾ Трудно разобрать: 26 или 27.

въ Берлинѣ каждый кажется статскимъ совѣтникомъ, въ Вѣнѣ нѣтъ ни одного и титулярнаго; въ Берлинѣ каждый смотритъ политикомъ и чуть не шпиономъ, въ Вѣнѣ и самъ шпионъ не узнаетъ своего брата; въ Берлинѣ гулянье между дѣломъ, въ Вѣнѣ дѣло между гуляньемъ. Честность—у Вѣнца, она также легка, какъ и самъ онъ. Любовь къ деньгамъ... какъ не любить ихъ, когда безъ нихъ гулять нельзя! И ихъ такъ любятъ здѣсь, что напримѣръ слуга или служанка въ гостинницѣ не получаетъ ни гроша жалованья, а живы, здоровы, въ шелку, кушаютъ и лакомятся направо за одни подарки поѣщающихъ... Да впрочемъ обо всемъ этомъ не писать, а рассказывать надобно.

Третьяго дни я былъ во Дворцѣ и натуральномъ кабинетѣ; вчера въ Пратерѣ и въ Итальянской оперѣ; сегодня опять въ Итальянскую оперу,—и завтра ѣду изъ Вѣны. Полторы недѣли гулялъ: баста, пора заниматься. Ёду въ Моравію, а по Моравіи пѣшкомъ. Прощайте до Брюнна.

29 Іюня. Брно (= Брюннъ).

Вчера меня разбудили въ 5 часовъ; въ концѣ 6-го я былъ съ моимъ чемоданомъ на Стефановской площади, а въ 6 сидѣлъ въ штельватенѣ, везущемъ пассажировъ изъ города къ мѣсту, откуда отправляются паровозы, заплативши за себя и багажъ 12 сер. крейцеровъ, т. е. мѣнѣ 50 коп. За мѣсто до Брна (за 21 милю) я заплатилъ 4 гульдена сереб. можно бы заплатить и шесть, но тогда сидишь въ совершенно закрытой каретѣ, и не куришь; можно и 3, но тогда сидишь между всячиною. Малейшъ старшій пришелъ со мною проститься и проводилъ до кареты; спасибо ему; хоть и пора было-бы привыкнуть, но терпѣть не могу—уѣзжать изъ какого-нибудь мѣста—въ одиночку. Въ 12 я былъ уже въ Брнѣ: около 150 верстъ въ 5 часовъ съ небольшимъ,—утѣшительно, когда не къ чему присматриваться. Дорога ѣхать по равнинѣ. Слишкомъ замѣчательнаго нѣтъ на ней почти ничего, кромѣ Ваграмекаго поля: политое кровью, оно теперь можетъ назваться житницею Вѣны. Въ Брнѣ также было трудно сыскать квартиру, какъ въ Вѣнѣ, потому что ярмарка. Хоть не у Чернаго Орла, съ содержателемъ котораго, Захомъ, я познакомился еще въ Прагѣ, хоть и крошечную комнатку, но досталъ. Обѣдалъ у Заха, съ нимъ послѣ обѣда пошелъ къ Огералю¹⁾, издателю

¹⁾ Огераль (I. Ohéral)—литераторъ, издатель журнала «Vaterland Pilger», редакторъ издававшейся въ Брнѣ газеты «Моравія»; въ свое время Огераль былъ извѣстенъ, какъ превосходный знатокъ Моравіи. Въ Отчетѣ Министру Нар. Пр. (Ж. М. Н. Пр., 1841, № 8) И. И. С.—кій пишетъ: Литераторъ Огераль, писавшій болѣе на Нѣмецкомъ языкѣ, занимается этнографіей Моравіи: я обязанъ ему за доставленіемъ многихъ любопытныхъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи.

Моравіи, и съ ними обоими гулять по городу. Потомъ въ театрѣ, гдѣ къ моему счастью играла знаменитѣйшая изъ Германскихъ пѣвицъ, Люцеръ, Чешка родомъ. Давали Элексиръ любви, слышанный мною не разъ въ Прагѣ. Люцеръ поетъ мило; но или сама не имѣетъ громкаго голоса, или театръ Брненскій глухъ, такъ что мнѣ показалось, что она хуже Унгарь и Френцоллини, даже хуже Подгорской. Хлопали ужасно. Она разыгралась, пѣла вмѣсто повторенія что приходило въ голову, хохотала на сценѣ, и тѣмъ болѣе возбуждала всеобщій восторгъ. Она не стара—и мила—пампушка. Еще до театра мы условились съ Огералемъ ѣхать въ Райградскій монастырь, и сегодня ѣздили по желѣзной дорогѣ,—въ $\frac{3}{4}$ седмага утромъ выѣхали, въ $\frac{3}{4}$ девятаго вечеромъ воротились. Тамъ я былъ принятъ и пріоромъ и прелатомъ радушно, и попалъ на праздникъ (Петра и Павла), а потому обѣдалъ въ монастырѣ за общимъ столомъ. Обѣдъ былъ очень богатый. Я не много подпьялъ, и такъ разболтался о Россіи, что услышалъ наконецъ вокругъ себя: «должно быть въ Россіи не дурно, когда всякій Русскій, какого ни видѣли, такой горливый властенецъ!»—Я послѣдній изъ нихъ,—отвѣчалъ я на этотъ комплементъ, и произвелъ этимъ театралный эффектъ. Самъ не знаю откуда брались у меня слова, хоть и говорилъ по Нѣмецки. Теперь я снова у своего Золотого Оленя, и не мудрено, что хочу спать: третьяго дни спалъ отъ 12 до 5, вчера отъ 11 до 5. Покойную ночь и Вамъ, милая Маменька! Что-то вы дѣлаете теперь? Какъ-бы я желалъ хоть на минуту къ Вамъ! Охъ, еще долго ждать!—

Іюля 2. Брно.

Брно—городъ небольшой, и рисуясь прекраснымъ видомъ извнѣ, внутри представляетъ мало занимательнаго. За то онъ городъ промышленный, фабричный, торговый. Къ сожалѣнію это сдѣлало его совершенно Нѣмецкимъ. Только простой народъ говоритъ по Моравски. Я нашелъ въ немъ, впрочемъ, нѣсколько замѣчательныхъ властenceвъ: Огерала, Сушила¹⁾, издателя Моравскихъ

¹⁾ Франтишекъ Сушилъ (1804—1868)—извѣстный Славянскій патріотъ, одинъ изъ главныхъ дѣателей общества св. Кирилла и Мефодія, этнографъ, богословъ, поэтъ. По служебному положенію—священникъ и впоследствии проф. богословія въ Бриѣ; какъ богословъ онъ извѣстенъ переводомъ на Чешскій языкъ Новаго завіта, какъ этнографъ собраніемъ Моравскихъ пѣсень, какъ поэтъ переводами изъ Римскихъ поэтовъ и оригинальными стихотвореніями духовнаго характера.

пѣсенъ, Клацеля—поэта ¹⁾, Йодля ²⁾, Бочка ³⁾ и т. д. Замѣчательна и молодежь, студенты. Вчера они собрались (около 30 человекъ), пили, пѣли—между прочимъ и за Русскаго гостя. Благодарю ихъ за пріемъ и честь; никогда однако не сойду съ ними въ мѣстныя, и не разъ горячо принимался говорить за нашего Государя.

Іюля 5.

Два дни съ половиной былъ не дома; ѣздилъ въ Лунденбургъ, оттуда во владѣнія Лихтенштейна, Эйсгрусъ и Фельдебергъ, богато украшенные садами и садовыми мелочами, оттуда къ Поддужакамъ. Сегодня воротился—и былъ въ театрѣ Чешскомъ. Публики еще менѣе, нежели въ Прагѣ, но публика чище и живѣе. Играли порядочно. Собираюсь опять въ дорогу.

Перо прегадкое, бумага тоже, чернило не лучше. Совѣстно писать. Да впрочемъ и нечего. Описывать Эйсгрусъ и Поддужаковъ долго. Когда-нибудь прочту изъ дневника моего.

Что будетъ не знаю, а хочется походить пѣшкомъ по Моравіи. Народъ здѣсь сохранилъ болѣе Славянскаго, нежели въ Чехахъ ⁴⁾.

¹⁾ Франтишекъ Клацель (род. 1808 г.)—Чешскій писатель, монахъ Августинскаго мон. въ старомъ Бриѣ—библіотекаръ монастырской бібліотеки; съ 1835 г. проф. философіи въ Бриѣ. Въ путевыхъ замѣткахъ о посѣщеніи Августинскаго мон. И. И. С.—кій пишетъ про Клацеля: «Между монахами проф. Клацель, издавшій два томика стихотвореній и занимающій одно изъ первыхъ мѣстъ между профессорами философіи въ Австрійской имперіи. Онъ читалъ мнѣ отрывокъ изъ своего перевода (?) старой Нѣмецкой сказки Reineke Fuchs, изъ, по разсказу Гёте съ даннымъ ему названіемъ Kulisek. Разсказъ живъ, стихъ легкій, жизнь и поэзія въ цѣломъ. Цензура отбѣсила множество мѣстъ противъ духовенства и церкви и не позволила печатать. Клацель милый человекъ, Славянинъ въ душѣ, ученъ. Съ нимъ мы разсматривали бібліотеку монастырскую. Онъ приводить ее въ порядокъ. Много выкунабулъ. Отыскалъ древности Чешскія: жизнь Елисаветы XIV столѣтія, отрывокъ изъ Псалтыря XIII столѣт., еще отрывокъ XIV стол.»—Впослѣдствіи навлекшій неудовольствіе за свой панславизмъ со стороны Австрійскаго правительства, Клацель былъ лишенъ каведры, и жилъ на покоѣ въ замкѣ одного Чешскаго патриота Фейта.

²⁾ Ант. Бочекъ (1802—1847)—извѣстный историкъ Моравіи, профессоръ Чешскаго языка въ Оломуцѣ, въ Бриѣ.

³⁾ Йодль Вольный извѣстенъ своими работами по топографіи Моравіи. (Письмо И. И. С.—скаго Краевекому—Отч. Зап. 1841. 12).

(Слѣдующее за симъ письмо, вѣроятно, отправленное изъ Оломуца (Olmutz) къ сожалѣнію не сохранилось. Чтобы восполнить нѣсколько этотъ пробѣлъ въ разсказѣ о странствованіяхъ по Моравскимъ землямъ, позволимъ себѣ сдѣлать выписку изъ Донесенія И. И. С.—го Министру Народнаго Просв. (Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ. 1841, № 8): «Занявшись Мораво-Словацкимъ нарѣчіемъ въ Бриѣ и сдѣлавъ небольшое путешествіе пѣшкомъ на Западъ Моравіи, для ознакомленія себя съ чисто-Моравскимъ нарѣчіемъ, я поѣхалъ въ Оломуцъ (Olmutz). Всего пріятнѣе было для меня тамъ знакомство съ профессоромъ Чешской литературы Шемберою. Еще молодой человекъ, онъ отлично дѣлательнъ и даетъ прекрасное направленіе своей дѣятельности: какъ профессоръ, онъ имѣетъ сильное вліяніе на своихъ слушателей, возбуждая ихъ основательно изучать Чеш-

XXXII.

№ 21. Вратиславъ (Бреслау) 1840. Іюля 25.

Видите, милая Маменька, гдѣ уже я. Не правда-ли, что вашъ сыночекъ хоть-куда молодецъ? шляется, да и только. Одно худо: излѣнился писать къ Маменькѣ, забылъ свою акуратность, которою еще такъ недавно гордился. Впрочемъ, право, я достоинъ прощенія: въ дорогѣ, когда имѣешь при себѣ только бумажникъ съ карандашемъ, да нѣсколько клочковъ бумаги, писать и нѣчемъ и нѣ на чемъ; а воротившись къ портфелю и черилу, такъ спѣшишь записать въ дневникъ, что замѣтилъ на пути. Время же между тѣмъ летитъ, летитъ. Забыть, что у меня въ Харьковѣ есть Маменька я не забуду, потерять желаніе писать къ ней я не потеряю,—и только обстоятельства дѣлаютъ меня такимъ, что стоитъ подрать за уши.

И такъ я—во Вратислави, въ Пруссіи, чуть чуть не на границахъ Польши, по крайней мѣрѣ въ землѣ Поляковъ. Какъ мнѣ тутъ живется напишу тотчасъ; но прежде нѣсколько словъ о переѣздѣ сюда изъ незабвеннаго Оломоуца. Простившись въ Оломоуцѣ съ Мораванами (17 Іюля), я направилъ свой путь на сѣверъ въ Австрійскую Силезію, къ Опау (Троппау). По дорогѣ изъ Оломоуца до Опау живутъ большею частію Нѣмцы,—и поэтому я могъ спать очень покойно. Богъ съ ними, съ этими Нѣмцами! Не хотѣлъ бы ихъ ни ненавидѣть, ни презирать; но какъ вспомню о Славянахъ, о ихъ отношеніяхъ къ Нѣмцамъ, сердце надывается невольно. Сонъ въ этомъ случаѣ лучшее лекарство. За то въ Опау я совершенно проснулся. Распросивши въ господѣ объ окрестностяхъ города, я выбѣжалъ изъ него, и давай шляться, останавливая каждого нищаго, каждого пастуха, каждую дѣвку и дѣвочку, каждого мужика и спрашивая ихъ о чемъ попало, а при случаѣ записывая пословицы и пѣсни, я шелъ до Големовицъ, деревни отстоящей отъ Опау не болѣе какъ въ 3 верстахъ, болѣе 3 часовъ; часа три пробылъ тамъ, на возвратномъ пути повернулъ въ другую тропинку, попалъ цѣлое стадо пастуховъ, пѣвшихъ пѣсню, предложилъ имъ за каждую пѣсню по крейцеру,

скій языкъ, и самъ обрацаетъ неуспѣшное вниманіе на изученіе Моравскихъ народностей. Съ нимъ вмѣстѣ мы обошли Гану, благословенную родину оригинальныхъ Ганаконъ, «Моравскую Палестину», какъ они называютъ ее, выкаки въ ихъ нарѣчіе, собирали пѣсни, пословицы и преданія, и доходили до мѣстъ, гдѣ живутъ не менѣе оригинальные Валахи. Далѣе я поѣхалъ въ Опау (Троппау); впрочемъ въ самомъ городѣ я не нашелъ для себя ничего особеннаго важнаго. Директоръ Музеума Энисъ написалъ нѣсколько любопытныхъ сочиненій объ Австрійской Силезіи; но ни Чешскаго языка, ни о Славянахъ Силезскихъ не знаетъ. Изъ Опау я сдѣлалъ нѣсколько прогулокъ по Австрійской Силезіи, гдѣ живутъ Славяне, для ознакомленія себя съ ихъ нарѣчіемъ». См. въ Приложеніяхъ къ письмамъ отрывки изъ Путевыхъ Записокъ.

и солнце еще не зашло, а у меня весь запасъ бумаги былъ истощенъ. На другой день (а это было воскресенье) я поднялся рано и вышелъ изъ города въ другую сторону съ намѣреніемъ цѣлый день бродить. Гдѣ я былъ, право не знаю, знаю, что недалеко отъ Прусскихъ границъ, и видѣлъ съ одной горы Опаву такъ, какъ видѣнъ Харьковъ съ Хорошевской горы. Мѣста прекрасныя, народъ какъ народъ, небогатый, но веселый и радужный; въ господахъ хорошее пиво и ни полу-слова Нѣмецкаго. Въ этотъ день я издержалъ болѣе 4 рублей, но за то знаю Слезаконъ довольно порядочно, и пѣсень, какъ обращиконъ ихъ нарѣчія, имѣю, кажется, не менѣе 50. О Русскихъ тутъ имѣютъ понятіе, какъ о какихъ-нибудь великанахъ и о богатствѣ ихъ рассказываютъ чудеса. На третій день утромъ я осматривалъ музеумъ, а послѣ обѣда поѣхалъ далѣе. Вечеромъ былъ уже въ Пруссіи, въ Нейштадтѣ, а на другой день въ 5 часовъ послѣ обѣда во Вратислави. Отъ Опавы до Нейштадта $7\frac{1}{2}$ миль, отъ Нейштадта до Вратиславы $14\frac{3}{4}$, и того $22\frac{1}{4}$. До Нейштадта ѣдешь между горами, и еще болѣе видишь ихъ на лѣво къ западу; отъ Нейштадта равнина безконечно ровная и безконечно однообразная, и по обѣимъ сторонамъ дороги фруктовыя деревья, обыкновенно отдаваемая казною въ аренду.

Пріѣзжаю во Вратиславъ, занимаю № 15 въ «Силезіи», развертываю записную книгу, гдѣ каждый пріѣзжій долженъ записать свое имя и прочее, заглядываю въ предыдущую строку.—«Свиридовъ».—Онъ здѣсь? Въ какомъ номерѣ?—«№ 19».—Дома-ли?—«Кажется, дома. Позвольте я узнаю... дома».—Я къ нему и какъ старые знакомцы поцѣловались, засѣли, заболтали¹⁾. У каждаго было о чемъ говорить: скоро полгода какъ мы простались другъ съ другомъ въ Берлинѣ. Теперь уже ворочается онъ въ Россію и къ половинѣ Августа надѣется быть въ Харьковѣ. Счастливцевъ! Съ нимъ ходили мы купаться, съ нимъ въ Вейсгартенъ ужинать.

На другое утро я пошелъ къ профессору Пуркинѣ²⁾, къ которому былъ рекомендованъ Шафарикомъ и Ганкою. Онъ Чехъ и, какъ Чехъ, одиночекъ, да и какъ Славянинъ не много имѣетъ знакомыхъ, потому что и Поляки тутъ все болѣе и болѣе нѣмечатся. Лишь только услышалъ отъ меня нѣсколько словъ по Чешски, какъ обнялъ меня по-отцовски... «Ну, вотъ такой гость, какъ ты—дорогой гость. Вонъ, вонъ изъ твоей Силезіи,—и ко мнѣ. Видишь

¹⁾ Ив. Алекс. Свиридовъ, впоследствии проф. Харьковского университета по кафедрѣ судебной медицины и медицинской полиціи. См. о немъ въ письмѣ XIV.

²⁾ Purkině, Jan (1867—1869 г.)—докторъ медицины, проф. физиологіи сначала въ Бреславльскомъ, потомъ въ Пражскомъ университетѣ (съ 1849 г.). Кромѣ сочиненій по своей специальности извѣстенъ произведеніями литературными, именно переводами изъ Шиллера и Тааса.

(онъ повелъ меня по комнатамъ и привелъ въ уютную отдѣльную комнату)? Если только нравится, такъ вещи твои немедленно сюда. А будетъ, право, хорошо и покойно. Мацѣвскій, когда былъ во Вратислави, былъ тутъ-же: ему было не дурно. Тебѣ тоже не будетъ. Я—тихой старикъ. Дѣти мои (два маленькихъ мальчика) послушны. Будемъ себѣ жить хорошо». И старикъ (ему 54 года) опять обнялъ меня. Отказываться было бы тоже что обидѣть.— Пришелъ Свиридовъ. Послѣ обѣда мы пошли въ «Силезію», гдѣ я расплатился, отправивши вещи домой, оттуда въ театръ, а изъ театра и самъ пошелъ домой.—Вчера цѣлый день не выходилъ изъ дому: было о чемъ и говорить, что и читать. Свиридовъ опять обѣдалъ вмѣстѣ съ нами, а вечеромъ пилъ чай. Сегодня въ 6 часовъ утра онъ долженъ былъ уѣхать изъ Вратиславы въ Варшаву и Петербургъ. Я остаюсь—и самъ не знаю какъ на долго.—Время проходитъ такъ:—Утромъ въ 6 часовъ Эрнестина (одна изъ двухъ служанокъ) приноситъ мнѣ воду на умыванье. Въ половинѣ 7-го Пуркина приходитъ самъ звать меня кофе пить. До 7-ми пьемъ кофе. Въ 7 Пуркина идетъ въ Университетъ на лекцію, а я въ свою комнату заниматься. Воротившись изъ Университета, Пуркина прямо ко мнѣ; болтаемъ, читаемъ. Потомъ расходимся и работаемъ до часу. Въ часъ иду въ кабинетъ его обѣдать. Послѣ обѣда кофе и болтовня до 4-хъ часовъ. Потомъ опять по угламъ. Вечеромъ, какъ придется, а чаще читаемъ что-нибудь вмѣстѣ. Въ 9 закусываемъ остатками отъ обѣда, еще нѣсколько читаемъ и расходимся спать. Доброму старику нравится мой домосѣдный образъ жизни, а мнѣ его. Дѣти премилые: сначала кажутся избалованными, но только сначала. Отецъ умѣлъ въ нихъ развить и умъ и нравственное чувство такъ, что они и умны и благородны не по лѣтамъ, и любятъ другъ друга по-ангельски. Въ старшемъ (ему уже около 9 лѣтъ) есть уже не мало и Славянскаго чувства и любви къ Чешскому языку¹⁾. Меньшой въ этомъ отношеніи смѣшонъ: говоритъ по Нѣмецки, знаетъ по Чешски только одно слово «ано» (да) и увѣряетъ, что этого довольно.

28 Іюля. Вторнякъ.

Время идетъ прекрасно. Въ воскресенье однако иначе нежели въ будни: ни Пуркина, ни я, ничѣмъ не занимались, а пересматривали новости, которыхъ набралось довольно много; а послѣ обѣда сѣли на лодку всей сѣмьей и поѣхали вверхъ по Одеру въ одинъ изъ садовъ, пили тамъ кофе, гуляли, веселились. Вечеромъ, воротившись домой, пѣли пѣсни.—

¹⁾ Вѣроятно Emanuel Purkyně, впоследствии докторъ философіи, ботаникъ, профессоръ въ Белѣ.

30-е Іюля.

Ай! Уже тридцатое. Подлинно, время летить! Ну много ли я настраивался,—Плзень, Клатовъ, Будейовицы, Линцъ, Дунай, Вѣна, желѣзная дорога до Брна, Брно и южная Моравія, Оломоуцъ и восточная Моравія, Опава и Силезія, Вратиславъ — и только; а между тѣмъ вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ я въ дорогѣ. Въ Прагѣ уже меня ждутъ, потому что я обѣщался воротиться черезъ два мѣсяца, а между тѣмъ впереди еще остается порядочный кусокъ пути. Кусокъ пути—*kausek cesty*—Чехизмъ! Не по-русски! Да этого мало, Маменька. Иногда выбѣжить изъ памяти самое обыкновенное русское слово. Однажды напримѣръ я чуть не бился лбомъ о стѣну, что бы вспомнить слово «жестъ». Мучился, мучился и не вспомнилъ.

Между тѣмъ надобно же сказать хоть нѣсколько словъ о Вратислави. Правда, я мало знаю ее, потому что сижу цѣлый день дома и только вечеромъ выхожу изъ дому гулять вмѣстѣ съ Пуркинею; впрочемъ на нѣсколько строкъ фактовъ наберется. Вратиславъ стоитъ на Одерѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ него впадаетъ Олава. Воды много, мѣсто ровное. Церквей чуть-ли не больше нежели воды, и все старыя, величавыя, съ башнями, почернѣвшія. Есть и между домами много напоминающихъ о прошедшихъ вѣкахъ: но тѣмъ страннѣе видѣть ихъ тутъ во Вратислави, гдѣ, наперекоръ обычаю, улицы довольно широки, ровны и пересѣкаютъ одна другую подъ прямыми углами, и гдѣ, рядомъ со стариной и скоро постарѣвшей, полуразвалившейся молодостию стоятъ дома, построенные въ современномъ вкусѣ, бѣленькіе, чистые, словомъ—красивые. Вокругъ нихъ (разумѣется не всюду) тополи и березы, липы и каштаны, а сами они подернуты кисеею винограда, вьющагося по стѣнамъ. Виноградъ вьется впрочемъ лучше по старымъ домамъ и рисуется на нихъ красивѣе; его ярко-темная зелень рисуется по бурнымъ закопѣлымъ стѣнамъ чудно и роскошно, вилетаются въ рѣшетки оконъ, бѣжить къ кровлѣ, увивается вокругъ шпицовъ... Вокругъ Вратислави на мѣстѣ прежнихъ укрѣпленій, разрушенныхъ Наполеономъ, идутъ аллеи для прогулокъ; подъ ними вода; за нею предмѣстія. Жаль что мѣсто ровное: любоваться Вратиславью нѣ отъ куда—все кусочки да кусочки. Третьяго дни мы обошли съ Пуркинею кругомъ всего города по аллеямъ. Вчера ходили въ ботаническій садъ: не великъ, но богатъ и прекрасенъ.

Приготовляюсь къ путешествію по землѣ Горныхъ и Дольныхъ Виндовъ, и надѣюсь изъ Вратислави сдѣлать нѣсколько путешествій пѣшкомъ по Силезіи Прусской между Поляковъ. Долго ли пробуду во Вратислави—не знаю. А вы, Маменька, пишите по прежнему въ Прагу.

Пуркина приказываетъ Вамъ кланяться. Я сижу на софѣ, онъ противъ меня на креслѣ, и читаетъ. Большую частію сидитъ у меня. Прекрасный старикъ.

Цѣлую Вашу ручку. Поклонъ и почтеніе всѣмъ.

Срезневскій.

Какъ бы хорошо было, Маменька, если бы Вы написали Пуркинѣ письмо и поблагодарили бы въ немъ за пріемъ меня. Пришлите ко мнѣ, а я перешлю.

31 Іюля. Вчера вечеромъ ходили мы гулять въ Маргаритен-ау, здѣшній Пратеръ; и ворочаясь видѣлъ прелестное зрѣлище: партія гулякъ ѣздила за городъ по Одеру и ворочалась, освѣтивъ глав. лодку разноцвѣтными огнями, а изъ другой пуская фейерверки. Народу звѣвшаго были десятки тысячъ, а на водѣ множество лодокъ, и все это при свѣтѣ искусств. огней составляло чудную картину ¹.)

Для Амвросія ²).

Мораво-Силезскія пѣсни.

1.

дорожку ¹).

Og wjm gá cestičku, wjm, wjm!

Kole nj rŕže kwětlí, kole nj lipy rostli

Wjm, wjm.

Po nj chodžila ma mla-ła,

Když mne kochała, když mlowała

Ma mla-ła.

Na nj rozmarganky sadžila

Pjsničku spjwage, pro mne dumage

Ma mla-ła.

Rozmarganky wyrosili-li

да да

Ene zawadli, ene opadli

Opadli!

Rozmarganky opadli

лелѣлъ

Kdo bude sadžič, mlowně chowač?

Opadli!

Oj wjm ga cestičku wjm, wjm!

Kole nj trnečky rostú, kole nj badgaky kwětt.

Bjda má!

¹) Приписка на полѣ.

²) А. Л. Метлинскаго.

³) Напечатанныя надъ нѣкоторыми словами переводы принадлежатъ И. П. С-кому; они написаны въ подлинникѣ письма карандашемъ.

Wydż gešče gednū, ma mi ła
Na mne pohledni, a mne posłucheg
Ma miła-ła!

Guž ne słyši ma miła-ła,
утишить
W hrobečku leži! Kdo mne učeši!
Бѣда ма!

Wogaci gedū, na mně wołagū
Šawličku dawagū, mně počesaḡū,
То ге los mūg!

Wogakem budu ga, budu
Na wognu pūgdu, we wogně umru!
То ге los mūg

Og wjm ga cestičku, wjm, wjm!
Po nj wogacy gedū, Towariša wezū
Mne, mne! ¹⁾.

2.

Štyri koně we dwoře—
ни одинъ

Žaden s nima ne oře.

Oře s nima synáček,
гвоздика

Čerwený gak řebiček.

Gedže s nima do rolě

Zaorowač kukole.

Dyž kukolě doorač,

Na swū miłu zawolač:

«Podž, ma miłá, počkeḡ mne,

Powjm ga ci co ge mně.

¹⁾ Ой знаю я дорожку, знаю, знаю!
Около нея цвѣли розы и росли липы.
Знаю, знаю.

По ней ходила моя милая,
Когда меня любила, когда миловала—
Моя милая

На ней сажала она розмарины,
Распѣвая пѣсни, про меня думая
Моя милая

Розмарины выросли
Да завяли, да осыпались
Осыпались!

Осыпались розмарины...
Кто жь будетъ ихъ сажать, лѣзять?...
Осыпались!

Ой, знаю я дорожку, знаю, знаю!
Около нея растетъ репейникъ, около нея
цвѣтеть будякъ.
Горе мое

Видь еще разоѣхъ, моя милая,
Погляди на меня, меня послушай,
Моя милая!

Не слышитъ больше моя милая,
Лежитъ она въ гробу! Кто-жь меня утишитъ
Бѣда моя!

Бѣдутъ солдаты, меня зовутъ;
Саблю даютъ мнѣ, меня утѣшаютъ
Вотъ моя судьба!

Стану солдатомъ
Пойду на войну, на войнѣ умру
Вотъ моя судьба

Ой знаю я дорожку, знаю, знаю
По ней солдаты бѣдутъ, везутъ товарища—
Меня, меня!

Boli mně ma bławička,
 Pobila mne mačička;
 Pobila mne pro tebe,
 By ně milował tebe».
 «Nechč če pro mne bige,
 Ty možeš gidč ku gíné».
 «Ga ku gíné ně pūgdu,
 Radšeg se dam na wognu».
 «Na wognu se ně daweg,
 Trudž rodžičŭm ně dželag.
 «Na wognu se radšeg dām,
 Trudž rodžičŭm udělām.
 Když ga budu wogakem,
 красивымъ
 Буду šwarnym gonakem,
 одвѣду
 Dostanu šaty zeleny,
 выпуски
 A wyložky čerweny,
 Wyložky čerweny...
 To pro me potěšenj.
 A konjčka wraného,
 Wyskočim ga na něho.
 Na konička wys-kočim
 завѣю или какъ иначе?
 Bělŭm šatkem zatočjm
 вѣжливо
 Pěkne se ti, ma miła,
 прошусь, скажу adieu
 Portučjm, portučjm ¹⁾).

Poručjm se pěkně.
 Twŭg Sr. ²⁾).

¹⁾ Четыре коня во дворѣ—
 Никто на нихъ не пашеть.
 Одинъ на нихъ пашеть молодчикъ,
 Румяный, какъ гвоздика.
 Ыдетъ онъ съ ними на пашню
 Запахивать куколь.
 Когда куколь допахалъ,
 Крикнулъ своей милой:
 «Пойди, милая, подожди меня
 Расскажу тебѣ, что со мной случилось.
 Бодить моя соховушка,
 Побила меня матушка,
 Побила меня изъ за тебя,
 Чтобъ не ухаживалъ я за тобой».
 «Не хочешь, чтобъ изъ за меня тебя били
 Такъ ступай къ другой».
 «Я не пойду къ другой,

Лучше пойду на войну».
 «Ты на войну не ходи,
 Не огорчай родителей».
 «Лучше я пойду на войну
 Огорчу отца и мать.
 Когда стану солдатомъ,
 Буду я статнымъ молодцомъ;
 Будеть у меня зеленая куртка
 Съ красными отворотами;
 Красные отвороты—
 Вотъ что меня утѣшитъ.
 Будеть у меня конь вороной—
 Вскочу на него.
 Вскочу я на коня
 Махну бѣлымъ платкомъ
 Вѣжливо прошусь съ тобой,
 Прощусь съ тобой, моя милая».

²⁾ Досвиданья. Твой Ср.

XXXIII.

№ 22. Вратиславъ. 6 Августа 1840.

6-е Августа! Охъ и ахъ и ухъ! 6-е Августа! За 6-мъ и 7-е, а тамъ и послѣднее, а тамъ и Сентябрь — и годъ, какъ я выѣхалъ изъ Харькова. Вздумалъ было однажды ловить время за хвостъ и потомъ заставлятъ стоять тамъ, гдѣ я стою; а какъ одумался, такъ напрасно хотѣлъ: время всегда въ рукахъ, только не совладѣешь съ нимъ, — обманываетъ, отуманиваетъ, не движется и быстро летитъ, не даетъ и замѣтить, какъ поставить вверхъ ногами. Вотъ уже и двѣ недѣли какъ я во Вратислави, и скоро два мѣсяца, какъ я выѣхалъ изъ Праги; гулять не гуляю, то и дѣло пишу да читаю, иногда недосыпаю, — времени ушло много — а въ итогъ пріобрѣтеній мало, и въ будущемъ работы, работы, а что всего хуже — времени ушло много.

Что-же до моихъ работъ, такъ вотъ онѣ каковы: переписалъ одну старую и рѣдкую грамматику Дольно-Лужицкаго нарѣчія, переписываю собраніе Дольно-Лужицкихъ пѣсенъ, обозрѣваю замѣчательности Библіотеки и Музеума древностей, по вечерамъ хожу на берегъ Одры болтать со сплавщиками дѣса изъ Ратибора по Слезски и т. п.

Гулялъ очень немного, и то вмѣстѣ съ Пуркиней. Перваго Августа — что-ли — ходили смотрѣть на красивый фейерверкъ; въ Воскресенье ходили въ Освицъ и Попловицъ (деревни близъ Вратислави), гдѣ я нашелъ остатки двухъ старыхъ городищъ. Два раза ходили слушать Люцерову, о которой уже писалъ изъ Брна; опять видѣлъ ее въ *Elisire d'amore* и въ *Свадьбѣ Фигаро*: голосъ очень мягкой, нѣжный, пріемъ же ее здѣшнюю публикою былъ еще нѣжнѣе, — ее осыпали цвѣтами. Вчера ходили смотрѣть Лира, котораго игралъ Вѣнской актеръ Аншюцъ, знаменитый въ цѣлой Германіи трагикъ. Правда, что не легко понять актера; впрочемъ думаю, что нашъ Каратыгинъ выше сравненія съ Аншюцомъ. По городу ходилъ мало: заблудиться не заблужусь, лучшія строенія и улицы знаю; но тутъ и все.

Сегодня въ 10 часовъ ѣду въ Ополье (Оппельнъ) на Юго-Востокъ отъ Вратислави, на Одеръ, къ Слезакамъ; а теперь (7-го половина) иду завтракать. Пуркиня уже ждетъ.

Оп[о]л[ь]е. 6-е Августа. 9-ть вечера.

Вотъ я и въ Опольи: 11½ миль отъ Вратислави; въ 10 выѣхалъ, въ 7½ пріѣхалъ. *Personenpost* идетъ каждый день, и между тѣмъ я получилъ 19-й №меръ. Въ главномъ экипажѣ только 8 мѣстъ; слѣдовательно всѣ другіе помѣщены были въ бейвагенахъ, перемѣняющихся на каждой стан-

ціи. Это впрочемъ было для меня хорошо: почти на каждой станціи новыя сосѣди, новый разговоръ. Для занимательности я принималъ на себя то ролю Чеха, то ролю Лапландца, то ролю Француза, и подъ разными формами разспрашивалъ о Слезакѣхъ, объ ихъ отношеніяхъ къ Нѣмцамъ, а иногда и о Россіи, которая тутъ всюду какъ бревно въ глазу, такъ что и полчаса разговора не пройдетъ безъ воспоминаній, безъ толковъ, безъ споровъ о ней. Велемудрая политика Нѣмецкихъ глубокомысленниковъ уже рѣшила, что Франція получитъ Египетъ, Англія—Сирію, а Россія—Константинополь,—и занялась уже рѣшеніемъ вопроса, что послѣдуетъ за онымъ вышепомянутымъ дѣленіемъ Турціи. Удивительные, или, просто, удивительно-глупые люди эти Нѣмцы. Не безъ добрыхъ, не безъ ученыхъ людей между ними; но что глупость просвѣчивается всюду, это и слѣпой увидить. Я говорю о Нѣмецкихъ Нѣмцахъ.

Теперь сажу и пашу; а за минуту проводилъ отъ себя — двухъ дѣвухъ: одна—штубен-мэдхенъ=горничная, поившая меня чаемъ и славшая постель — Нѣмка съ кисловатой харѣнкой, другая кельнерка, господствующая внизу при столѣ и въ буфетѣ—Полячка и премиленькая—въ родѣ Сами Робушевой, только съ карими глазами. Я изволилъ съ ними болтать и смѣшнить ихъ своимъ неумѣньемъ говорить ни по Нѣмецки, ни по Польски. Офицались прядти опять. Полька клялась душою, что придетъ и будетъ пѣть пѣсни. Едва-ли впрочемъ я буду ждать ихъ: мнѣ очень хочется спать.—

Ополье. 7-е Авг. Пятница.

День злосчастный, настоящая пятница Чешская (= Русскій понедѣльникъ). Ходилъ столько, что ноги устали, ходилъ и утромъ, и послѣ обѣда, и вечеромъ, и на Сѣверъ, и на Востокъ, и на Югъ, и на Западъ, и по «дрогѣ», и по «ходнику»; а домой привнесъ очень мало. Причиною отчасти я самъ: и я худо понимаю, и меня худо понимаютъ,—меня потому что мѣшаю Чешскій съ Польскимъ, а я потому что Слезакъ безбожно скоро говорятъ, такъ скоро, что случалось изъ цѣлой рѣчи не понять, т. е. не слышать ни полусловечка. Другая причина моихъ неудачъ—работы полевые: все жнетъ и сгребаетъ, не до болтанья съ такимъ даребакомъ, какъ я. Попалъ было нишаго, такъ—шепелявой, беззубой, и ничего не знаетъ; далъ ему грешель ($1/180$ талера) да и пошелъ прочь. Иду далѣе,—сидятъ дѣвки подъ липой,—я къ нимъ; заговорилъ, сѣлъ, сталъ закуривать трубку,—а они отъ меня; я упрасиваю ихъ остаться, а они бѣжать. Пљунулъ, да и далѣе. Иду далѣе... ну вотъ, думаю, наконецъ! Сидитъ мужикъ и пьетъ водку, и пьетъ, и разговариваетъ самъ съ собою, выдѣлывая какіе-то гіерог-

лифы и руками и глазами. Къ нему:—«Помгай понѣ бугъ!»—Га-га, понѣ! Дженкуемъ!—и вдругъ съ водкой ко мнѣ, упрасиваетъ и Іезусомъ, и маткой Марзей и всѣми швентыми, что бы я пилъ. Отказывался, отказывался; наконецъ попробовалъ эту Нѣмецкую, гадкую, вонючую, картофельную водку,—чуть тутъ же не освободился отъ бремени. До сихъ поръ еще головой кручу. Великодушіе мое однако не помогло мнѣ. Слезакъ увидѣлъ, что я пью и присталъ, что бы я пилъ какъ надлежитъ. Человѣкъ, думаю себѣ, веселой. Лишь-бы опустѣла бутылка, а тамъ и хорошо пойдетъ; а чтобы опустѣла безъ моего пособія, надобно подняться на хитрости. Ага! Вотъ камень; объ него эту канальскую бутылку, такъ и дѣлаю конецъ. Взялъ, притворился пьющимъ,—и потомъ, какъ будто въ восторгѣ съ размаха руку въ сторону отъ себя—и хлопъ. Разумѣется, я долженъ былъ изумиться такой неожиданности и приговорить: «Злѣ, же жохъ ни вшецко допилъ»: Что-же!—«Тожъ то злѣ, понѣ: шкода фляжки; алѣ гдо рѣдъ нѣе горжаўку, про тего момъ еще»¹⁾—и велѣдъ за тѣмъ вытащилъ изъ кармана еще одну фляжку, такую же только полную. Не бѣдовщина ли? Оставалось заплатить за бутылку—и далѣе.—Словомъ, всѣ мои покушенія о чемъ-нибудь распросить, подслушать какую нибудь пословицу или новое слово, записать пѣсню—остались какъ раки на дыбъ—у сѣти были, въ сѣть не попали. Уже вечеромъ только, зашедши къ какому то портному въ какой-то деревенькѣ, записалъ кое-что. Было бы и болѣе, да портной шелъ въ другую деревеньку на пиръ, и я долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что проводилъ его до той деревни. Хотѣлъ было вмѣстѣ съ портнымъ на пиръ; да вспомнилъ о водкѣ—и домой. Былъ 9-й часъ; усталые крестьяне ложились спать.

Вотъ и дома—и скучно. Хотъ бы съ кѣльнеркой поговорить; такъ у нея дѣла много, развѣ позже придетъ. А вчера, бестія, не приходила, заставивши меня не гасить свѣчъ до 11 часовъ. Сегодня утромъ пришла и извинялась: работы было по уши. Кстати, по случаю хорошенькой кѣльнерки: и въ Опольи и кругомъ народъ очень красивъ—особенно женщины. Прекрасныя, правильныя, нѣжныя и полныя огня лица, и станъ стройный, какъ у Ганачекъ²⁾. Дѣти настоящіе ангельчики. Былъ-бы я живописецъ, такъ написалъ бы одну видѣнную мною дѣвочку: поднявши рубашонку, хлопощется шогамъ въ лужѣ и улыбается, а каріе глазки изъ подъ разбросанныхъ бѣлыхъ волосъ такъ и сверкаютъ; въ двухъ шагахъ свинья спитъ въ грязи, а за нею мальчишка, лежа на травѣ, перебираетъ щетины ея хвоста Силезская аркадія!—

¹⁾ Экое горе: не допилъ всего.—Что за горе, понѣ: жалъ бутылки; а кто любитъ выпить водки, про того есть у меня и еще.

²⁾ О нихъ въ томъ писемѣ, которое пропало; Ганакъ—одно изъ племенъ Моравскихъ.

10-ть вечера.

Наконецъ я утѣшенъ: кѣльнерка приходила съ другою дѣвушкой, прачкой,—и я записалъ 8 пѣсень. Двѣ изъ нихъ прелестъ. И я—влюбился—только ни въ кѣльнерку, ни въ прачку, а—въ Силезское нарѣчіе. Когда имъ говорить такой голосъ, какъ прачкинъ, такъ это—музыка.—

Посылаю пѣсенку, сочиненную Ганкою, имъ и писанную: содержаніе ея таково, что лучше всего не ворочаться съ нею въ Австрію. Сберегите ее, Маменька!

XXXIV.

№ 23.

Ополе, 10-е Авг.

Два дни не былъ въ Ополѣ и вчера къ вечеру воротился опять сюда. Завтра буду во Вратислави и отправлю это письмо съ письмомъ къ брату; а потому и напишу немного.

Сначала о поѣздкѣ изъ Ополя: изъ Ополя въ Крапшицъ въ дилижансѣ; отсюда въ Стрѣленъ пѣшкомъ верстъ 20, если не болѣе, съ проводникомъ за 5 сереб. грошей = 55 коп. асс.; изъ Стрелена съ фурманомъ въ Ополе. И утѣшенъ, веселъ, доволенъ самъ собою, даже не сержусь на того почтового приеазнаго, который... впрочемъ объ этомъ послѣ. Кромѣ листка, на которомъ пишу, вся бумага исписана: тутъ и пѣсни, и пословицы, и сказки, и загадки, и описанія костюмовъ, и обычаи. Крапшицъ преглушнй городишка, въ которомъ говорятъ полу-Нѣмецкимъ языкомъ; но всетаки не по Слезки. Въмѣсто того чтобы идти въ гостинницу, я обѣгалъ городъ, и между тѣмъ спрашивалъ проводника до Стрелена. «Да тутъ дороги нѣтъ; заплатите дорого».—Проводника-фусгенгера—понимаете?—«Гаа»! И Нѣмецъ развѣсилъ уши и разставилъ носъ. «Да какого вамъ?»—Да простого мужика.—«До Стрелена?» отозвался какой то мужикъ. «Я изъ Стрелена пойдемъ-те со мною».—Ты Слезакъ?—«А то-жъ»!—Ну, такъ идемъ. Ночевать въ дорогѣ, гдѣ хочешь? «У зятя».—И пошли. Дорогою, пока стемнѣло, я то и дѣло садился и записывалъ, что мнѣ Слезакъ говорилъ. Въ девять пришли къ зятю. Избушка на курьихъ лапкахъ, передомъ на дворъ, коморкой на улицу, маленькая. Я расположился спать на соломѣ, на дворѣ, подлѣ коровы. Впрочемъ прежде нежели расположился, поужиналъ молока и хлѣба съ солью, за что зять ни крейцера не захотѣлъ взять, а очень радъ былъ, что принимаетъ дорогого гостя—„Чеха“ (я игралъ ролю Чеха) и видно, учонаго. «Пишите, пишите, поне, да не забудьте написать, что молиться велятъ

а читать не учать. Дали намъ какого-то „затраченного Нѣмца“ учителемъ: мы его не разумѣемъ, а онъ насъ. Вотъ мой сынишка и твердитъ Фатеръ унзеръ вмѣсто Ойче нашъ. Ну что это за моленье. Этакъ больше согрѣшишь, Ну что это Фатеръ унзеръ?» До одиннадцати мы проболтали. Юзефа, жена зятя, легла спать, оставивши намъ огарокъ плошки, и подъ слабый свѣтъ ея я записалъ прекрасную думку о семилѣтней войнѣ и многое другое. Потомъ—въ сосѣди къ коровѣ. Выспался славно, всталъ рано. Стаканъ воды, стабанъ молока—сливокъ, кусокъ хлѣба—и въ путь. Черезъ три часа былъ въ Стреленѣ. Тутъ тоже нечего было дѣлать. Проводникъ отыскалъ мнѣ повозку съ кучеромъ Слезаконъ, который тоже дорогою пересказалъ мнѣ кое-что, особенно, когда останавливались кормить лошадей, и когда въ гостинницѣ онъ нашелъ себѣ соперниковъ. Разболтался, распѣлся такъ, что про лошадей забылъ.

Теперь о почтовомъ приказномъ. Мнѣ хотѣлось ѣхать въ Гуттентагъ, и я взялъ билетъ, гдѣ ясно стоитъ, что почта отходитъ въ 9¹/₂ вечера. Прихожу въ 9¹/₄, прямо въ Passagier-Stube, жду. Бьетъ половина. Жду. Потомъ выхожу, спрашиваю; отвѣчаютъ: Personenpost давно ушла».—Да я трубы не слышалъ; мнѣ никто не приходилъ сказать, что бы я сѣлся. — «Да мы этого не знаемъ».—Дѣло въ томъ, что кондуктору не хотѣлось ѣхать, и онъ отправилъ экипажъ съ одними письмами и посылками и съ кучеромъ—не въ ¹/₂ десятого, а въ 9. А моихъ три рубли пропало. И къ тому же еще день въ Опольи.

Впрочемъ все къ лучшему. Сегодня цѣлый день сидѣлъ въ комнатѣ, переписывалъ на чисто дорожныя замѣтки, написалъ письмо Пассеку, которому еще не писалъ изъ за границы,—и не замѣтилъ какъ день прошолъ. Въ Гуттентагъ ужъ не поѣду; а прямо во Вратиславъ. Довольно пошлялся по Силезіи. Что бы узнать подробно, надобно остаться хоть на мѣсяцъ и болѣе; а этого не могу. Лучше далѣе.

Цѣлую вашу ручку, милая Маменька!—Ба, кельнерка съ пѣснiю...

Какія прекрасныя пѣсни знаетъ эта кельнерка: не даромъ плачу по 11 коп. за номеръ. Очень спасибо ей.

Темнѣетъ. Скоро 8. Въ 10 ѣду,—и цѣлую ночь въ дорогѣ, а въ 8 утра у Шуркини.

Прощайте, Маменька. Кланяйтесь всѣмъ, кто помнитъ странствующаго старика Вашего.

XXXV.

№ 24.

Легницы (Лигницъ). 1840, 23-е Авг.

Наконецъ я простился съ Вратиславью—и прощался будто съ родиною. Незабвенный Пуркия провожалъ меня до почты, Маркусъ (у котораго я бралъ уроки въ Дольно-Дужицкомъ нарѣчїи) то-же; Макерле и Шпакерле также не захотѣли остаться дома, одинъ понесъ портфель, другой трубку и табакъ, оба рука въ руку со мною,—и Шпакерле даже шляпу свою забылъ надѣть на голову. Ни откуда, тутъ за границей, я не выѣзжалъ съ такимъ горестнымъ чувствомъ и не былъ провожаемъ съ такимъ сердечнымъ участіемъ. Нѣ могу до сихъ поръ разогнать своей грусти: вотъ ужъ вечеръ, а мы со старикомъ не ходили гулять, и дѣти нейдутъ пожелать мнѣ «добрѣи ночи»,—и я снова одинокій странникъ!

Путь мой въ Згорѣлецъ (Гёрлицъ), и я бы не остановился въ Легницахъ, если бы не услышалъ, что въ одной изъ здѣшнихъ церквей есть Славянскія рукописи. Надобно посмотрѣть, что это за вещи; а между тѣмъ познакомлюсь и съ городомъ.

Между тѣмъ—подѣвжая къ какому нибудь городу (въ Германіи почти всюду такъ) прежде всего видишь кладбище: такъ и приближаясь къ какой нибудь Славянской землѣ не минуешь гробовъ Славянской народности... и разумѣется на землѣ болѣе могилъ нежели живыхъ людей. Тутъ то-же: еще я между Нѣмцами, еще Лужичане-Венды далеко,—а уже все напоминаетъ Славянинину — и физиогноміи, и одежды женщинъ, и архитектура домиковъ, и самые плетни, и самыя вербы и липы, идущія за Славянами всюду. Гляжу на эту страну какъ на поле: жатва уже снята, остаются сухіе корешки, а бурьянъ вылѣзъ всюду. Была-ли сжатая жатва зрѣлая? уже-ли безъ паханья не выростетъ новая?—кто знаетъ!

Чѣмъ ближе къ Легницамъ, тѣмъ природа разнообразнѣе, веселѣе: лѣсу больше, есть уже и горки, и низменные мѣста, и виды.

24-е.

Легницы лежатъ при втеченіи Черной воды въ Качу (Кацбахъ). Мѣсто довольно низко, но крайней мѣрѣ не скучное. До 7-и-лѣтней войны тутъ была крѣпость, теперь осталось только нѣсколько башенъ, а на мѣстахъ прежнихъ стѣнъ тянутся аллеи для гулянья. Въ серединѣ города площадь, и по срединѣ площади домъ ратуши съ разными приватными пристройками, какъ и во Вратислави, какъ и во многихъ другихъ городахъ. Улицы, расходящіяся въ разныя стороны кривыми углами, поворачиваютъ то вправо, то влѣво, то

расширяются, то суживаются, то сходятся къ одному трехугольному между-
улку, то, раскланявшись одна другой, поворачиваютъ каждая въ свою сторону.
Церквей три, но всё хороши, а Фрауенкирхе, разбитая въ 1822 году мол-
ніей и вновь отстроенная, очень хороша. Видъ съ колокольни на окрестности:
особенно къ Исполиновымъ горамъ, прекрасный. На поляхъ Лигницкихъ было
4 битвы, и самая знаменитая изъ нихъ—съ Татарами; до сюда доходили они,
были разбиты, и поворотили назадъ. Легницы сдали лучше нежели сблизы,
дома большею частію грязны, малы, некрасивой формы: есть пословица, что
мертвымъ въ Легницахъ лучше, нежели живымъ (*Die Todten leben in Liegnitz
besser als die Lebendigen*). Кладбища въ самомъ дѣлѣ милы: хорошенькіе
памятники, окруженные цвѣтами и деревьями, разставлены рядами, а между
ними тянутся дорожки, усыпанные пескомъ, обшитыя лентами резеды. Легницы
славятся своими огородами (*Kräutereien*): вокругъ города и въ предмѣстьяхъ
ихъ множество. Жителей въ Легницахъ 12.000, и между тѣмъ я весь городъ
и въ серединѣ и вокругъ обходилъ не болѣе какъ $\frac{3}{4}$ часа.

25-е Августа. Кинастъ.

По срединѣ террасы надъ крутымъ утесомъ, стоящимъ на горѣ, возвы-
шающейся надъ моремъ на 1600 футовъ, т. е. почти 230 сажень, разставлены
столы и лавки, какъ всюду въ лѣтнихъ кофейныхъ домахъ, а за ними кто
читаетъ, кто пьетъ кофе или пиво, кто любитъ видами. Я пишу, и тоже
пью кофе, и курю трубку, и люблю виды. Маменька! да пожалуйста сюда!
Разсказать, право, не умѣю, а очень, очень хорошо. Направо, сквозь пихты и
развалины замка, подъ стѣнами котораго я сижу, видны Исполиновы горы,
лѣвѣе и далѣе кругомъ обширная равнина, покрытая горами, рощами, лѣсами,
деревьями.... вонъ и Гернедорфъ, изъ котораго я поднялся на Кинастъ, вонъ
и Вармбрунъ, откуда я пришелъ въ Гернедорфъ, вонъ и Гиршбергъ, откуда
я пришелъ въ Вармбрунъ, вонъ чуть видна и дорога, по которой я ѣхалъ
въ Гиршбергъ изъ Легницъ. Исполиновы горы, хоть и близко, но уже по-
крываются фіолетовою тѣнью, и солнце спускается къ нимъ, освѣщая дорожку,
по которой я пойду въ горы. Проводникъ стоитъ сзади меня и ждетъ. Гдѣ
ночевать буду, не знаю; а гдѣ буду ночевать, тамъ и раскажу болѣе. Теперь
буду любоваться: окрестность горитъ, освѣщенная послѣдними лучами солнца,
и глаза горятъ радостью, глядя на дивную картину. Кинастъ гора и замокъ.
Замокъ построенъ въ XIII столѣтіи, разбитъ былъ молніей въ 1675 году и
съ тѣхъ поръ остается развалиною. А вотъ пафъ... и эхо Исполиновыхъ горъ
повторило выстрѣлъ семь разъ.

Маріенталь.

Маленькая комнатка, заваленная разнымъ хламомъ; по срединѣ столикъ, на столикѣ стаканъ со сливками, черный картофель и масло, пять букетовъ цвѣтовъ, подаренныхъ мнѣ дѣвочками, у которыхъ я купилъ малины и грушъ на зильбергрошъ, когда взбирался на Кинастъ, далѣе тоненькій огарочекъ, ближе портфель и моя рука; подлѣ столика кровать только что внесенная и на которой я надѣюсь славно заснуть послѣ 2-хъ часовой ходьбы между горъ; вотъ гдѣ я. Съ одной стороны подъ бокомъ большая комната, гдѣ при свѣтѣ лучины десятка полтора мужиковъ пьютъ пиво и водку, а въ углу съ огаркомъ, подобнымъ моему, ужинаютъ путешественники, подобные мнѣ; съ другой стороны въ маленькой комнаткѣ куча путешествующихъ дамъ, болтовня и хохотня; подо мною музыка и танцы, потому что сюда зашли Тирольскіе музыканты, и поселянки хотятъ поплясать. Моя комнатка не остается пустою: то старикъ хозяинъ придетъ искать чего нибудь, то старуха хозяйка, то служанка, то всѣ вмѣстѣ. А между тѣмъ огарокъ догораетъ; придется объясненія отложить до завтра. Добрая ночь.

26-е Авг. Еще въ Маріенталь.

Шестаго половина. Я всталъ, выспавшись прекрасно. Свечера меня убаюкали говоръ, музыка и тупотня танцующихъ; а проснувшись ночью, я слышалъ Тирольскія пѣсни и подъ ихъ оригинальныя мелодіи заснулъ опять.

Скажу же нѣсколько словъ о моемъ теперешнемъ путешествіи. И во Вратислави, и въ Легницахъ я то и дѣло слышалъ о путешествіи и путешественникахъ по Силезскимъ горамъ: Король Саксонскій прошелъ черезъ нихъ недавно въ роли ботаника; наша Императрица съ Ольгой Николаевной, Лейхтенбергскими и вся Прусская королевская фамилія также тамъ; ждуть и Императора; и на водахъ Вармбрунскихъ гостей много, и отовсюду сходятся путешественники полюбоваться Исполиновыми горами. Какъ не пожертвовать парой дней, чтобы видѣть ихъ, когда я такъ близко. Оставивши въ Легницахъ у одного изъ знакомыхъ мой багажъ, вчера въ два часа утра я сѣлъ въ дилижансъ и къ 10 часамъ былъ уже въ Гаршбергѣ. Отсюда до Вармбруна, съ небольшимъ часъ ходьбы, а если бы ждать, то бы надобно было ждать до 2 часовъ пополудни и пропадать со скуки: я пошелъ пѣшкомъ, и въ четверть 12-го былъ въ Вармбрунѣ. Часть общества была въ концертѣ, другая гуляла. И я сталъ гулять. Центръ Вармбруна есть площадка передъ

гостиницей Чернаго Орла: у Чернаго Орла останавливаются лучшіе гости, у него же собираются обѣдать, а противъ него аллея ведущая къ театру и такъ называемой галлерей, и по бокамъ аллеи лавочки съ разными товарами, начиная отъ грошеваго куска мыла до Турецкой шали. Я гулялъ до часу, до звонка, скликающаго у Чернаго Орла къ обѣду; потомъ обѣдалъ. Гулянья и обѣда было достаточно, чтобы узнать хоть сколько нибудь Вармбрунское общество и городъ. Домики малы, но уютны и большею частью убраны внутри и снаружи очень мило. Гости, пріѣхавшіе на воды, составляютъ большую часть населенія, и живутъ тѣсно, впрочемъ болѣе на открытомъ воздухѣ: вотъ напр. домикъ въ 2 окошечка, окруженъ цвѣтникомъ, подъ окнами стулья и столы, вокругъ него цѣлая сѣмья, кто работаетъ, кто читаетъ газеты или книжку, дѣти играютъ подъ деревьями. Одѣты все щеголевато. Болѣе всего слышенъ Нѣмецкій языкъ; нерѣдко слышенъ и Польскій; Французскій очень рѣдко. За столомъ было до 150 особъ, садятся по фамиліи, все вольны, но знакомства холодны.—Насмотрѣвшись на Вармбрунъ и Вармбрунцевъ, полюбовавшись Исполиновыми горами, поднимающимися за Вармбрунской долиной, я надѣлъ портфель черезъ плечо и пошелъ въ Гернесдорфъ, а оттуда въ Унтер-Кинастъ. У подошвы Кинаста и по дорожкѣ ведущей на Кинастъ, уже идешь не одинъ: проводники, которыхъ и тутъ и вообще въ горахъ много и отпечены особенною одеждою идутъ съ вами, спрашиваясь вести васъ въ горы; путешественники попадаютъ на каждомъ шагѣ; дамъ, разумѣется не бѣдныхъ, несутъ носильщики на носилкахъ; а тутъ и мальчики и дѣвочки съ малиной, съ грушами. Выбравши проводника (ему платятъ обыкновенно около 2-хъ рублей въ сутки) я передалъ ему свой мѣкинтшъ и портфель и пошелъ далѣе. Куда я дошелъ, вы уже знаете. На Кинастъ я обходилъ развалины замка, всходилъ на башню и пр. Дорога отъ Кинаста до Маріенталя тяжела: идешь съ горы на гору по каменистымъ дорожкамъ, переходя ревущіе ручьи, лѣса... И все это еще цвѣтки.—Однако пора въ путь. Лучше отдыхать на пути когда устанешь, нежели тутъ тратить время. —

Цакенфаль.

Въ двухъ часахъ пути отъ Маріенталя; впрочемъ мой проводникъ такъ бѣжитъ впереди меня, что мы сдѣлали этотъ переходъ въ часъ. Я сижу теперь въ лубочной беедкѣ; водопадъ гремитъ въ нѣсколькихъ шагахъ, падая съ вышины 120 футовъ, разбиваясь три раза о скалы. Онъ падаетъ въ ущелье, окруженное скалами какъ стѣнами и тамъ на днѣ бѣжитъ черезъ камни. Пихты надъ ущельемъ, пихты въ ущельи; природа дикая и прекрасная.

Я сходилъ на дно ущелья, чтобы лучше видѣть водопадъ и весь обрызганный пылью водопада... Обыкновенно потокъ бываетъ сверху запруженъ и воды падаетъ мало; но по желанію путешественника воду пускаютъ на волю, и водопадъ загремитъ, зареветъ, обольется пѣною. Это же стоитъ всего оди́нъ зильбергрошъ.

По дорогѣ изъ Маріенталъ сюда я заходилъ на Рабенштейнъ. Это двѣ гранитныя стѣны, между которыми въ глуши лѣса бурчатъ потокъ Цакенъ. И этихъ видовъ было бы довольно, чтобы идти въ Исполиновы горы.

На память я купилъ у Цакенфалъ табакерку изъ кингольца съ видомъ водопада.

Neu Schlesische Baude.

Это еще первая буда, которую встрѣчаю я на пути; но ихъ тутъ въ горахъ множество. Такъ называется отдѣльно стоящій горный домикъ, безъ двора, безъ пристроекъ. Остатокъ Славянства, по крайней мѣрѣ, по названію.

И я уже на высотѣ 3600 футовъ слишкомъ надъ моремъ. Переходъ отъ Цакенфалъ былъ невеликъ, но въ это время я поднялся вверхъ почти на 300 сажень. Маріенталъ лежитъ подъ ногами и за нею далеко, далеко равниною горы и долины, полуподернутые туманомъ. Небо какъ будто выросло надъ головою. — У дверей бесѣдки, гдѣ я сижу, пишу и пью молоко, играютъ 2 дѣвушки на арфахъ, разумѣется въ ожиданіи зильбергроша. Дамъ, дамъ, лишь бы перестали: играютъ порядочно, но мелодія такая прѣсная, Нѣмецкая, что смотрѣть на горы, любоваться природой и слушать ее просто непристойно... Ба... заиграли другое... польку... поють... по Чешки... — Чехи какъ будто родные мнѣ. Я выпрыгнулъ изъ бесѣдки, спрашиваю, какъ онѣ, эти дѣвушки, попали сюда. Отвѣтъ: живутъ здѣсь, тутъ и родились, отецъ умеръ, а Нѣмцы, у которыхъ онѣ живутъ, ихъ родныя. Въмѣсто одного зильбергроша я далъ два. Въ знакъ благодарности они все еще играютъ и поють Чешскія пѣни. Буду же и я въ знакъ благодарности слушать ихъ.

Schneegrubenbaude. Поддень.

Все далѣе въ горы, все выше въ горы. Я вовсе не усталъ; но поднимаясь все выше и выше дышешь тяжело, сгибаешь колѣни и наконецъ падаешь или по крайней мѣрѣ садишься; впрочемъ я вовсе не усталъ.

Переходя черезъ Рейфенштейнъ, я былъ на высотѣ 4300 футовъ надъ моремъ. Немного далѣе Кваркштейнъ. Сѣвши тутъ отдохнуть на камнѣ, я

любовался видами въ одну сторону на Силезію, въ другую—на Богемію. Тутъ граница между ними. И какъ чудно я сидѣлъ: сидѣлъ на камнѣ, принадлежащемъ Императору, а ноги мои опирались на камень, принадлежащій королю. Далѣе я проходилъ мимо Тафельштейна, на которомъ, какъ говоритъ преданіе, болдунъ Рюбецаль, о которомъ тутъ ходитъ много сказокъ, обѣдывалъ съ своей почтеннѣйшей супругой.

Далѣе, идучи все по границѣ, я дошелъ до истока Эльбы. Въ обширной равнинѣ течетъ маленькій свѣтлый ручеекъ, выходя изъ колодца, подлѣ котораго стоитъ лачужка: вотъ истокъ Эльбы. Вода прекрасная, но болѣе ничего.

Въ четверти часа отсюда, ниже, Эльбскій водопадъ. Надъ водопадомъ лачужка. Чтобы видѣть водопадъ, надобно спуститься на дно оврага. Я спустился, сѣлъ, воду пустили на волю,—она взревѣла, широкимъ волнисто-снѣжнымъ платомъ рванулась внизъ и образовала вокругъ себя туманную атмосферу. Солнце выглянуло изъ-за облака, и эта пыль тумана покрылась радужнымъ блескомъ. Зрѣлище единственное. Природа у Цагенфала дикая, но нѣтъ видовъ, и вотъ почему тамъ болѣе любишься самимъ водопадомъ, а тутъ видами на дикія скалы, голыя, покрытыя мохомъ или влагой, и тянущіяся вѣтвеобразно далѣе и далѣе.

Оставивши Эльбу влѣво, я сталъ подниматься къ Гогенраду и послѣ тяжелаго перехода черезъ горы по темени ихъ, такъ что ни Богемія ни Силезія не скрывались ни на минуту, пришелъ сюда. Буда Шнеегрубенская—очень милый домикъ въ вкусѣ русскомъ. Обѣдъ былъ невеликъ, но хорошо приготовленъ. Послѣ обѣда я спускался въ глубокій оврагъ посмотрѣть на снѣгъ, остающійся тамъ цѣлый годъ, и самъ удивлялся своей смѣлости: стоило оступиться, чтобы навсегда пропасть. За то какъ смотришь на людей вверху снизу, такъ кажутся мухами. Эхо поетъ. Я закричалъ: «Маменька!»—и горы повторили: аннька.—Тутъ есть и телескопъ. О видахъ ни слова: чѣмъ выше на горы тѣмъ виды обширнѣе. Довольно сказать, что смотришь горизонтально, и видишь землю, а не небо; поднимаешь глаза еще выше, и все еще земля, а потомъ, гдѣ земля, гдѣ небо—не знаешь—слилось.

Снѣжка, т. е. по-Нѣмецку Schneekorpe.

Таки добрался, куда хотѣлъ. Я на Снѣжкѣ, на возвышеннѣйшемъ пунктѣ Исполиновыхъ горъ, въ 5000 футовъ надъ моремъ, или по русски безъ малаго въ полторѣ верстѣ. И вотъ какъ я добрался сюда.

Прежде всего надобно было перейти черезъ Гогенрадъ. Два раза отдыхалъ я пока взомелъ на эту вышину 4650 футовъ. Дорожка есть, но что это за дорожка! Обломки скалы, на которыхъ вмѣсто моха слѣды человѣче-

скихъ ногъ. Прыгаешь съ камня на камень то вправо, то влѣво, и съ каждымъ прыжкомъ на футъ выше. Похващаюсь при этомъ случаѣ: обыкновенно дѣлають тутъ путешествіе по горамъ съ помощью порадочнаго костыля, и почти въ каждой будѣ можно купить готовый,—и проводникъ мой еще вчера вырѣзалъ себѣ костыль и идетъ опираясь о него; я же положилъ себѣ вчера же начать путь, вести и кончить, не имѣя въ рукахъ ничего. Взяраясь на Гогенрадъ не разъ я чувствовалъ необходимость костыля и опирался на свои колѣни; но тотчасъ вспоминалъ, что это противъ условія,—и выпрямлялся. Что-жъ, ничего! Все дѣло возможное. Гогенрадъ есть высшій пунктъ въ этихъ горахъ послѣ Сибъжи. Взобрался на Гогенрадъ, взобрался и на Сибъжку безъ палки.—Видъ съ Гогенрада—само собою разумѣется каковъ. Чудный да и только. Что до природы, она уже другая: хоть день и свѣтлый и слѣдовательно внизу жаркій, хоть потъ съ лица капалъ тяжелыми каплями, но вовсе не отъ жару; напротивъ—прохладно, и эта прохлада освѣжаетъ силы. Вчера и сегодня утромъ я былъ еще въ лѣсахъ хитовыхъ, еловыхъ и т. п., въ странѣ, гдѣ сѣютъ и жнутъ; тутъ уже не то: собирають прекрасную траву, но хлѣбъ не растетъ, а вмѣсто деревьевъ ползучій кустарникъ, жирной, низенькій, что-то въ родѣ гигантскаго моха. Кстати о мохѣ: и самъ не знаю какъ стало, только моя шапка украшена пышнымъ вѣнцомъ изъ моха. Не знаю кто вздумалъ это сдѣлать въ Шнеегрубенъ. будѣ; впрочемъ не я одинъ несу на себѣ это горное украшеніе: каждый, кто прошелъ черезъ горы, ворочается съ нихъ въ вѣнцѣ. Милый обычай.—

Поднявшись нѣсколько разъ на гору и спустившись съ нея, я подошелъ къ Петерсъ Баудѣ. Еще я шагахъ во ста отъ нея, а уже слышу музыку, выглядываюсь, и вижу у буды—6 музыкантовъ, встрѣчая меня, играютъ привѣтственный маршъ. Очень хорошо; но тутъ не отдѣлаешься зильбергрошомъ. Почесалъ за затылокъ и далъ 5, да и далѣе.

Черезъ четверть часа пришли мы къ Штурмбаудѣ. Подхожу къ ней и опять слышу музыку и пѣніе. Вхожу—говорять по Чешски, поють по Чешски,—и тутъ старичокъ, двѣ дамы, нѣсколько человѣкъ простаго народа, а въ центрѣ мальчишка съ арфою играетъ польку и поетъ подъ нее Чешскую пѣсню, мнѣ знакомую. Я взялся и сталъ также пѣть. Дамы очень рады были встрѣчѣ съ человѣкомъ говорящимъ по Чешски. Въ двѣ минуты я былъ и съ ними и съ ихъ старичкомъ знакомъ какъ нельзя лучше. «Будемте же танцовать польку!» закричала одна дама, подбѣгая ко мнѣ. Будемъ! и начали: я съ одною дамою, старичекъ съ другою, мужики съ поселянками. Пылъ подняли столбомъ, хохотъ въ небу.—Тѣмъ грустнѣе было разставанье: я шелъ на Сибъжку, дамы со Сибъжи. Пожелали другъ другу добраго пути и разошлись.

XXXVI.

№ 25.

Сгорѣлецъ (Görlitz) 6-е Сент. 1840.

Такъ я, какъ видите, душенька Маменька, въ Сгорѣльцѣ; живу тутъ уже недѣлю, и останусь еще недѣли на двѣ. Иначе нельзя: кандидатъ богословія Смоларъ¹⁾, что въ Нѣмецкомъ переводѣ Шмалеръ, учить меня Горно-Лужицкому нарѣчію, а между тѣмъ я перечитываю и переписываю драгоценныя рукописи библіотеки здѣшняго ученаго общества и, гуляя по окрестностямъ, знакомясь съ остатками древности—городищами и тѣмъ, что въ нихъ отрываю. На все это нужно время и я его не трачу. Вотъ какъ оно проходитъ:—Въ 6 часовъ стучится дѣвка и приноситъ кофе: этимъ начинается мое утро. Отъ 6 до часу я, безвыходно и безвизитно, самъ себѣ дома. Ничто не мѣшаетъ, и я занимаюсь прилежно: устанетъ-ли рука писать, я ложусь на софу и читаю; а отдохнула рука, снова за перо. Утро проходитъ незаметно. Въ часъ иду обѣдать къ Оленю, въ концѣ втораго ворочаюсь и опять за работу до 4-хъ. Въ 4-е или я къ Смоларю, или онъ ко мнѣ. Если онъ ко мнѣ, то занимаемся до 8; а потомъ, оставшись одинъ, я занимаюсь до 10. Въ 10 ложусь, и до 11-ти читаю. Если я иду къ Смоларю, то вечеромъ погибаетъ. Смоларъ живетъ у Гаупта²⁾, и я въ сѣмействѣ Гаупта какъ свой. Болтовня, а иногда и пѣсни и танцы и Gesellschaftsspiele=фанты продолжаются до половины 11-го. Вечерній картофельный завтракъ бываетъ обыкновенно въ 8, потомъ приходятъ гости, также отужинавши, приходятъ съ чулками и трубками, и мало по малу разыгрываются. Пляшу и я. Съ тѣхъ поръ какъ я тутъ, гости у Гаупта чаще, потому что Русской въ Згорѣльцѣ—чудо невиданное.

7-е Сент.

Вчера воротился въ 11-ть, и мокрый какъ губка. Подумаєте, дождь измочилъ: ничуть не бывало—плясаль. Вчера было воскресенье. Я пошелъ въ Гаупту въ 3. Къ 5 собралось много, въ 6 заплясали и плясали до нѣтъмочи. Кавалеровъ было только четыре: Шмалеръ, совѣтникъ полиціи Келеръ, еще нѣкто Тейслеръ да я, а дамъ чуть не вдвое—и мадамъ Гауптъ, и мад. Келеръ, и мад. Тейслеръ, и мад. Директорша, и фрейлейнъ Адель (племянница Гаупта), и фрейлейнъ Августа (племянница Тейслера) и еще нѣсколько

¹⁾ Янъ-Эрнестъ Смоларъ (Schmalер)—самый замѣчательный и одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ представителей Лужицкаго возрожденія 1830—1840-хъ гг., глубокій знатокъ Лужицкихъ нарѣчій и Лужицкой народности. Смоларомъ вмѣстѣ съ Гауптомъ при нѣкоторомъ участіи И. И. Срезневскаго надано обширное собраніе Лужицкихъ пѣсень (Pjesnički Hornych a Dolnych Lužickich Serbow wydate wot L. Nawpta a J. E. Smolerja. Grymъ 1842—1843).

²⁾ Гауптъ (L. Nawpt)—пасторъ, секретарь Сгорѣльскаго ученаго общества, издатель Лужицкаго Магазина—одинъ изъ дѣятелей Сербо-Лужицкаго возрожденія 1830—1840 гг.

маленькихъ. Время прошло, какъ обыкновенно, очень весело: всё дурачились, дурачился и я, какъ бывало дома. Не только галоцировать и вальсировать, но даже съ Смоларёмъ дернулъ по Вендски, а потомъ и по Чешски польку и рейдовакъ, а потомъ и по Русски козачка.

8-е Сент.

Вчера цѣлое послѣ обѣда гулялъ: въ часъ пошелъ къ Гаупту и отъ него съ Смоларёмъ, Кёлеромъ, какимъ то докторомъ да Гауптомъ изъ города вонъ. Сначала въ деревню Эберсбахъ, гдѣ есть старинное городище, потомъ еще далѣе вереть за 12 къ Кёнигсгайнскимъ горамъ. Какъ слоёное тѣсто выдвинулись тамъ изъ горъ гранитныя скалы и прекрасно обрисовались еловымъ лѣсомъ. Виды видали, а между тѣмъ не забыты были и поиски старыхъ вещей. Мы съ Кёлеромъ лазили по разнымъ трещинамъ, искали урнъ, и нашли много черепковъ, а я нашелъ и бронзовый браслетъ и нѣсколько кусочковъ сжженныхъ человѣч. костей.

10 Сент.

Вчера опять послѣ обѣда не былъ дома, опять гулялъ. Все наше общество—до десятка дамъ, до десятка кавалеровъ, до десятка дѣтей—кто пѣшкомъ, кто въ Gesellschaftswagen'ѣ, помѣщающемъ 14 особъ—отправились къ горамъ Яворицкимъ, и тамъ пили кофе, пиво, вино, ѣли хлѣбъ съ масломъ, колбасы, пироги, пѣли пѣсни, и т. д. Пили иза ваше здоровье, милая Маменъка, и я былъ увѣнчанъ вѣнцомъ. Виды съ горы прекрасныя. Тутъ есть и старинное городище. Туды я ѣхалъ; оттуда шелъ пѣшкомъ.

Сегодня за то ни шагу изъ дому. Утро занимался самъ, не увидѣлъ какъ прошло утро,—и обѣдъ прогулялъ—не замѣтилъ какъ ударило три часа. Что-же за бѣда. Напилися кофе, да и дѣло съ концомъ. А вечеромъ со Смоларемъ напилися чаю—и вовсе не голоденъ. Еще и лучше: четвертакъ въ карманѣ остался!!

12 Сентября.

Боже мой, сколько радости разомъ!—Что за радость? спросите Вы. Не опять-ли какая нибудь прогулка?—Нѣтъ, нѣтъ, лучше всякой прогулки, дороже всѣхъ мимолетныхъ знакомствъ, конечно пріятныхъ для одинокаго странника, но все таки мимолетныхъ.... Письма отъ Васъ, душенька Маменъка, разомъ три (№ 6, 7, 8)—вотъ отъ чего моя радость. Такъ долго не получать (уже три мѣсяца какъ я выѣхалъ изъ Праги)—и вдругъ... Вы захотите знать, какъ я получилъ ихъ: очень легко и очень скоро: рѣшившись остаться въ Сторѣльцѣ, я написалъ къ Доктору Станьку письмо, прося переслать все, что получено на мое имя хозяиномъ, Шафѣрикомъ и пр. Прошло дней пять-шесть и я все это получилъ—и письма отъ Васъ, и письма отъ моихъ старыхъ

друзей, и отъ разныхъ новыхъ знакомыхъ. Работы отвѣчать будетъ дня на полтора — и прежде всего вамъ:

Въ № 6 Вы повторяете, о чемъ писали прежде, что ноты получили всѣ кромѣ «Ave Maria», — и между тѣмъ прежде писали, что получили 20 тетрадей: если получили по счету всѣ, то и «Ave Maria» тамъ, или можетъ быть вмѣсто Ave я взялъ что нибудь другое. — Такъ Листъ Вамъ не нравится? Жаль! Не потому жаль, что хорошо пишетъ (онъ и меня не восхищалъ, а только изумлялъ ¹⁾), а потому что я могъ бы прислать другое. Лабичкаго вышло еще одно попури: пришло изъ Праги. — Если увидите незабвеннаго «бѣлобрысаго» Иванъ Васильевича ²⁾, то скажите ему, что онъ можетъ писать ко мнѣ на Шафарика въ Прагу, а я ему напишу можетъ быть изъ Др..., не скажу отъ куда, потому что мнѣ хотѣлось бы не говорить о томъ, куда ѣду, до самаго возвращенія въ Прагу: Вы, маменька, будете догадываться, а я воротясь въ Прагу буду любоваться Вашими догадками. — Къ брату я писалъ и надѣюсь получу отвѣтъ въ Прагѣ: письмо важное касательно высылки мнѣ денегъ изъ Министерства.

Въ № 7 Вы описываете Вашу переписку съ братомъ. Что я не могъ не плакать, что плакалъ и слезами радости и слезами гордости, имѣя такую мать, объ этомъ писать нечего; но не могу не повторить, что Вы, душенька Маменька, напрасно беспокоитесь обо мнѣ, о моихъ нуждахъ, о недостаткѣ денегъ въ моемъ карманѣ: не знаю, что будетъ далѣе, а до сихъ поръ, не отказывая себѣ ни въ чемъ, ни разу не грозилъ себѣ пальцемъ. Вина не пью и другихъ имъ не потчую, не наряжаюсь, въ карты не играю: только отъ этого и остерегаюсь (легко остерегаться отъ того, что для человѣка излишне). Все остальное — путешествіе, гулянье, концерты, театры, книги — стоитъ столько, что живу безъ всякаго разсчета. Одно поставилъ себѣ за правило: что оставляетъ по себѣ менѣ слѣдовъ на то менѣ и денегъ. — Далѣе о издержкахъ на письма: меня удивляетъ, что Вы платите такъ дорого! я за полученіе письма плачу 14 крейцеровъ = около пяти-алтыннаго, а за отправку — 20 = двугривенный. Поручите, Маменька, мнѣ отправлять Ваши письма, — и я буду платить несравненно дешевле. Впрочемъ безъ шутокъ: почта наша обманываетъ. Отправляя, платите только до границы, до Радзивилова, а остальное предоставьте мнѣ, — и увидите, что я не буду платить за полученіе болѣе пятиалтыннаго. — У васъ громы, а тутъ только дождички. За то урожай на фрукты — удивительный.

¹⁾ Въ подлинникѣ написано: «не изумлялъ, а только восхищалъ». Надстрочными цифрами порядкомъ словъ измѣненъ, но по ошибкѣ всетаки невѣрно. Подъ этими словами написано: !!!

²⁾ Иванъ Васильевичъ Росковшенко, товарищъ И. П. Срезневскаго по университету; вмѣстѣ съ нимъ И. П. С-кій пѣдалъ въ Харьковѣ въ 1831 г. «Украинскій Альманахъ».

Въ № 8—описаніе поѣздки въ Ахтырку. Очень радъ, что и она и ея окрестности Вамъ понравились. Какъ-бы я желалъ быть тамъ вмѣстѣ съ Вами. Одного уже тамъ нѣтъ: добраго, почтеннаго отца Іоанна! Если увидите Чудновскаго, кланяйтесь ему, и пусть онъ кланяется всеѣмъ Ахтырскимъ знакомымъ моимъ, а милой сестрицѣ поцѣлуетъ ручку и поздравитъ ее! Дай Богъ ей счастія!—Прощайте, Маменька, до завтра или послѣ завтра.

Вашъ старинъ.

XXXVII.

№ 26. Сгорѣлецъ. 20 Сентября.

Работаю днемъ какъ должно; а придетъ вечеръ, прибѣжать дѣти Гаупта (дочь 12 лѣтъ Теодора, другая маленькая Матильда да 2 сына Карлъ и Рудольфъ) и именемъ Маменьки говорятъ, что «картофель ждетъ». Черный картофель съ масломъ—это обыкновенный Гауптовскій ужинъ. Отужинавши садимся вокругъ стола, болтаемъ, читаемъ, играемъ въ фанты. Если соберется много, то столъ въ сѣни и начинаются танцы. О танцахъ я уже писалъ; о фантахъ еще нѣтъ. Болѣе другихъ любимы нами два:—является грифельная доска. Одинъ записываетъ на одной сторонѣ вопросъ, передаетъ кому хочетъ другому, тотъ, не зная вопроса, пишетъ на другой сторонѣ отвѣтъ,—и такъ доска ходить кругомъ стола. Соединеніе вопросовъ съ отвѣтами бываетъ чудное, подаетъ поводъ къ смѣху, къ другимъ вопросамъ и т. д. Другая игра: Одинъ изъ общества выходитъ вонъ изъ комнаты, остальные назначаютъ слово для разгадки, такое слово, которое не легко отгадать, то есть которое имѣетъ много значеній: напр. листъ, странникъ, перо, ручка, шея. Выходившій призывается и спрашивается поочередно всякаго тремя вопросами: Гдѣ вы это любите? Какъ вы это любите? Почему вы это любите? Напр. Гдѣ вы это любите? Одинъ: подъ ногами, другой: подъ столомъ, третій: въ воздухѣ, 4-ый: въ вѣнкѣ, 5-ый: въ башнѣ, 6-й въ рукахъ и т. д. Какъ вы это любите?—1-й: желтый, 2-й: измятый, 3-й: летающій, 4-й зеленый, 5-й: старый, 6-й: большой. Почему вы это тамъ и такъ любите? 1-й: потому что люблю мечтать, 2-й: потому что мнѣ наскучило сидѣть за столомъ, 3-й: потому что напоминаетъ мнѣ о моей судьбѣ, 4-й: потому что безъ него пестрота была бы непріятна, 5-й: потому что мнѣ хотѣлось бы найти гдѣ нибудь старое новое, 6-й: потому что люблю своихъ родныхъ и друзей. Спрашивающій угадываетъ, и при чемъ отвѣтъ угадаетъ, тотъ заступаетъ его мѣсто. Угадали ли Вы, милая Маменька, отвѣтъ? Это 1) листъ осенній, 2) листъ печатанный 3) листъ оторванный отъ вѣтки, 4) листъ травы, 5) листъ старой рукописи, 6) листъ письма. Эта игра очень мила.

Работы мои въ Сгорѣльцѣ приходятъ къ концу: съ рукописями почти со всѣми сладилъ; сколько можно было собрать для исторіи литературы Вендской—собрано; этимологическій словарь Горно-Лужицкаго нарѣчія почти оконченъ.—Завтра или послѣ завтра прощусь съ Сгорѣльцемъ.

А между тѣмъ начинаются прощанья.—Третьяго дни сѣмейство Гаупта ходило встрѣчать сестру г-жи Гауптъ на почту—изъ Бреслау. Отобѣдавши пришелъ и я. Въ ожиданіи мы велѣли подать себѣ кофе. При этомъ были сухари. Каждый съѣлъ по два: остался еще одинъ. «Съѣдимъ Vielliebchen!» сказала Гауптова.—Радъ, отвѣчалъ я, но прежде скажите, что это Vielliebchen?—«Съѣвши съ другимъ Vielliebchen, надобно постараться сказать ему на другой день: «guten Morgen, Vielliebchen!» прежде нежели это онъ успѣетъ сдѣлать,—и кто прежде скажетъ, тотъ выиграетъ, т. е. получить что нибудь на память». Очень хорошо: потчую. И такъ я раздѣлился сухаремъ съ Гауптовой, Аделью, Теодорою, Шмалеромъ и діаконшею Генрихенъ. Вчера чуть свѣтъ вбѣгаетъ ко мнѣ Теодора и кричитъ: «Guten Morgen, Vielliebchen!»—Програлъ. Въ 9 часовъ приходитъ Шмалеръ, говоритъ «Guten Morgen»—я въ отвѣтъ «Vielliebchen, guten Morgen!»—выигралъ. Дамы ждали меня цѣлое утро, и все время держали дверь на замкѣ. Въ часъ, когда я обыкновенно обѣдаю, онѣ перестали ждать, а я какъ тутъ: влетѣлъ,—и выигралъ. Смѣху было до слезъ. Я подарилъ Теодорѣ коробочку, она меня отдала тоже коробочкой, Гауптова подарила мнѣ тоже коробочку, Адель — видъ Герлица. Другихъ подарковъ еще не получилъ. Сегодня собралось у меня до полдюсятка альбомовъ. —

Сегодняшнюю ночь я почти не спалъ: легъ въ концѣ 2-го, а всталъ въ 6. Цѣлый день занимались съ Шмалеромъ. Подъ вечеръ пришелъ ко мнѣ Гауптъ, потомъ Тейслеръ, потомъ дѣти съ «картофель ждѣтъ». Пошли. Послѣ ужина собрались разные разности. Болтали, я гадалъ и смѣшилъ, предсказывая Spektakel-Geschicht'ы. Читали, что я написалъ въ альбомы. Адель знаетъ по русски одно слово «прошу»,—и я написалъ ей:

Прошу

Своихъ друзей старинныхъ вспоминая,

И обо мнѣ, Срезневскомъ, вспомнить кой-когда—

Хоть такъ: «Изъ дальняго былъ странникъ края!»

Хоть такъ: «Бывалъ намъ странникъ страненъ иногда».

Изъ памяти жъ все злое выметая,

Забыть и обо мнѣ все злое навсегда

Прошу.

Теодоръ я написалъ:

Теодора, Теодора!

Сохранишь-ли мой листокъ?

Иль, какъ дикаго для взора,

Изъ альбомнаго узора

Вырвешь вонъ ты мой листокъ?

Теодора, Теодора,

Мой листокъ?

Теодора!

Этотъ пустякъ понравился всѣмъ такъ, что Гауицъ сѣлъ за фортепьяно, сдѣлалъ для этого музыку,—и всѣ стали пѣть по Русски, приговаривая, что Русскій языкъ очень нѣженъ и звученъ. Я и забылъ сказать, что я былъ весь вечеръ въ цвѣточной гирляндѣ. Діаконша принесла мнѣ свой Vielliebchen. Это была кожаная подбладка подъ бумагу, что бы мягче было писать. Она была свернута въ трубку и обвита прекрасною цвѣточною гирляндой. Я связалъ ее съ кожи и надѣлъ на себя черезъ плечо. Гауптова надѣла мнѣ на шею шнурокъ, который носила нѣсколько лѣтъ, говоря, чтобы я помнилъ о ней по нему, Теодора привязала къ нему букетикъ незабудокъ,—и я выглядывалъ въ этомъ уборѣ такимъ селадончикомъ, особенно когда началъ строить рожи и гадать, что всѣ помирали со смѣху.

Въ десять часовъ вечера разошлись,—а мы съ Шмалеромъ отправились ко мнѣ оканчивать словарь и работали до половины второго.

Завтра въ путь.—Всѣ жалѣютъ, что я уѣзжаю; я также жалѣю, что расстаюсь съ Сгорѣльцемъ: городъ не видный, но жилось мнѣ въ немъ хорошо.

Завтра ѣду. Прощайте, милая Маменька! Поклонитесь всѣмъ, кто меня не забылъ. Вотъ-вотъ дни черезъ четыре будетъ годъ какъ я выѣхалъ изъ Харькова: время слишкомъ большое для человѣческой памяти. Я не забылъ никого, но это другое дѣло: можетъ быть никто болѣе странника, одинокаго разумѣется, не живетъ въ прошедшемъ.

Гауптова приказала вамъ передать свой сердечный поклонъ.—

Скажите мнѣ, Маменька, что я долженъ дѣлать: просить-ли позволенія еще на полгода остаться за границей или нѣтъ? Какъ человѣкъ, какъ сынъ, я желалъ бы въ Харьковъ; но съ другой стороны въ годъ невозможно окончить путешествій, которыя мнѣ предстоятъ. Если я буду проситься и мнѣ не позволятъ, я буду радъ; но можетъ быть буду жалѣть что не получалъ позволенія.—Самъ не знаю что дѣлать.

Да не сердятся на меня, если я приншу свой 2-й отчетъ позже, нежели слѣдуетъ. Въ дорогѣ писать невозможно, потому что много другихъ работъ.

Цѣлую ручку Вашу.

Дороговизна писемъ заставитъ, можетъ быть, меня писать рѣже. Не беспокойтесь: я здоровъ, слава Богу, какъ слѣдуетъ ¹⁾).

XXXVIII.

№ 27

Саксонія. Будишинъ (Бауценъ). 26 Сент. 1840.

Итакъ я простился съ Сгорѣльцемъ.—Вчера утромъ въ половинѣ шестаго подъѣхала къ моей квартирѣ коляска, взяла меня съ вещами, поѣхала къ Гаупту, гдѣ то-же все было готово, усадила въ себѣ насъ трехъ съ Гауптомъ и Смоляромъ, и повезла насъ въ Будишинъ, столицу Горныхъ Лужичанъ или Сербовъ, какъ называютъ они сами себя, или Вендовъ, какъ называются они по Нѣмцки. Въ половинѣ 7-го мы выѣхали, въ часъ пополудни пріѣхали: всего 6 миль. Этимъ началось мое странствіе по Лузаціи или Сербскимъ Лужицамъ. Буду вести Вамъ дневникъ моего странствія, кратко, какъ позволить время, оставляя подробности для своей записной книжки и памяти. По дорогѣ видѣли мы Сербовъ и Сербокъ, но вскользь: я надѣюсь, что будетъ еще время присмотрѣться къ нимъ ближе; а то, что я узналъ о нихъ во ²⁾ Вратислави и Сгорѣльцѣ, дѣлаетъ меня нетерпѣливымъ скорѣе увидѣть ихъ.—

Въ Будишинѣ мы остановились у Молодаго мѣсяца, въ томъ самомъ домѣ гдѣ живетъ д-ръ Клинь ²⁾, другъ Гаупта и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ Вендовъ. Мы съ Смоляромъ заняли комнату въ гостиницѣ; Гауптъ отправился къ Клину.

Послѣ обѣда всѣ четверо пошли гулять по окрестностямъ Будишина, замѣчательнымъ для меня по остаткамъ Славянской старины,—и обходили веретъ около 20, если не болѣе. Прежде всего побывали на одномъ школьномъ праздникѣ; потомъ пошли на городище Доброславское, прелестно рисующееся на скалахъ, стѣнами, опускающимися къ Спрее; потомъ пошли черезъ нѣсколько Сербскихъ деревень на гору Любенць, гдѣ также есть остатки городища, видѣли съ нея чуть не подъ ногами границу Богеміи; далѣе спустились въ Будишинскую равнину, гдѣ каждый уголокъ напоминаетъ о войнѣ Русскихъ съ Французами, ужинали въ Стрѣльцѣ, минутахъ въ 10 отъ Будишина, и въ началѣ 10-го воротились домой. Прогулка была прекрасная. Клинь былъ душою нашего общества: какъ юмористъ, заба-

¹⁾ Прписано съ края письма.

²⁾ Фридрихъ Адольфъ Клинь (1792—1855)—извѣстный Сербо-Лужицкій патріотъ, одинъ изъ основателей Сербской Матицы и первый ея предсѣдатель. Онъ служилъ по церковной и школьной администраціи, былъ адвокатомъ и членомъ земскаго сейма.

влялъ онъ насъ остротами; къ тому же онъ Сербъ. Болѣе всего утѣшало меня то, что онъ, хоть и докторъ и совѣтникъ Полиціи, обращался съ Сербами, какъ съ родными, говорилъ съ ними по Сербски, ласкалъ дѣтей, жалъ руки старымъ... Такихъ чиновниковъ въ Чехіи кажется нѣтъ. Сербы умный, добрый народъ, не бѣдны, довольно образованы—по крайней мѣрѣ все умѣютъ читать, и между тѣмъ сохранили много старыхъ обычаевъ, обрядовъ, даже суевѣрій. Языкъ, занимая средину между Польскимъ и Великорусскимъ, очень пріятенъ, и несомно легокъ для выговора, такъ что мнѣ, знакомому съ нимъ до сихъ поръ книжно, трудно понимать, когда говорятъ,—такъ скоро и плавно можно говорить на немъ.

Вечеръ.

Сегодня опять цѣлый день мы странствовали—въ трюхъ съ Гауптомъ и Смоляромъ. Сначала по городу; потомъ въ половинѣ 10-го вышли изъ города по дорожкѣ къ горахъ. На дорогѣ догнали дѣвушку, шедшую съ одноколкой домой изъ города. Гауптъ на привѣтствіе «Помгай Богъ» получилъ въ отвѣтъ обычное «Вершъ помози»; Смоляръ заговорилъ съ нею; я присоединился и помогалъ ей тащить тяжелую одноколку; потомъ когда дѣло дошло до записыванья пѣсенъ, я предоставилъ Смоляру свою книжку, а самъ чистилъ груши и подчивалъ ими ее и спутниковъ. Гауптъ присѣлъ и нарисовалъ эту сцену.—Обѣдали подъ горами, верстахъ въ 15 отъ Будишина, у лѣсничаго. Послѣ обѣда пошли съ нимъ на гору, освященную именемъ Чернобога. Чернобогъ очень высокъ и представляетъ далекіе виды на Лужицы, Саксонію, Саксонскую Швейцарію и Чехію. Лѣсничій, вода насъ со скалы на скалу, пересказывалъ преданія о нихъ: тутъ, говорилъ онъ, приносили въ жертву людей, тутъ было чортово окно, тутъ—адъ. Съ Чернобога видна другая гора—Бѣлобогъ. Жалѣю, что время не позволило намъ идти къ ней и на нее. Мы завернули на западъ, къ горѣ Прашицѣ, проходили мимо скалъ, наз. Громадникомъ, гдѣ, какъ говоритъ преданіе, собирались въ старину Сербы, еще язычники, на сеймы, заглянули въ котелъ, вѣчно наполненный водою, гдѣ они умывали руки передъ подачею ихъ другъ другу въ знакъ союза. Отдохнувши на Прашицѣ, мы спустились внизъ и къ вечеру пришли въ городъ, исходивши не менѣе 30 или 35 верстъ. Вечеръ провели все вмѣстѣ съ Клиномъ въ нашей комнатѣ, пили чай, разсуждали о Сербахъ. Тутъ были и два гимназиста Сербъ, изъ членовъ Сербскаго Буд. общества. Этихъ обществъ нѣсколько: старшее въ Лейпцигѣ, другое въ Вратислави, третье здѣсь. Молодые Сербы собираются, читаютъ свои опыты, ведутъ журналъ трудовъ,—хлопочутъ о возрожденіи Сербской литературы, и, что всего важ-

нѣе, не забываютъ народа, изучаютъ его, описываютъ народност. Смоларь имѣть на всѣ эти общества большое вліяніе.—

27-е.

Сегодня воскресенье. Въ Будишинѣ двѣ Сербскія церкви, одна евангелическая, другая католическая или подьянская, какъ называютъ Сербы: надобно было заглянуть въ каждую изъ нихъ, и мы съ Смоларомъ пошли. Въ первой слушали начало проповѣди и не дослушавши, а посмѣявшись надъ искусствомъ проповѣдника мѣшать Нѣмечину съ Славянщиной пошли въ другую, и слушали тамъ молитвы. Молящіеся тамъ и тамъ были большею частію изъ простаго народа, впрочемъ очень хорошо одѣты—въ коротенькія кофточки и юбки съ передникомъ и въ чепцахъ съ широкими фальбарами вокругъ шеи. Подьянки отличаются любовью къ черному цвѣту. Далѣе мы пошли въ соборъ. Чудное зданіе—кривое, искоробленное и къ тому еще раздѣленное желѣзной рѣшеткой на двѣ части: задній алтарь католическій, передній, съ боку, евангелическій.—Обѣдали у Клина.

Послѣ обѣда пошли за городъ, посѣтили два городища и скалу, называемую Шибибогомъ «идоломъ». Скала стѣною, на скалѣ стародавнія липы, подъ скалою Спрее и такъ глубоко, что дна еще не достали. Преданіе говоритъ, что на этой скалѣ стоялъ идолъ и сверженъ былъ въ воду. Скалистог-лѣсистыя окрестности превосходны.

Воротившись вечеромъ домой, мы съ Смоларомъ занимались. Теперь 11-ть. Пора спать. Желаю и Вамъ покойной ночи, милая Маменька. Вы вѣрно уже почиваете; а если нѣтъ, то вѣрно и обо мнѣ подумали хоть минутку.

29-е—17-е Сент.

Помните, милая Маменька—17-е Сентября?—Какъ Вамъ не помнить, когда Вы меня такъ нѣжно любите! Годъ тому назадъ Вы провожали меня, благословляли на дальній и долгій путь, плакали и благословляли. Господи, уже цѣлый годъ я не вижу Васъ! О, скоро-ли пройдетъ и все время разлуки!

Вчера я былъ въ двухъ библіотекахъ, и работалъ цѣлый день надъ перечитываніемъ и переписываніемъ рукописей, тамъ найденныхъ. Утромъ сегодня то-же.—А послѣ обѣда съ Гауптомъ и Смоларомъ ходили на Доброславское городище и копали тамъ. Найдти нашли только черепья, перекаленный гранитъ и множество угля. На утесѣ, опускающемся стѣною во 100 шаговъ къ Спрее, сидѣлъ я, смотрѣлъ на копанье нашихъ работниковъ и мечталъ о

давноминушемъ, мечталъ, какъ на этомъ мѣстѣ, лѣтъ за 1000 назадъ, приносились жертвы богамъ, сожигались мертвые. Смотрѣлъ на окрестности, населялъ ихъ хижинами богомольныхъ язычниковъ, сзывалъ ихъ сюда къ молитвѣ; молился съ ними о васъ, — и такъ встрѣтилъ мой новый годъ.—Теперь сидимъ съ Смоляромъ за однимъ столикомъ и пишемъ— я письмо, а онъ — Сербскіе разговоры, которые приготавливаетъ къ печати¹⁾. Мы живемъ съ нимъ по братски. Одно нехорошо: по Сербски я говорить еще не могу, а слѣд. дѣло ведется по Нѣмцки.

Еще два слова о Будишинѣ. Миленькій городокъ съ башнями и стѣнами, оставшимися отъ прежнихъ укрѣпленій. Съ запада онъ опускается амфитеатромъ и съ Дрезденской дороги рисуется амфитеатромъ. Жителей болѣе 10,000. Двѣ улицы прекрасны, широки и прямы. Сербскій языкъ слышится безпрестанно.

Добру ночь, моя любя мачи! Пшею вамъ (желаю) добра сны (сновидѣнія). То со вѣ (разумѣется), зо дыжь со вамъ джѣ (что когда вамъ будетъ. что снится), со вамъ тѣжъ вотѣ мнѣ джѣчъ будже (помечтаете и обо мнѣ). Добру ночь найлюбша!

Монастырь Маріенштернъ (Клѣштеръ). Въ 4-хъ часахъ отъ Будишина.—1-е Октября 1840.

Вотъ гдѣ я, милая Маменька. Въ половинѣ 10-го вышли мы съ Смоляромъ изъ Будишина, до обѣда осмотрѣли три городища, послѣ обѣда четыре, и пришли сюда подъ вечеръ, исходивши не менѣе 30 верстъ. День прекрасный, путешествіе занимательное и веселое. Мнѣ бы хотѣлось пѣшкомъ пройти по вѣсѣмъ Лужицамъ, поближе познакомиться съ этимъ народомъ, сохранившимъ въ себѣ такъ много стариннаго и въ языкѣ, и въ жизни.—Сегодня я уже не говорилъ почти ни слова по Нѣмцки;—въ Лужицахъ хочу говорить не иначе, какъ по Сербски.—Земля богатая; деревни на каждомъ шагу; виды на горы очень милы. Въ поляхъ дѣятельность: пахутъ, сѣютъ и боронятъ, или собираютъ овощи и отаву.

Городъ Каменецъ. 2-е Окт.

Въ 7 часовъ утра мы вышли изъ Маріенштерна, заглянувши прежде въ церковь и на монастырь. Монастырь этотъ женскій, и, какъ вѣсѣ католическіе монастыри, хорошо построенъ. Самое селеніе очень мило. Перехода

¹⁾ Были напечатаны въ 1841 г. подъ заглавіемъ: *Maly serb aby serske Njemsee rozmówienja*.

съ одной тропинки на другую, мы осмотрѣли три городища, и пришли сюда отдохнуть и поѣсть. Бѣтъ 11-ть. Мы завтракаемъ и черезъ четверть часа идемъ далѣе. Каменецъ стоитъ на скалахъ, годится для картины, но самъ не хорошъ.—Теперь мы въ 5-ти часахъ ходьбы отъ Дрездена; идемъ не къ нему, а на востокъ.

Бѣнигсварта (Ракецы). Вечеръ.

Сегодня мы сдѣлали препорядочный переходъ: никакъ не менѣе $4\frac{1}{2}$ миль, т. е. около 35 верстъ. До Ваза, родины Смоляра, остается два часа пути.—Сербы не только не бѣдны, но даже, кажется, богаче Чеховъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы проходили, все говорятъ и по Нѣмецки. Это двуязычье не можетъ не вредить чистотѣ Сербскаго языка, и Сербы точно довольно часто употребляютъ Нѣмецкія слова, впрочемъ въ проповѣдяхъ отъ пасторовъ желаютъ слышать чистый языкъ.—Мѣста прекрасныя: горы въ виду, лѣсу много, воды много, деревеньки въ зелени. Только уже осень, осень. Туманъ не поднимался цѣлый день; а теперь льетъ проливной дождь. Хорошо, что намъ остается небольшой переходъ до отдыха. Впрочемъ большой грязи тутъ быть не можетъ: почва усѣяна камнями.

Пруссія. Вазъ. 4-е Окт.

Вчера пока встали да осмотрѣлись, умылись да одѣлись, напились кофе, да выкурили по сигарѣ, ударило 9. Подъ туманомъ пошли мы въ Вазу или Лозъ, родинѣ Смоляра, перешли изъ Саксоніи въ Пруссію и черезъ $1\frac{3}{4}$ часа были тамъ. Изъ за густыхъ, высокихъ липъ и тополей выглядываетъ башня церкви. Рядомъ съ нею стоитъ домикъ, называемый школою, то-же заросшій деревьями; къ этому домику подошли мы. Изъ домика услышали наши голоса и вышли встрѣчать жданныхъ гостей: вышелъ лысенкій старичокъ въ тулупѣ и колпачкѣ—отецъ Смоляра—шульдереръ и ктиторъ цузаменъ; вышла веселенькая полустарушка въ крестьянскомъ платьѣ—мать Смоляра; вышли двѣ дѣвочки босикомъ—сестры. «Витай, сынку! витай брачику! Витайте, кнѣже!» говорили они и по Сербскому обычаю жали намъ руки, и повели въ домикъ. Въ этомъ домикѣ на право большая комната—школа, на лѣво комнатка со страпильною печкой, лавками, тремя простыми стульями, чѣмъ-то въ родѣ софы и цимбалами, а по стѣнамъ полки и гвозди для посуды, за нею другая крошечная комнатка съ постелями. Въ сѣняхъ разныя закоулки и кажется еще комнатка. На чердакѣ еще комнатка довольно длинная и очень, очень узкая. Эта послѣдняя была приготовлена для насъ. Хозяйка не знала, какъ насъ

угостить, подчивала и водкой, и пивомъ, и хлѣбомъ съ масломъ, и разными разностями. Послѣ обѣда пошли мы на верхъ, а въ школу подѣ нами собрались мальчики и дѣвочки, и запѣли, зажуужали. Потомъ кофе; въ 7 часовъ ужинъ, въ 8-мъ пришелъ буръ съ буровкой (селянинъ съ селянкой) изъ родныхъ, потомъ пасторъ Зейлеръ ¹⁾, знаменитый въ Сербской литературѣ сочинитель Горно-Лужицкой грамматики, — и пили шоколадъ. Говорили по Сербски; разговаривали весело, по просту, очень хорошо. Огарокъ горѣлъ на столѣ, а на печномъ уголкѣ горѣли лучины. Въ 10½ подали другъ другу руки и, сказавши другъ другу «добру ноц! спиче дере!» (хорошо, пріятно), растались. Теперь 8. Намъ принесли кофе. Будемъ пить, потомъ заниматься, а потомъ и въ церковь.

5-е Окт.

Церковь была полна. На нижнихъ лавкахъ сидѣли женщины; а на хорахъ, которыми въ три яруса окружена церковь, мужчины. Мужчины не имѣютъ почти ничего національнаго въ своемъ костюмѣ: длинные сюртуки, жилеты, шляпы, все дѣлается ихъ похожими на нашихъ мѣщанъ. Замужнія женщины почти всѣ имѣли на головѣ большую, широкую бѣлую «плахту», зазолотую подѣ горломъ и прикрывающую всю талью, а дѣвушки—что-то въ родѣ очипка съ лентами; жарующія, т. е. въ траурѣ, который продолжается тутъ 53 недѣли, были въ черныхъ юбкахъ и тоже плахтѣ но, такой длинной, что юбка видна снизу только на четверть. Зейлеръ говорилъ прекрасную проповѣдь.—Обѣдали у Зейлера. Между его домомъ и церковью кладбище. Потомъ глядѣли на обрядъ погребенія и крещенія. Вечеромъ опять были у Зейлера и просидѣли до 11 часовъ. Пили чай, а Зейлеръ съ двумя Смолярами пѣли Сербскія пѣсни. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ удивительное сходство съ Русскими. Напр.:

1. Онъ далъ ей перстень зо - ло - той, И ру - ку бѣ - лу - ю по - жалъ,

И въ ясны о-чи цѣ-ло-валъ.

¹⁾ Андр. Зейлеръ (1804—1872)—одинъ изъ наиболѣ выдающихся дѣятелей Сербско-Лужицкаго возрожденія. Онъ извѣстенъ, какъ собиратель народныхъ пѣсней и пословицъ; какъ поэтъ—онъ занималъ выдающееся мѣсто въ литературѣ Сербско-Лужицкой; многія изъ его пѣсней получили большую популярность и стали народными.

2. «Прости и не забудь меня!»
Такъ молвилъ онъ,—и на коня...
«Черезъ три года жди меня!»
3. Прошли три года, и домой
Всѣ Сербы молодцы идутъ,
И пѣни весело поютъ.
4. И вышла Гальжа ихъ встрѣчать.
«Гдѣ жъ милый мой?»—Гдѣ, милый твой—
Въ землѣ остался онъ чужой.
5. Тамъ, Гальжа, весело ему:
Нашелъ другую Гальжу онъ
А Гальжѣ нашей шлетъ поклонъ...
6. Въ могилѣ Гальжа; розы кустъ
На той могилѣ тамъ цвѣтѣтъ
И соловей въ тѣни поѣтъ.

Опять Саксонія. Будишинъ. 6-е Окт.

Вчера въ Ракецахъ была ярмарка, и мы цѣлою группою отправились туда, кто для чего, а я что-бы видѣть сельскую ярмарку. Описывать ее долго, опишу когда-нибудь на словахъ. Оттуда мнѣ нужно было идти въ Будишинъ на аукціонъ Сербскихъ книгъ,—и я пошелъ, а что-бы и самую дорогу сдѣлать для себя занимательною, я пошелъ окольнымъ путемъ, мимо двухъ городищъ. Смоляръ подробно описалъ мнѣ, какъ я долженъ идти, а остальное не трудно было и самому сдѣлать съ помощію привѣтствія «Пом'ай Бо!» и вопроса «дже пучъ до» той или другой деревни «дже?» (идеть). Вышедши изъ Ракець въ 4, я могъ бы вчера же придти въ Будишинъ, но запоздалъ на городищахъ, и ночевалъ на постояломъ дворѣ въ 1½ часахъ отъ Будишина.—Сегодня и завтра пробуду тутъ, а потомъ опять въ Вазъ иною дорогою, что-бы посѣтить еще нѣсколько городищъ. Опять прощусь съ Саксоніей; ворочусь въ нее, но уже съ тѣмъ, что-бы проститься навсегда.

Будишинъ. 7-е Окт.

Дѣла мои тутъ окончены. Книги на аукціонѣ куплены, и дешево. Библія Горно-Лукицкая также. Завтра рано выхожу изъ Будишина вмѣстѣ съ Домашкомъ, гимназистомъ и Секретаремъ здѣшняго Серб. общества. Прощай, Саксонія!—Впрочемъ это письмо отправится къ Вамъ изъ Саксоніи. Вы будете ждать его долженько. Не сердитесь на меня: мнѣ хочется въ немъ помѣстить

всѣ мои приключенія въ Лузаціи. «Странствуетъ мой Измайлуща!»—говорите Вы.—Да, странствую, Маменька. Забылъ сегодня отдать сапоги починить, да вотъ теперь, когда уже всѣ сапожники спать, и буду самъ чинить. Написалъ бы и болѣе; да сапоги ждутъ.

Опять Пруссія. Вазъ. 8 Окт.

Вотъ сегодняшнее странствіе такъ было подлинно странствіе по Лужицамъ: съ боковъ вѣтеръ, сверху дождь, подъ ногами болото.—и мы же еще съ Домашкомъ выбираемъ путь поближе отъ городища къ городищу, не по дорожкамъ, а какъ случится: поле такъ поле, дугъ такъ и дугъ. Я не промокъ, а продрогъ порядочно.—Теперь, отогрѣвшись ромомъ и чаемъ, пишу лежа: нѣжусь. Кажется и прошлый годъ я мокъ въ это время, по дорогѣ къ Москвѣ, и отогрѣвался у добраго почтеннаго Кучина ¹⁾.—

11-е Окт.

Эрнестъ ²⁾ еще спать; а я уже давно всталъ. Мы поздоровались съ хозяйкой, которая приходила затопить печку и принесла воду для умыванья; пожали другъ другу руки и съ дочучкой ся, принесшей мнѣ сапоги.—Добрые, прекрасные люди. Я у нихъ, какъ родной, и въ нѣсколько дней такъ привыкъ, такъ обжился, что жаль разставаться. А между тѣмъ сегодня въ дорогу—продолжать странствіе по Лужицамъ.—Вчера цѣлый день я записывалъ разныя разности объ обычаяхъ Сербовъ. Вечеромъ, уже послѣ ужина, когда мы съ Эрнестомъ и старикомъ тихо занимались на нашемъ чердакѣ, зовутъ насъ внизъ. Идемъ. Вхожу въ комнату,—и вижу: столъ накрытъ скатертью; на столѣ 2 свѣчки, ромъ, двѣ рюмочки, бѣлый хлѣбъ, а за столомъ прехорошенькая дѣвушка въ свадебномъ костюмѣ. Это была племянница хозяйки, одѣвавшаяся нарочно, чтобы показать мнѣ костюмъ. И мы съ нею повторили часть свадеб. обрядовъ: я игралъ ролю жениха, а она — дружки невѣстиной. Смѣху было довольно. Пришелъ Зейлеръ,—и мы просмѣялись до половины 12-го.—Тутъ, между прочимъ, я узналъ, что все селеніе полно говору обо мнѣ: «вишь ты! какой-то Русской пріѣхалъ къ намъ, да и хочеть не токмо что по Сербски говорить выучиться, а еще все до ниточки записать, какъ что у насъ ведется.»—Зейлеръ говоритъ, что года черезъ два изъ этого составитъ цѣлая сказка. До сихъ поръ Сербы слышали о Русскихъ и видали ихъ, какъ вой-

¹⁾ См. письмо IV.

²⁾ Смоляръ.

новъ; а и вообще въ землицѣ Сербской еще не было путешественника, для котораго-бы народъ и его быть что нибудь значилъ. Какъ-бы то ни было, я радуюсь, что запасъ мой разныхъ разностей о Сербѣхъ уже довольно великъ и можетъ еще болѣе увеличиться. — Послѣ обѣда въ путь. До вечера прощайте.

Злой Коморовъ (Зенфтербергъ). 13-е Окт.

Думалъ написать третьяго дня, вечеромъ,—не могъ, думалъ вчера,—то-же было нельзя. Теперь, сидя на окнѣ Золотого Орла въ Зломъ Коморовъ въ Долной Лузаци, перескажу Вамъ, какъ велось со мною все это время. Велось довольно чудно, какъ вы увидите.—

Третьяго дня послѣ обѣда вышли мы на странствіе. Старикъ Смоляръ провожалъ насъ до ближней деревни. Къ пяти часамъ мы пришли въ деревню Кочинъ. Тамъ праздновался кермушъ (праздникъ освященія церкви), и мы пришли сюда нарочно, чтобы видѣть, какъ празднуютъ Сербы. Смоляръ всюду между селанами имѣетъ знакомыхъ,—и мимоходомъ зазваны были мы отпить пива и закусить тыканцемъ (пирогомъ). Тутъ я долженъ былъ рисовать мѣломъ на столѣ карту Европы и Азіи, и рассказывать о Россіи. Русскихъ тутъ знаютъ, и даже слова «водка» и «капуста» очень извѣстны. Потомъ пошли мы въ корчму, тоже къ знакомымъ, и остались тутъ на ночь. Въ 6 часовъ собрались селяне и засѣли пить пиво и водку и играть въ карты, а немного позже въ большомъ чужанѣ собрались дѣвушки и молодцы, и принялись танцовать подъ пискъ кларнета и скрипъ гусли (трехъ струнной скрипки) танцовали и пѣли—большую частью сербскіе танцы и пѣсни. Насмотрѣвшись и послушавшись, я пошелъ спать. Намъ приготовлена была огромная постель—въ холодномъ чужанѣ, полномъ всякой всячины. Утромъ въ 11 часовъ, напившись кофею съ тыканцемъ, мы отправились далѣе — въ Куловъ (Витехенау), мѣстечко, гдѣ должна была быть ярмарка. И тутъ нашли мы знакомыхъ, сытно пообѣдали, побродили по ярмаркѣ, заходили въ корчму, гдѣ танцовали по Сербски, и потомъ отправились опять далѣе.

Злой Коморовъ отъ Кулова 5 часовъ ходьбы—и мы надѣялись придти сюда около половины 9-го вечеромъ. Судьба расположила иначе. Мнѣ захотѣлось ѣсть. На пути мы заходили въ корчму въ одной деревнѣ еще до захожденія солнца, но она была заперта. Пошли далѣе до Лутъ (Laute). Оттуда до З. Коморова 1½ часа ходьбы. Мы пришли туда въ началѣ 7-го. Ъдимъ хлѣбъ съ масломъ, запиваемъ пивомъ, болтаемъ съ хозяйкой, и уже располагаемся тутъ остаться ночевать; какъ вдругъ входитъ въ корчму какой-то краснолицый человѣкъ, садится за

одинъ столъ съ нами, пьеть водку и пиво и заговариваетъ съ нами, а узнавши, кто мы, начинаетъ насъ упрекать, зачѣмъ не пошли мы прямо къ нему. Это былъ пасторъ. За упреками послѣдовало приглашеніе: «кушать сегодня я вамъ не могу ничего дать, но отдѣльная комната съ чистыми постелями и завтра завтракъ къ вашимъ услугамъ». Онъ купилъ себѣ водки, и мы отирались. Въ теплой комнатѣ около камина усѣлись мы, и давай болтать. Жена его, жирная Саксонка, потчивала насъ персиками, наръзала со стѣны свѣжаго винограда, а ктиторъ взялъ гитару и заставилъ насъ всѣхъ подѣвывать. Время прошло очень весело до половины 11-го; а потомъ пасторъ повелъ насъ на верхъ, указалъ на постели и пожелалъ покойной ночи. Сегодня утромъ въ 7 часовъ мы уже пили кофе и ѣли гречки, а въ 9 пасторъ насъ велъ по дорогѣ въ Куловъ, и рассказывалъ какъ идти. Теперь уже 12-й. Будемъ обѣдать, и потомъ пойдемъ къ пастору Либушу, а потомъ далѣе. Мы пробираемся къ Болоту (Spreewald), центру Дольнихъ Сербовъ. Жаль, что ужъ позднее время года: и прохладно, и грязновато. Ну, да все хорошо.

Ветешовъ (Ветшау). 14 октября.

И опять вышло не такъ, какъ предполагали. — Въ Зломъ Коморовѣ предполагали остаться до 2-хъ послѣ обѣда, а между тѣмъ пробыли и вчера весь вечеръ, и сегодня все утро. Пасторъ Либушъ извѣстенъ сочиненіемъ о миѳологіи горныхъ народовъ, сочиненіемъ очень страннымъ, но тѣмъ не менѣе любопытнымъ. Разговорившись съ нимъ объ этомъ предметѣ, мы незамѣтно провели съ нимъ въ полу-спорѣ часа два; а потомъ онъ рѣшительно сказалъ намъ, что мы должны оставаться ночевать у него, что въ Приценѣ, куда мы хотѣли идти то-же къ пастору, мы не успѣемъ прийти, что по дорогѣ не только не найдемъ покойнаго ночлега, но еще и заблудиться можемъ. Убѣжденія были очень убѣдительны; а къ тому же онъ самъ добрый старичекъ, и у него же премиленькая родная дочь и премиленькая пріемуща: въ кругу добраго сѣмейства провести вечеръ гораздо лучше, нежели тащиться въ потемкахъ Богъ знаетъ куда. Остались—и не жалѣли. Альвина (дочь) очень мило цѣла намъ разныя пѣсенки, потчивала персиками и орѣхами; а вечеромъ пріѣхала не знаю откуда и пасторша, — и мы усѣлись вокругъ стола болтать, пить чай и закусывать. Я не зналъ, что и дѣлать съ доброю пасторшею: она чистила мнѣ орѣхи и яблоки, принудила пить 6 чашекъ чаю, кормила всѣмъ возможнымъ до того, что я уже по русски сталъ клясться «ей Богу не могу». На выраженія моей благодарности она отвѣчала, что я для нихъ рѣдкій, дорогой гость. Это же былъ и день рожденія Альвины. Сегодня утромъ пошло то-же:

и кофей, и завтракъ, и фрукты, все вмѣстѣ и безпрестанно до 11 часовъ. Едва въ 12 успѣли мы выбраться изъ Коморова.

Оттуда до Ветешова по прямой дорогѣ 4 мили; мы шли окольною дорогою черезъ Приценъ, и слѣд. прошли едвали не 35 верстѣ въ сполна. Переходъ этотъ былъ, впрочемъ, не очень приятенъ. Въ Приценѣ мы шли къ пастору Броннишу, и Смоляръ писалъ ему, что мы придемъ, еще недѣли за полторы. Пришли, встрѣчаемъ домоправительницу (онъ не женатъ), и узнаемъ, что его нѣтъ дома, что воротится вечеромъ, что письма не получалъ. Я оставилъ свою карточку, сказалъ ей, кто я; но она, бестія, не подумала, что мы голодны и устали, что въ Приценѣ уже не воротимся, — и очень хладнокровно позволила намъ идти изъ Прицена, куда намъ угодно. Мы прошли еще $\frac{1}{2}$ часа, и въ одной корчмѣ поѣли масла съ хлѣбомъ и залили рюмкой горькой водки: тутъ былъ и весь нашъ обѣдъ. Теперь 9-й часъ. Ноги устали; перо прегадкое; и небо въ облакахъ и не сулитъ намъ завтра хорошій день. По дорогѣ мы встрѣтили мало Сербскаго. Въ одной деревнѣ на нашъ вопросъ мужикъ отвѣчалъ, что старики еще говорятъ между собою по Сербски, а молодые люди все уже говорятъ только по Нѣмецки. Ниже, въ Болотѣ, Сербское еще не гаснетъ: туда идемъ завтра. Тамъ многіе говорятъ только по Сербски, не разумѣя ни слова по Нѣмецки — и купцы въ Ветешовѣ и въ другихъ городахъ должны умѣть по Сербски. — Что до страны, то она по пути нашему измѣнялась, подобно нарѣчю, мало по малу: въ Куловѣ видны горы, воды немного, лѣсу то-же; въ Коморовѣ горизонтъ уже очень малъ, даль равнины скрыта за лѣсами, и воды уже много; по дорогѣ сюда идешь большею частію лѣсомъ, и изъ-за лѣса видишь то болото, то прудъ, то озеро. Черезъ нѣсколько часовъ ходьбы вступимъ въ область стоячихъ водъ. — Различіе и въ платьѣ женскомъ: до Вутъ юбки длинныя, тальи короткія, шнуровокъ не знаютъ; за Вутами юбки все бороче и бороче, и тальи длиннѣе, и все въ шнуровкахъ.

Превозъ (Ферро). 15-е Окт.

День полный приключеній, чудный день. Въ Ветешовѣ мы узнали, что, желая пуститься въ Болото, мы должны сначала идти въ Люббенау. Такъ мы и сдѣлали. До Люббенау три часа, — и мы пришли туда въ $\frac{1}{2}$ двѣнадцатаго. Городокъ очень дурной, но странный по мѣстоположенію: со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ лугами, дорога къ нему вьется по этимъ лугамъ, между узкими канальцами, которыми они прорѣзаны. Въ «Венеціи», о которой точно напоминаетъ собою Люббенау, мы обѣдали панями, лодку до деревни Стропицы и запаслись и хлѣбомъ и горькой водкой на дорогу; а въ концѣ перваго мы уже сидѣли на нашемъ челнокѣ и медленно двигались вле-

редъ по каналу. Челнокъ сажени три длиною, аршина 2 шириною, плоскодонный, былъ уложенъ травой, и сидѣть, даже лежать было довольно покойно. Среди насъ стоялъ нашъ гондольеръ и весломъ пихалъ лодку впередъ. Болото или Спреевальдъ есть огромный лугъ, поросшій лѣсомъ ольховымъ и ясеневымъ; Спрее, протекая черезъ него, дѣлится на множество рукавовъ и образуетъ ими тысячи острововъ. Не только дороги тутъ нѣтъ, но и тропинки чрезвычайно рѣдки и большую часть идутъ отъ домика къ огороду, не далѣе. Все сообщеніе между хуторами и деревнями—по каналамъ на челнокахъ; сѣно, траву, дрова изъ лѣсу, хлѣбъ съ поля, купленное въ городѣ или гдѣ-нибудь на ярмаркѣ и товаръ на ярмарку, все везется на нихъ; одно сѣмейство къ другому въ гости ѣдетъ на челнокѣ. По одному изъ этихъ каналовъ мы поѣхали и изъ одного въ другой, поворачивая то вправо, то влѣво, ѣхали 4 часа до 1-го мостика, откуда тропинка могла насъ въ $\frac{1}{3}$ часа довести до Стропицъ. Тутъ мы встали, и продрогшіе, чтобъ отогрѣться, пошли пѣшкомъ. Чудной переѣздъ: каналъ узокъ, лугъ чуть не вровиѣ съ водою, ольхи и ясени, выходя старыми искривленными корнями изъ воды, обвитыя хмѣлемъ, высоко поднимаются надъ головою.

Въ Стропицѣ думали остаться ночевать, но не нашли пристанища: сегодня день рожденія короля, и всюду пьютъ пиво и играютъ въ карты. Пошли; добрый часъ шли до Вѣлой горы. Пришли туда, стемнѣло и обложилось облаками. Пошли далѣе до Превоза. Темно, а тутъ еще и песокъ подъ ногами, и дождь сверху. Пришли къ лѣсу: двѣ дороги, одна туда, другая туда. Воротились къ хатѣ егера (лѣсничаго), взяли женщину, чтобъ показала намъ дорогу, и пошли. Она довела до лѣсу, и воротилась. Темно хоть глаза выколи: вѣтеръ гудитъ, дождь льетъ, —идемъ, —и такъ прошло болѣе $\frac{1}{2}$ часа. Потомъ вышли въ поле и шли еще часъ. Наконецъ славу Богу: въ Превозѣ тоже пиво и карты, но есть постели, и мы могли кое что узнать объ обычаяхъ Дольнихъ Сербовъ.—Идемъ спать. Покойную ночь.—Всего этого довольно, чтобы назвать этотъ день днемъ приключеній.

17-е Окт. Хочебузъ (Котбусъ).

И вчерашній нашъ переходъ изъ Превоза сюда былъ по болоту и песку подъ дождемъ. Сначала мы отправились въ Борковъ, огромное промышленное селеніе въ Болотѣ, замѣчательное для насъ тѣмъ, что подлѣ него есть остатки Грода, гдѣ, какъ говоритъ преданіе, жилъ Вендскій король. Осмотрѣвши это городище, мы пообѣдали въ гостинницѣ, напился кофе у пастора Матинка, ревностнаго Сербъ, и пошли далѣе—уже на югъ. До Кочебуза шли мы болѣе 3 часовъ, не думая о дождѣ, который не только не переставалъ,

но часто лить ливня. Мы впрочемъ такъ привыкли къ дождю, что не переставали идти, и завертывали на городища, которые сохранились въ этихъ мѣстахъ. За то и пришли сюда мокрые, какъ варенныя утки. Смѣялись шли, смѣялись и пришли. А пришли, велѣли себѣ подать воды для чая, рому для пунша, водки для ногъ,—и черезъ часъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Тутъ оканчивается наше пѣшеходство по Лужицамъ. Довольно; страну знаемъ, съ народомъ тоже довольно познакомились. Сегодня осмотрю городъ, запасусь Дольно-Сербскими книгами и уже въ дилижансѣ отправлюсь въ Гойерверду (Воерепъ), гдѣ ждутъ меня мои вещи, и потомъ далѣе. Куда путь мой далѣе,—Вы угадаете, если слѣдите насъ по картѣ. Я скажу только, что мое путешествіе уже приближается къ концу; осень въ полномъ цвѣтѣ, и въ Прагѣ ждутъ меня.

Полдень.

Хочебузь довольно порядочный городокъ, живой, веселый, промышленный. Есть и старыя стѣны, и старыя ворота, и аллеи для гулянья вокругъ стѣнъ, и широкія улицы, и домики веселой наружности, а старыхъ домовъ очень мало. Жителей кажется 12,000. Спрее мутна и грязна и закрыта грязными фабриками.

Въ два часа ѣду. Письмо посылаю отсюда, а не изъ Саксоніи. На станціи во время ѣзды отдавать письмо будетъ невремя.

Прощайте, душенька Маменька. Недѣли черезъ три ждите слѣдующаго письма. Поклонъ всѣмъ забывшимъ Вашего

Измаилуху.

XXXIX.

№ 28.

Дрезденъ. 19-е Окт. 1840 г).

Угадали-ли Вы, милая Маменька, что здѣсь я начну мой № 28-й? Проѣхать мимо было-бы во всякомъ случаѣ непростительно: вѣрочаясь въ Прагу, я буду — можетъ быть навсегда, — прощаться съ сѣверо-западнымъ угломъ Славянской Европы, въ Саксонію уже не приѣду, Дрездена не увижу; какъ-же не захватить въ него?—И я приѣхалъ сюда и я останусь здѣсь по крайней мѣрѣ $\frac{1}{2}$ мѣсяца. Тутъ отдохну отъ моихъ странствій по Лузаци, поживу въ мірѣ художествъ; а мое Славянское дѣло будетъ идти своимъ чередомъ: время не будетъ потеряно.

¹⁾ Письмо сохранилось въ двухъ вариантахъ; печатаемъ по болѣе полному; другой помѣщенъ въ приложеніи.

Вчера, приѣхавши въ Дрезденъ въ 6 часовъ утра, и остановившись на время въ Hotel de Pologne, я таскался часовъ 5 по городу, посѣтилъ придворнаго капеллана Грабѣту, съ которымъ познакомился еще въ первый проѣздъ мой черезъ Дрезденъ, выслушалъ обѣдню въ католической церкви, а вечеромъ былъ въ театрѣ. — Прежде всего нѣсколько словъ о Дрезденѣ. На равнинѣ въ близи горъ и украшенной гористыми берегами Эльбы, на обоихъ берегахъ ея лежитъ онъ зеръ фрейндлихъ: на лѣвомъ берегу Старый городъ, на правомъ Новый, кругомъ нихъ предметія, расходящіяся по разнымъ направленіямъ все далѣе и далѣе. Красивыя, впрочемъ черныя зданія перемѣшаны съ домами чисто Нѣмецкими, небольшія, но довольно широкія и полныя жизни улицы съ переулками, грязными и глухими. Площадей много, но всѣ, кромѣ Старого рынка или малы, или неправильны: за то ихъ такъ много, что заблудиться невозможно. Садовъ и алей еще болѣе, болѣе нежели въ предметіяхъ Вѣны, — и это составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній Дрездена. Лучшимъ украшеніемъ Дрездена разумѣется остается Эльба съ ея превосходнымъ мостомъ (длиною до 600 шаговъ), съ ея живописными берегами. Словомъ: будь Дрезденъ чище, бѣлѣе и опрятнѣе, его можно бы назвать милымъ городомъ. О жителяхъ не знаю что сказать. Вчера было Воскресенье, и я видѣлъ Дрезденцевъ въ ихъ лучшихъ одеждахъ, видѣлъ разнообразіе вкусовъ и еще болѣе безвкусія: о изяществѣ простоты тутъ кажется вовсе не имѣютъ понятія. Вчера-же, искавши себѣ квартиры, я заходилъ въ очень многіе дома, и не могъ не замѣтить, что входы въ дома, лестницы, сѣни, корридоры ужасно, жалостно нечисты. Развѣ въ одинъ изъ 20 домовъ не отвратительно войти, а въ иномъ встрѣчаешь такую вонь, что поскорѣе направо кругомъ да подалѣе. Ужъ разумѣется причиною нечистоты не что другое какъ то-же безвкусіе жителей. Безвкусіе — виѣшность безхарактерности — неотъемлемое качество Дрезденцевъ. — Католическая церковь, лучшая въ Саксоніи, въ самомъ дѣлѣ хороша. По воскресеньямъ въ 11 часовъ бываетъ тутъ торжественная обѣдня въ присутствіи короля и королевской фамиліи и съ превосходной музыкой: побывать въ это время въ церкви точно стоитъ: пѣвчіе разумѣется не чета нашимъ, но музыканты — мастера, а органъ, послѣднее твореніе Зильбермана, удивителенъ. — Театръ новый отстраивается и будетъ великъ и хорошъ; старый же покажетъ отмѣнно тѣсенъ и грязенъ. Взявши мѣсто въ Cerele (что у насъ называется — въ кресла), я вошелъ: смотрю на указанную мнѣ скамью, — вся полна; пробираюсь, продираюсь, ищу, нахожу свой № между двумя дамами, говорю имъ — не отвѣчаютъ; что дѣлать! вспомнилъ, что я между Нѣмцами, сказала: «um Entschuldigung», и сѣлъ на моихъ сосѣдкахъ какъ въ кресло. Вы хотите, милая Маменька, и называете меня невѣжею; иначе нельзя: не сдѣлай я этого, я не получилъ бы

своего мѣста. Притомъ-же что страна то обычаи: многое что въ Россіи показалось бы страшнымъ невѣжествомъ, тутъ не возбуждаетъ и мысли о невѣжествѣ. Еще не поднялся и занавѣсъ, а я уже былъ съ моими соесѣдками пріятелемъ... Я успѣлъ въ это время осмотрѣть публику: нарядовъ много на такъ называемыхъ дамахъ, но безвкусіе, рожи, а общество кавалеровъ не годилось бы и для Харьковского театра. Наконецъ занавѣсъ поднялся... раздалась скрипка Липинскаго, потомъ вышла Шрёдеръ-Девріанъ... было уже не до публички. Давали Монтекки и Канулетти, и Шрёдеръ играла роль Ромео. Ея альтъ не такъ чистъ и полонъ, какъ у забывенной Брамбиллы, но изящество управленія голосомъ, удивительное *sotto-voce*, одушевленіе и притомъ драматизмъ игры, вѣрность тѣлодвиженій, тѣмъ болѣе поразительная, что въ роли мужчины не видишь женщины, восхитятъ хоть кого. Особенно превосходны сцена погребенія и весь конецъ: слышишь Липинскаго, видишь Шрёдеръ, вспоминаешь Шекспира — наслаждаешься. Жаль что Кортенъ въ роли Джульетты была слаба, если не отъ недостатка дарованія, то отъ трусости (это была ея дебютъ на Дрезденской сценѣ).—День окончился для меня совершенно неожиданно: выходя изъ театра, слышу русскіе голоса, оборачиваюсь — Калиновскій ¹⁾, Берлинскій знакомецъ передо мною. «Давно вы здѣсь?»—Сегодня пріѣхалъ; таскался по Лузаціи. А вы?—«Недѣлю живу; былъ въ Саксонской Швейцаріи, и черезъ 2 недѣли ворукаюсь въ Берлинъ» ²⁾.—Пошли бо мнѣ, потомъ къ нему,—и проболтали до одиннадцати.

20-е Окт.

Только что воротился изъ театра. Былъ въ немъ третьяго дня, былъ и вчера, былъ и сегодня. Вчера давали «Коварство и любовь», и дали превосходно: Девріанъ игралъ Карла, Аниюцъ—Луизу, Бауеръ—Мильфордъ,—и можно бы исчислить всѣхъ. Особенно удивительна была Бауеръ; кажется самъ Шиллеръ не могъ бы придумать лучшаго исполненія для характера леди. А Аниюцъ... глядя на нея, я вовсе забылъ, что она Аниюцъ... видѣлъ въ ней... угадаете-ли кого?—М. Ганну ³⁾; и фizioномія, и ростъ, и походка, ну все, все какъ у Фанни, даже голосъ. Сегодня опять опера, но уже не на Итальянскомъ языкѣ, а на Нѣмецкомъ: Пуритане. Маркесъ играла Эльвиру, а ея милого—Тихачекъ. Опять чудесно, особенно музыка.—Утромъ и вчера и сегодня ходилъ въ картинную галерею. Что за галерея! Слишкомъ 2000 кар-

¹⁾ О немъ см. въ письмѣ XIV.

²⁾ Во втор. вариантѣ: въ Лейпцигъ.

³⁾ Ф. С. Питра.

тинь, и какія есть!—Прежде всего о препрославленной Рафаелевой Мадоннѣ. Рафаеля такъ хвалятъ и Рафаель такъ мало удовлетворялъ моему ожиданію, что я прежде всего пошелъ отыскивать эту Мадонну, что-бы или увѣриться, что для живописи должна еще наступить эпоха, или пасть передъ доселѣ непонятнымъ мною гениемъ Рафаели. Отыскать было не трудно: около нея всегда много зрителей... Держа на правой рукѣ Спасителя, Она паритъ на облакахъ; св. Варвара на лѣво у ногъ ея опустила глаза въ землю, папа Сикстъ на право молится — оба тонутъ въ облакахъ; въ самомъ низу, облокотившись на доску, два ангельчика смотреть на публику; все освѣщено свѣтомъ, исходящимъ отъ Дѣвы и Спасителя; въ небѣ, вверху, какъ сквозь туманъ видны тысячи ангельскихъ головокъ. Я сѣлъ, и съ полчаса смотрѣлъ, не сводя глазъ. Божія Матерь не красавица, но очень мила, и фizioномія не выражаетъ ничего кромѣ невинности, ликъ Спасителя напротивъ поразительно одушевленъ, а св. Варвара красавица полная жизни. Если для Богоматери довольно одной чистой невинности, то Рафаель достигъ своей цѣли: лучше выразить и отгнать невинность не возможно. Чѣмъ болѣе глядишь, тѣмъ болѣе понимаешь святость невинности, тѣмъ болѣе проникаешься чувствомъ, что никакая красота не можетъ быть сравнена съ невинностію... Но... и тутъ я вѣрно показался бы смѣшнымъ для многихъ живописцевъ. Между картинами Венеціанской школы я замѣтилъ одну—Петра Ротари—Ночь бѣгства св. сѣмейства: Б. Матерь держитъ на лѣвой рукѣ Спасителя, а правую приподняла немного, и мыслию несясь къ Богу, ему поручаетъ судьбу свою и Младенца. Сзади смотреть Юсифъ на Младенца; въ одномъ углу оселъ пьетъ воду, въ другомъ какія-то двѣ женщины, на верху ангелы въ разныхъ положеніяхъ. Ночь; все освѣщено свѣтомъ, исходящимъ отъ Младенца. Объ обстановкѣ ни слова; но сколько величія въ выраженіи лика Б. Матери: таже невинность, и тутъ-же святое чувство преданности Богу и надежды на Его помощь. Б. Матерь Ротари мнѣ нравится болѣе нежели Рафаелева, болѣе меня одушевляетъ. Всѣ другія Мадонны мнѣ не нравятся, ни даже Мадонна моего стараго пріятеля Франчески Франчині ¹⁾.—О другихъ картинахъ послѣ. Теперь спать: бьетъ 11.

¹⁾ Франческо Франчиня—герой одного изъ юношескихъ произведеній Н. И. Срезневскаго «Rapsodia Sonatina» (Московский наблюдатель, 1837, XI, 21—75).

XL.

№ 28.

Дрезденъ. 1840. Окт. 28 ¹⁾

И такъ я въ Дрезденѣ, — и Вы, милая Маменька, конечно, угадали, что я сюда направляю свой путь. Быть такъ близко отъ Дрездена и не вернуться въ него — это было бы по крайней мѣрѣ странно. Я же тутъ не только отдыхаю отъ Лужицкихъ приключеній и работъ, но и занимаюсь — занимаюсь, сколько позволяетъ время! Не подумайте, что я завелъ тутъ какія нибудь знакомства, отнимающія время: кромѣ дѣловыхъ никакихъ нѣтъ, да и нѣтъ къ чему; но картинная галлерей, но разные музеи и кабинеты... они отворены, а я хоть и плохой, но все же любитель художествъ. И день за днемъ проходить такъ, что и не видишь.

Впрочемъ прежде всего о моемъ жителствѣ. Зная, что въ отели нельзя издерживать въ день менѣе 2-хъ талеровъ, я остался въ Hôtel de Pologne только два дни: Въ Wilsdruffer Gasse, въ № 28, первый этажъ нанимаетъ вдова Мильднеръ, и, сама занимая крошечную горенку, другія отдаетъ въ помѣщичный наемъ пріѣзжимъ: у вдовы Мильднеръ живу и я. И я! Нѣтъ, живу я да еще одна молоденькая Польская графиня съ теткой да и только. Мои сесѣдки занимаютъ одну большую комнату и шляфъ-кабинетъ, я тоже шляфъ кабинетъ и комнату не такъ большую. Наши комнаты сходятся дверями, ничѣмъ незаставленными, и, что нельзя не замѣтить, мы, сосѣди, довольны другъ другомъ какъ нельзя болѣе: отъ меня не слышно ни одного слова, потому что я самъ съ собою не говорю; отъ сосѣдокъ же слышу только шопотъ. Молоденькая графиня отправляется каждый день куда-то учиться (ей только 14 лѣтъ), а г-жа тетушка пресмирная женщина. Только вечеромъ, въ 10-мъ часу, слышу я довольно внятно «Отче нашъ» и еще нѣкоторыя молитвы и потомъ все смолкаетъ. Мнѣ даже досадно, что не могу слышать болѣе. Я уже говорилъ объ этомъ моей хозяйкѣ. Хозяйка же передала мнѣ слова г-жи тетушки такъ: «Онъ долженъ быть прекрасный человѣкъ: съ вами говорить такъ вѣжливо и тихо, и все дѣлаетъ такъ тихо. Онъ долженъ быть литераторъ: я только и слышу отъ него, что или скрипъ пера или шелестъ листковъ». Можете представить какъ у насъ тихо, когда и перо мое не плохой ораторъ. Въ прошлое воскресенье послѣ обѣда лежалъ

¹⁾ Этого письма два варианта. Одинъ болѣе полный и болѣе отдѣланный печатается здѣсь; другой помѣщенъ въ приложеніи. Письмо это сходное и №-мъ, и отчасти содержаніемъ съ предыдущимъ, какъ отличающееся отъ него въ общемъ, печатается нами въ текстѣ. Весьма вѣроятно, что оба письма были посланы по назначенію.

я на софѣ и вздремнулъ; дремалъ, дремалъ,—и вотъ слышу—молоденькая графиня начинаетъ напѣвать какую-то пѣсенку громче и громче. Дремлю и слушаю. Это продолжалось бы вѣроятно долго, если бы моему носу не вздумалось подать голосъ одобренія. Я чхнулъ... пѣсня прервалась, — и вмѣсто пѣсни я услышалъ только шопотъ «видишь, я тебѣ говорила, что онъ дома». У графини есть дѣвушка служанка, Полька; но и это не разрушаетъ покоя: я только раза два говорилъ съ нею по Чешски, и то въ потьмахъ, а потому и не знаю даже ея фізіогноміи. Хозяйка моя — старушка и предобрая, преуслужливая: она очень рада, что я вступаю съ нею въ разговоръ и сажаю на софу, и за это величаетъ меня всегда «милостивымъ господиномъ». Этого мало: она убрала и постель мою тюфікомъ и одѣяломъ—по Русски, и подлѣ постели разложила коверъ. Съ ея служанкой Каролиной, завѣдывающею чистотою и теплотою моей комнаты, сапогами, платьемъ, кофе и пр., мы также въ миру.—За комнату плачу 1½ талера въ недѣлю.

День мой проходитъ такъ: въ 7-мъ часу встаю и пью кофе, и до 10-го занимаюсь. Потомъ вонъ изъ дому—въ галлерей, библіотеку и т. п., и обѣдать. Въ 2 домой и занимаюсь. Въ 6 — въ театръ — почти каждый день. Въ 9 домой, пью чай и занимаюсь до 11. Исключенія рѣдки. Придворный капелланъ Грабѣта—Чехъ, и библіотекаръ Публичной библіотеки Клемъ ¹⁾—единственные знакомые, меня посѣщающіе. Къ Тикю ²⁾ собираюсь идти, но до сихъ поръ не собрался. У Лининскаго тоже еще не былъ. Съ нѣсколькими Русскими говорилъ въ театрѣ да и только. Былъ правда тутъ и Калиновскій изъ Берлина, но уже уѣхалъ.

Что же сказать Вамъ о Дрезденѣ. Онъ не больше Харькова, и Эльбою раздѣленъ на двѣ части: на лѣвомъ берегу Altstadt, на правомъ Neustadt—Neustadt чище, правильнѣе улицами, новѣе домами, но смиренъ какъ наша Залопань ³⁾; Altstadt шуменъ, какъ ярмарка. Отъ Эльбскаго моста идешь прямо къ Georgenthor, видишь на право католическую церковь и за нею театръ, на лѣво, изъ-за строеній Frauenkirche, прямо передъ собою старый шлоссъ, и черезъ Georgenthor входишь въ Schlossgasse, и въ три минуты доходишь по ней до прекрасной площади Altmarkt, заворачиваешь на право, и по Wilsdruffergasse доходишь въ 2 минуты до почты; оттуда на право до Цвингера не далѣе какъ до церкви Димитрія ³⁾ и оттуда до театра, какъ отъ церкви до острога; оттуда, мимо Католической церкви, Georgenthor и моста 200 шаговъ до Брюлевой террасы; оттуда до Neumarkt, гдѣ и картинная галлерей

¹⁾ Friedrich Gustav Klemm (1802—1867)—извѣстный историкъ и археологъ.

²⁾ Christian Fridrich Tieck (1776—1851)—скульпторъ.

³⁾ Въ Харьковѣ.

не далѣ какъ до церкви Рождества ¹⁾, оттуда шаговъ 300 — 400 до Altmarkt: это центръ города и шума и дѣятельности. Въ Neustadt'ѣ отъ моста до Японскаго дворца, гдѣ и библіотека, не далѣ какъ отъ Лопанскаго моста до Коллегиума. Въ Neustadt'ѣ Hauptstrasse и Königsstrasse (улицы) широки и украшены деревьями; въ Altstadt'ѣ кругомъ главной части города идутъ аллеи. Лучшее украшеніе Дрездена — Эльба; не Нева, но всетаки роскошная рѣка. Мостъ черезъ нея 600 шаговъ длиною, прекрасный. Виды съ моста на Дрезденъ и окрестности очень милы. И самъ Дрезденъ былъ бы очень милымъ городомъ, если бы не этотъ мерзкій сброй цвѣтъ всего—отъ мостовой до постарѣлыхъ черепичныхъ крышъ. Магазины на Schlossgasse и Wilsdruffergasse богаты и красивы: такъ бы вотъ и купилъ то и другое. Толкотня на этихъ улицахъ, какъ и на мосту, непрерывная—до 10 часовъ. Въ 10 все ложатся спать. Разговоръ Англійскій, Французскій, Польскій слышишь почти такъ-же часто, какъ и Нѣмецкій; Русскій разговоръ также не рѣдкость. Пріѣзжіе каждый день сотнями. Вообще Дрезденъ кажется мнѣ городомъ на водахъ: коренные жители—слуги пріѣзжихъ. Столичнаго—ничего невидно. Я впрочемъ не понимаю, что привлекаетъ сюда пріѣзжихъ и особенно на зиму: я бы не промѣнялъ Вѣну на Дрезденъ.

Пора бриться, и въ библіотеку, а послѣ обѣда въ Porcelain-Sammlung: вчера вечеромъ былъ у меня Клемъ, и мы условились съ нимъ.

Вечеромъ.

Цѣлое послѣ обѣда не былъ дома, и только что воротился. Въ 2 часа пошелъ въ Porcelain-Sammlung, гдѣ меня дожидался Клемъ, и до четырехъ проходили съ нимъ по заламъ или лучше сказать погребамъ этого превосходнаго и оригинальнаго музея. Передъ глазами вашими цѣлая исторія глиняныхъ работъ, начиная отъ простаго горшка Индійскаго или Германо-Славянскаго до чудныхъ произведеній Мейсенской фабрики въ послѣднемъ вкусѣ. Вещи надобно считать не 1000-ми, а десятками тысячъ. Особенно богаты собранія Китайскихъ и Саксонскихъ фарфоровъ. И чего тутъ нѣтъ: о вазахъ и говорить нѣчего; самыя скульптурныя произведенія, истинно прекрасныя, безъ счёту. Не знаю, какъ попался сюда и Монгольскій храмъ со всею принадлежностями. Клемъ самъ приводилъ въ порядокъ это собраніе, и потому ничто занимательное не было нами упущено безъ вниманія. Потомъ мы пошли за городъ въ Присеницеую долину и, нашлавшіеся порядкомъ по этимъ прекраснымъ мѣстамъ,

¹⁾ Въ другомъ вариантѣ этого письма: «не далѣ какъ отъ Университета до церкви Рождества».

закусили въ Waldschlösschen, куда собираются Дрезденцы пить знаменитое пиво. Виды отсюда на Эльбу и Дрезденъ чудесны.

Завтра же начну другое письмо о Дрезденѣ, о галереѣ и пр., а теперь покойную ночь.

Кланяйтесь, милая Маменька, веѣмъ нашимъ знакомымъ. Цѣлую ручку Ваму.
Срез.

ХІІ.

№ 29.

Дрезденъ. Окт. послѣднее.

Баста! чего не довидѣлъ, не досмотрѣлъ, уже не довижу, не досмотрю. Баста! Веѣ собранія драгоцѣнностей заперты и отворятся только для того, кто захочетъ платить за каждый входъ по 2 талера. Теперь можно сказать: «прощай, Дрезденъ!»—Хоть нѣсколько словъ, но все же надобно Вамъ сказать, милая Маменька, о томъ что я видѣлъ и чего уже не увижу въ Дрезденѣ.

Начну съ картинной галлерей, этого солитера въ Дрезденскомъ фермуарѣ собраній рѣдкостей. Она помѣщается въ такъ называемомъ Stallgebäude, зданіи вовсе не красивомъ, на Neumarkt'ѣ, и занимаетъ весь бель-этажъ—14 залъ. Снизу до верху веѣ стѣны плотно увѣшаны картинами: ходи и любуйся, жаль только, что плохое освѣщеніе иногда не позволяетъ любоваться, тѣмъ картину такъ, что съ какой стороны ни подходи, не увидишь хорошо. Ну, какъ бы ни было, пойдемъ. Входя, я не забылъ, что тутъ же и знаменитая Рафаелева Madonna di san Sisto. Къ ней, къ ней! Къ сожалѣнію я не Франція, ни художникъ, ни ремесленникъ въ дѣлѣ живописи, и хоть нашелъ ее безъ труда, но за то и глядѣлъ на нее какъ-то хладнокровно¹⁾. Извольте видѣть: картина большая—9 футовъ вышины, 7 ширины, фигуры въ естеств. величинѣ. Св. Дѣва съ Младенцемъ на правой рукѣ поднимается вышепръ на свѣтломъ облакѣ; св. Варвара, на лѣво, ниже св. Дѣвы, глядитъ на двухъ ангельчиковъ, которые, опершись на что-то деревянное, разсматриваютъ—публику; на право Папа Сикетъ преклоняетъ колени передъ св. Дѣвой и грузнетъ въ облакѣ, на которомъ стоитъ; въ верхней части неба видно множество ангельскихъ головокъ; часть неба съ обѣихъ сторонъ закрыта занавѣсомъ. Лице св. Дѣвы—красота и невинность, тѣмъ болѣе поразительная, что ее не видишь ни на одномъ изъ другихъ лицъ: лице младенца выражаетъ какую то буйность, разумѣется, въ хорошемъ смыслѣ этого слова; св. Варбара немножко кокетка; Папа лице портретное; ангельчики—жирныя дѣти. Теперь спрашиваю васъ: понравилась ли бы вамъ такая Мадонна? И спрашиваю себя: ужели я не могу восхищаться

¹⁾ Ср. описаніе Сикетинской Мадонны въ письмѣ № 28.

только потому, что другіе восхищались, и что самъ я не могу написать ни такъ, ни въ тысячу разъ хуже? Я не говорю о такъ называемой правильности, о которой судить можетъ только тотъ, кто изучилъ анатомію и перспективу: но мысль... она всякому преступна. Мысли—я не вижу въ этой картинѣ. Папа молится, но св. Дѣва не обращаетъ на него никакого вниманія, а Младенецъ занятъ совершенно другимъ; ангельчики смотрятъ на публику, а св. Варвара на нихъ: что-же тутъ цѣлаго? Если бы я былъ Рафаелемъ и долженъ былъ писать картину въ такихъ предѣлахъ, я бы сдѣлалъ такъ: мѣсто ангельчиковъ поставилъ бы людей молящихся, лице Варвары выражало бы «молитесь», а ликъ св. Дѣвы долженъ былъ бы выражать не только невинность, но и упованіе на Бога и на того, кого матерію быть избрана Богомъ. Или, лучше сказать,—я бы вовсе не писалъ такой картины. Впрочемъ невинность св. Дѣвы—такая невинность, какая можетъ быть только у св. Дѣвы и какую написать могъ одинъ Рафаель. Еще два слова: мнѣ кажется или я гдѣ-то читалъ, что картина эта не до чиста отдѣлана, и думается, что, если-бы Рафаель совершенно докончилъ ее, то на лицѣ св. Дѣвы увидѣли бы не только невинность, но и вѣру. Невинность и вѣра—это все, что можетъ небесно утѣшать, возносить къ небу земное.—Въ той же комнатѣ есть три Мадонны Корреджіо и нѣсколько другихъ: глядя на нихъ понимаешь величіе Рафаеля, отворачиваешься отъ нихъ. Только въ св. ночи Корреджіо поражаетъ мысль: вся картина освѣщена свѣтомъ, исходящимъ отъ родившагося младенца, и одни пали передъ нимъ, другіе не могутъ сносить своими преступными глазами чистоты божественнаго свѣта. За то сама Богоматерь—обыкновенная женщина. Въ томъ же родѣ Ночлеги бѣгства Ротари, и молящійся ликъ св. Дѣвы прекрасенъ... «Гдѣ Сальваторъ Роза? Тутъ есть Сальваторъ Роза: гдѣ онъ?»—Пожимаютъ плечами, не знаютъ. Перебираю поочередно картины всѣхъ Неаполитанцевъ,—и нѣтъ Розы. Наконецъ выхожу въ предположеніи, что его картина по какому нибудь случаю снята. Глядь на двери—это что за маракса? Ни неба, ни земли; въ уголку прижались люди, да ихъ почти не видно: просто—сѣрозеленая маракса... №?—№ 357. Ищу въ книгѣ... Ва, да это Сальваторъ Роза, его ночная буря! Ну, прошу покорно, куда его запрятали! Впрочемъ самъ виноватъ: размѣръ картины слишкомъ малъ для предмета. Займи онъ этой картиной стѣну, а не 7 футовъ,—и его картина пугала бы не на шутку.—О другихъ картинахъ внутренней, т. е. Итальянской галлерей умолчу: иначе конца бы не нашелъ письму. Въѣзжая галлерей начинается Французской школой,—и по дѣломъ: этой Французской школъ лучшее мѣсто въ передней. Далѣе старые Нѣмцы: препочтенные люди съ своими Японскими фізіогноміями и безтѣнностію тѣни, безсвѣтностію свѣта. Далѣе—Саксонцы, далѣе ¹⁾ отъ нихъ. Далѣе—все еще Нѣмцы; однако тутъ есть Си-

¹⁾ Въ подл. дѣлѣ.

вилла и Весталка Анжелики Кауфманъ, и тутъ же Зейбольда Старики и старуха. Спросить бы этого старика и старуху: «когда они умрутъ?» Старе,— а такъ вотъ и живетъ, и старуха еще хотеть казаться молодою, а старикъ еще и смѣется. Въ слѣдующей залѣ Рембрандцы и другіе Нидерландцы. Войдешь въ залу, оглянешься,—и непременно замѣтишь Снейдерсову Дичь: дичь какъ мертвая, а тутъ еще и собака съ костью и со щенками, и огрызается на другую, и во весь ростъ кухарка съ мужемъ цѣлуются во весь ротъ¹⁾. И какъ кстати: подлѣ этой картины Рембрантово Жертвоприношеніе Моиса и жены. А тамъ—что тамъ за картиночка, или лучше что это за 2 пятнушка на черномъ полѣ? Подхожу, присматриваюсь,—на силу увидѣлъ: дѣвушка у бочки, а подлѣ нея съ лампою хлопчикъ, и толкуютъ. Это произведение милого Жерарда Dow. Люблю я эти темныя картины,—и ихъ есть въ галлерей нѣсколько: еще одна, того-же Дау—дѣвушка у окна, Шалькена бюстъ Венеры, разсматриваемый художникомъ, Рубенсова Старуха съ угольями, Эльетовъ Старики передъ угольями, Метцовы Мужъ съ женою, Дауова-же парочка Нѣмцевъ или Голландскихъ любовниковъ. Нельзя не любоваться. Впрочемъ что-бы не сбиться съ толку, ворочаюсь въ ту залу, гдѣ Дичь. Тамъ же большая картина Гонторста: зубной лѣкарь вырываетъ мужику зубъ, другіе смотрятъ; и смѣшно, и жалко. А вотъ Рембрантовъ орелъ схватилъ дитя и летить: ай, ай, ай—поневоля у...ся. Тутъ же многія вещи Теньера, худо освѣщенные. Въ слѣд. залѣ... ба! какой-то чудакъ съ обезьяною на плечѣ: Сальваторъ Роза «властною рукою». А вонъ и другой чудакъ, жена подъ рукою, вино на столѣ, и хотъ свѣтъ пропади: «рукою властною» Рембрантъ. Въ слѣд. залѣ между прочимъ Дауовъ писарь съ очками на носу чинить перо: не мѣшайте, осердится,—вѣдь онъ перо чинить; очинить и потомъ—будетъ писать. Въ слѣд. залѣ Нѣмцы смѣшаны съ Испанцами и Итальянцами. Нѣмецкаго особенно замѣчательнаго ничего нѣтъ; за то тутъ же 5 видовъ Венеціи Каналетто, и Сегалова женщина—земная красавица, и Цурбаранова Магдалина—нельзя сказать, что не Магдалина. Тутъ-же Мурилова Мадонна—хорошенькая, болѣзненная и прехитрая: чудное понятіе о Мадоннѣ. Но довольно. Хорошо все это разсматривать, хорошо описывать подробно; а такъ, въ письмѣ—скучно и для васъ, и для меня. Въ Дрезденской галлерей слишкомъ 2000 картинъ: есть что выбрать. Я ходилъ въ нее почти каждый день, и каждый день находилъ новое, незамѣченное—и въ томъ, чего не видѣлъ, и въ томъ, что видѣлъ. Счастливыцы Дрезденцы: они могутъ съ Мая до Ноября, съ 9 до 1 часу ходить. А мнѣ уже не видать какъ затылка своего!

Въ томъ же Stallgebäude въ низу... но нѣтъ. Право спать пора. Мои

¹⁾ Въ подл.: ростъ.

сѣдки покоятся, и все уже покоится. Сегодня празднуютъ Реформацію: я знаю это потому, что хозяйка принесла къ кофе Reformationsbrödehen.

Вашъ Срз.

XLII.

№ 30.

Дрезденъ. Ноября 1.

Продолжаю описаніе Дрезденскихъ заведеній.—Въ томъ же зданіи, гдѣ картинная галлерей, находится и Оружейная палата, со многими любопытными старыми вещами, и превосходная галлерей Менгсовыхъ отлитковъ (или какъ это называется?—Abgüsse) лучшихъ Итальянскихъ произведеній ваянія. Жаль (!), что ихъ черезъ чуръ много: глазу трудно уединиться, и онъ забываетъ цѣну того, на что смотритъ. Впрочемъ я и не охотникъ до ваянія.

Далѣе. Надъ Эльбою возвышается нѣчто въ родѣ бульвара и называется Брюлевскимъ садомъ; съ другой стороны этого возвышенія проходитъ улочка въ родѣ канала: Брюлевскій дворецъ перекинулся сводомъ черезъ эту улочку, и, одною стороною выходя къ саду, другою выходитъ, пересѣкая собою весь кварталъ, на другую улицу. Отличнаго въ зданіи впрочемъ ничего нѣтъ. Въ этомъ дворцѣ есть собраніе видовъ Саксоніи Каналетто и Тиле и 6 ковровъ съ картинами по Рафаелю. Кое-что видѣлъ, но не многое; потому что дворецъ поправляется. Ковры полиняли; а виды Каналетто прекрасны—особенно Дрезденскіе.

Во дворцѣ показывается только такъ назыв. Grüne Gewölbe. 8 небольшихъ залъ съ разными драгоцѣнностями: есть прекрасныя вещи изъ слоновой кости, янтара, много брилльянтовъ, много старинной утвари; поразительнаго ничего. За входъ платится отъ 6 особъ 2 талера. Объясненія ведущаго довольно глупы, а заглядывать въ описаніе некогда.

Цвингеръ, дворъ для нестроеннаго и немѣющаго строиться дворца, чудной архитектуры, но болѣе мелочной, нежели изящной, заключаетъ въ своихъ настѣнныхъ зданіяхъ натуральныя кабинеты, физикоматематическій, моделей, историческій музеумъ и кабинетъ гравюръ. Я былъ только въ двухъ послѣднихъ: въ первомъ много старыхъ вещей, на которыя я и обращалъ особенное вниманіе, а во второмъ надобно прожить мѣсяць, чтобъ узнать что-нибудь, а я пробылъ три часа.

Въ Японскомъ дворцѣ, довольно большомъ и порядочномъ по архитектурѣ, кромѣ библіотеки, занимающей 2 верхніе яруса, и гдѣ кромѣ 300,000 книгъ и 150,000 диссертаций, находится около 3000 рукописей и болѣе 20,000 ландкартъ, помѣщается еще Мюнцкабинетъ и Собраніе древностей, а въ подвалахъ (иначе нельзя назвать этихъ подземныхъ корридоровъ)—собраніе фарфоровъ.

Въ собраніи древностей много статуй, много урнъ, есть и муміи: разставлено прекрасно, но собраніе не богато. Собраніе фарфоровъ за то и разставлено хорошо и очень богато. Я уже не говорю о фарфорахъ Европейскихъ: въ этомъ собраніи можно слѣдить исторію этого искусства въ Европѣ; самое собраніе фарфоровъ Китайскихъ и Японскихъ удивительно огромно. Не знаю съ какой стати тутъ же помѣщена и Монгольская молеельня.

Во многія изъ сихъ собраній ходили мы съ Клеммомъ, бібліотекаремъ Публ. Библіотеки. Онъ занимается Германскими древностями, и, поспоривши сначала со мною о германизмѣ многихъ старыхъ вещей, захотѣлъ потомъ знать, что я считаю не Германскимъ. По этому случаю я осматривалъ и то, что не принадлежало къ нашему вопросу, обстоятельнѣе и подробнѣе. Клеммъ во многихъ кабинетахъ свой, и объяснял мнѣ самъ все, заслуживающее вниманіе.

Ну, о чемъ же теперь?—О театрѣ?—Очень хорошо. Вы уже знаете, гдѣ стоитъ онъ въ Дрезденѣ. Новый строится, и будетъ прекрасенъ, а старой плохъ, очень плохъ, и снаружи и внутри. За то оркестръ—чудо: всѣ до одного мастера, между которыми не стыдится сидѣть и Линиескій; исполненіе столь же одушевленное, сколько и отчетливое, и фиглярства нѣтъ. Между актерами есть также замѣчательные таланты, да и вообще вся труппа хороша, жаль, что иногда роли не по лицамъ. Девріану даютъ первое мѣсто. Глубины характера въ немъ нѣтъ; но въ драмахъ изъ обыкновенной жизни онъ очень хорошъ: естествененъ и умѣетъ заставить Нѣмца поплакать и посмѣяться. Паули—комикъ, жаль, что для ролей однихъ стариковъ. О другихъ мужчинахъ молчу. Изъ женщинъ — несравненная дѣвица Бауеръ: женщина молодая, статная, прекрасная собою—и все, только не любовница и не мать семейства; леди Мильфордъ (въ Коварствѣ и Любви) — ея настоящая роль. Не могу не вспомнить и о дѣвицѣ Аниюцъ, хоть она тутъ и гостя: во первыхъ она напомнила мнѣ — о д. Фанни, на которую изумительно похожа и лицомъ, и голосомъ; а во вторыхъ прекрасно играетъ. Въ роли дѣвушки простаго званія, дѣвушки въ добромъ сѣмествѣ, дѣвушки наивно-влюбленной—она сама природа,—и всякую ролю умѣетъ такъ отгнѣить, что всюду видишь ее какъ будто въ первый разъ. Она играла даже Фенеллу—и ту не испортила, хоть эта роль принадлежала бы не ей, а танцовщицѣ: она была воодушевлена и понимала музыку, которую должна была выражать жестами, прекрасно. Въ иныхъ мѣстахъ я не могъ безъ слезъ глядѣть на ея заплаканные глаза. Я видѣлъ ее и въ роли Луизы (Коварство и любовь): она и Бауеръ вмѣстѣ; глядя на нихъ, можно было назвать театръ изящнымъ искусствомъ. О дѣвицѣ Гельвичъ скажу только, что ея таія—лучшая въ Дрезденѣ.—Въ оперѣ отличаются Тихачекъ, г-жа Шредеръ-Девріанъ и д-ца Маркъ. Тихачекъ (Чехъ)—прекрасно поетъ (теноромъ), дурно жестикулируетъ. Шёр-

деръ—пьяница и развратница, погубившая свой превосходный контральтъ, но всетаки восхищаетъ и пріємъ и драматизмомъ игры: въ роли Ромео (Монтекки и Капулетти) она была превосходна. Маркъ — сопрано, не то что Фредолини, Унгаръ, Люцеръ; но очень мила, хоть и вовсе не мила собою. — Балетъ... что балетъ безъ Тальони!—

28 Ноября.

Уже-ли Измайлуша все въ Дрезденъ?—подумаешь Маменька. Нѣтъ: я уже въ Прагѣ три недѣли. Изъ Дрездена сдѣлалъ 2 поѣздки-походы: одну къ городищамъ на Черный Эльстеръ, другую въ Саксонскую Швейцарію. Въ послѣдней велъ дневникъ и пришлю мѣсто слѣдующаго письма. А теперь о Прагѣ. Я пріѣхалъ сюда съ бывшимъ воспитанникомъ Военной Академіи, офицеромъ Свѣты Милютинымъ ¹⁾, милымъ молодымъ человѣкомъ, и первыхъ два дни провелъ съ нимъ вмѣстѣ. Проводивши его въ Вѣну, перебрался на частную квартиру, и сталъ заниматься. Я засталъ въ Прагѣ товарища по занятіямъ, Прейса. День проходитъ такъ: до 1 часу дома; въ концѣ 1-го приходитъ Прейсъ, идемъ обѣдать, потомъ въ кофейню Мельцера читать газеты; въ ¹/₂ 3-го домой,—приходитъ Иорданъ—и занимаемся по Лужицки; вечеръ то дома, то гдѣ-нибудь. Этотъ мѣсяцъ я живу у одной штаб-лекарши. Дочка прекрасно играетъ на фортепьяно, и теперь учить тѣ самыя ноты, которыя когда-то вы играли: Тальберга № 5, да его же Русскія пѣсни. Можете представить, какъ это мнѣ пріятно; но вотъ бѣда: у васъ, подъ вашу игру я считалъ цифры—смертности и рождаемости ²⁾ теперь при нѣкоторыхъ пассажахъ тѣ-же цифры лѣзутъ въ голову и мѣшаютъ заниматься фразами.

Въ Прагѣ я не останусь уже долго—какойнибудь мѣсяцъ, не болѣе. Въ Вѣнѣ то-же не думаю остаться долго. Слѣшу на югъ. Въ Прагу уже не пишите, пишите въ Agram (in Ungarn; Agramer Comitatus in Croatia), Herrn Doctor Ljudewit Gaj, a was prošu peredat'. Какъ пойдутъ мои дѣла, буду писать. Деньги на полгода получилъ вчера; а то было приходилось хоть заниматься: оставалось не болѣе 150 рублей.

Ваши письма тоже получилъ. Буду мало по малу отвѣчать на нихъ—съ слѣдующаго письма. Теперь только, прося васъ передать мою искреннюю благодарность Марьи Ѳедоровнѣ ³⁾ и д. Фанни, скажу, что Альберту ⁴⁾ въ Россіи

¹⁾ Дм. Алексѣевичъ Милютинъ (?)—впослѣдствіи Военный Министръ, членъ Государственнаго Совѣта, авторъ сочиненія «Исторія войны Россіи съ Франціей... въ 1799 г.» (С.-Петербургъ 1852—1853).

²⁾ И. И. Срезневскій въ то время читалъ въ Харьковскомъ университетѣ статистику.

³⁾ М. Ѳ. Пятра.

⁴⁾ Альбертъ Самуиловичъ Пятра, впослѣдствіи профессоръ Харьковского университета.

несравненно лучше, нежели тутъ: тамъ онъ только будъ прилеженъ, а тутъ главное дѣло деньги. Что-же до процентовъ, то тутъ даютъ 6, 10 и даже болѣе; но подѣ залогъ съ процентами менѣе 6 законъ не велить, а безъ залога очень опасно. Какъ въ Сѣв. Германіи, не знаю.

Цѣлую ручку вашу. Поцѣлуйте за меня брата, если онъ уже у васъ.

Срз.

XLIII ¹⁾.

№ 30.

2 Ноября. Пирна.

Хочется немного прогуляться по Саксонской Швейцаріи,—и вотъ почему я здѣсь. Хотѣлъ было ѣхать до Шандау, и оттуда уже начать странствіе пѣшкомъ; но вчера забылъ записаться, а сегодня не засталъ уже мѣста. И такъ до Пирны. Это все равно, только планъ другой. Буду вести журналъ моего странствія,—въ письмѣ къ Вамъ; а когда, Богъ дастъ, ворочусь, перечтемъ его, и я доскажу, чего не запишу здѣсь.

Я пообедалъ, напьюсь кофе,—и въ путь. Проводникъ уже есть и кажется порядочный человѣкъ. Пирна—городъ съ 5000 жителей, мило расположенный на лѣв. берегу Эльбы. Пирна—имя Славянское, въ чемъ согласны сами Нѣмцы. Подлѣ самаго города къ востоку лежитъ Зонненштейнъ—замокъ на горѣ, болѣе красивый на картинкѣ, нежели въ природѣ. Теперь въ немъ домъ сумасшедшихъ, а прежде былъ онъ крѣпостью и темницей для государственныхъ преступниковъ. Въ 1705—7 содержался тутъ и несчастный Паткуль.

Bastey.

Переправившись на челнокѣ черезъ Эльбу, мы вошли въ деревню Пусту. Долина за деревней носить то-же названіе—жалкій остатокъ бывалой жизни Славянъ въ этихъ мѣстахъ. Ни деревня впрочемъ, ни долина вовсе не занимательны, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ ожидаешь многого. «Позвольте васъ спросить—сказалъ мнѣ проводникъ: хотите-ли вы сегодня поехать на Bastey, или далѣе?»—Да, да, на Bastey.—«Такъ не угодно ли вамъ ein Umweg machen, посѣтить Либеталь и нашъ Ломенъ?» А вы изъ Ломена? «Да, и мнѣ бы хотѣлось переодѣться въ дорожное наше, проводничье платье: мы уедемъ все сдѣлать, увидимъ и Liebethalerggrund, и Ломенскій замокъ, и Ottowaltesgrund съ его частями, и Bastey».—Очень хорошо. «Ну, такъ пойдемте на лѣво, мимо ступни великана». И мы поднялись на гору. Эта ступень великана—

¹⁾ Судя по предыдущему письму, это письмо не было послано Е. П. Срезневской, хотя и является важнымъ дополненіемъ путевого дневника; считаю не лишнимъ включить его въ печатающееся собраніе писемъ.

углубленіе въ камнѣ, напоминающее о ногѣ. «Была такая же и на той сторонѣ долины, но ломающіе камень и ее раздробили». Горюю пошли мы далѣе, и черезъ полчаса были у Liebethal, то есть: Либеталь лежитъ на правомъ берегу рѣчки Везеницъ (опять Славянское названіе), а мы были на лѣвомъ, и далѣе спустились къ Lochmühle. Я только что хотѣлъ сказать «да тутъ нѣтъ ничего особеннаго», какъ смотрю: скалы сперлись, рѣчка безъ береговъ гремитъ между ними. Нельзя-ли сверху взглянуть на эту дичь? «О да! Пойдемте къ мосту». Пошли,—и въ самомъ дѣлѣ было чѣмъ любоваться.—Отсюда Ломанъ въ $\frac{1}{4}$ часа. Предлинная деревня. Проводникъ мой пошелъ переодѣваться, а я на такъ называемый альтанъ, примкнутый къ старому замку, построенному на скалѣ, стѣною спустившемуся къ Везеницу. «А знаете, что тутъ было?» спросила меня старушка, отворившая мнѣ альтанъ. А что? «Да вонъ читайте надписи. Былъ у старова господина слуга, Hausknecht; вотъ и пришелъ онъ сюда, а рѣшетки-то въ то время не было. Сѣлъ да и сидитъ; а потомъ и уснулъ. А потомъ вздумалось ему, что онъ у себя, у своей постели; раздѣлся да хотѣлъ виднo спать лечь. Кровать-то его стояла вотъ-такъ, на право отъ скамейки. Онъ на право, перевалилъ ногу, другую, да и бухъ. Иисусъ, Марія! Вѣдь спасъ же его Богъ: упалъ въ Везеницъ, ногу расшибъ, а живъ остался». Проводникъ не замедлилъ явиться, переодѣтый, съ мѣднымъ Номъ на лѣвой рукѣ, съ кожаной котомкой черезъ плечо, гдѣ улеглись пара моихъ дорожныхъ вещицъ, и мы отправились къ Ottowaldegrund. Дорога до него не занимательна, но и не продолжительна—полчаса, что-ли. Мы спустились въ него по каменной лестницѣ въ 144 ступени,—и остались какъ въ пещерѣ: только клочокъ неба видѣнъ сверху, по бокамъ скалы, поросшія пихтами и соснами, покрытыя мохомъ, разуроченныя различными травами, вырывающимися изъ расщелинъ. Въ вѣтвяхъ мѣстахъ скалы противолежащія такъ близко сошлись, что дровосѣки перекладываютъ мостики черезъ нихъ, и по нимъ перевозятъ дрова. Очень хорошо, и особенно хорошо теперь, осенью, когда листья такъ разноцвѣтно-одноцвѣтны, такъ пестро буры, какъ разъ подъ цвѣтъ скалъ. Очень многія мѣста имѣютъ особенныя названія: есть тутъ «каменный домикъ», построенный природою изъ массивныхъ плитъ; есть тутъ «чертова кухня», пещерка съ трубою, идущею вверхъ сквозь скалы; есть тутъ «театръ»; есть «зонтикъ»; есть «зала». Дорожка идетъ у потока, то по сю, то по ту сторону его; виды на каждомъ шагѣ. Гигантскаго ничего нѣтъ; но мило. Изъ Оттовальдегрунда мы завернули въ Гёлегрундъ, стали подниматься мало по малу на гору, подвигались и черезъ четверть часа были на Bastey. Пошли къ рѣшеткѣ, къ тому мѣсту, откуда обыкновенно любуются видомъ; но уже ничего не видно: Эльба лентою вьется, горы сѣрѣютъ кругомъ, да и только. До завтра. Въ гостиницѣ мнѣ отвели комнатку, гдѣ я поужиналъ и пишу. Завтра рано встану и

осмотрю; а теперь, хоть и не болѣе какъ 9, да на постель: въ комнатѣ моей холодно, да и спать хочется. Проводникъ мой пошелъ между тѣмъ домой въ Ломенъ и обѣщалъ воротиться завтра къ 8-ми. Прощайте.

3-е Ноября. Bastey.

Хоть нѣсколько словъ, пока допью послѣднюю чашку кофе. Проводникъ пришелъ раньше обѣщаннаго, я одѣлся, — и мы пошли осматривать Bastey съ ея частями. Отъ гостиницы, построенной въ Швейцарскомъ вкусѣ и такъ, что

двумя нижними ярусами она совершенно при-
мкнула къ горѣ и только третьимъ поднялась
надъ нею, мы пошли на лѣво. Желѣзная
рѣшетка вѣется на два вершка отъ обрыва
скалы: опершись на нее, можно видѣть прямо
подъ собою Эльбу, и обрывъ главный имѣетъ
почти такую форму (см. рис.), и вышиною
чуть ли не 300 футовъ. Эльба какъ лента;
тропинки, тянущіяся по луговымъ берегамъ,
словно ниточки; а кругомъ горы, то покрытыя
лѣсомъ, то сѣро-голубыя поднимаются со всѣхъ

сторонъ, до половины довольно круто, а по-
томъ обрывами. Виды тянутся къ Богеміи и къ Дрездену. Превосходно; это не
описывать, а видѣть нужно. Потомъ разными изворотами по ступенькамъ, черезъ
мостики и т. п. спустились мы къ т. наз. Verbindungs-Brücke, мосту, прекрасно
сдѣланному вновь по остаткамъ стариннаго. Отсюда видъ еще красивѣе, потому
что видишь и Bastey, и глядишь на виды изъ за скалъ столбами поднимаю-
щихся надъ головою. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Можно часть описывать
и все не опишешь. Надобно видѣть. И я очень радъ, что вижу это осенью:
хвойная зелень зеленѣетъ, а всѣ другія деревья уже то желты, то красны.
то голы, дуга совершенно бархатно зелены, и туманъ легокъ какъ дыма,
какъ паутина. Ну, пойду далѣе.

Гонштейнъ.

Утренній нашъ переходъ конченъ. Онъ не представилъ ничего подобнаго
Bastey, впрочемъ многое было, чѣмъ любоваться. Горы чудныхъ формъ около
Bastey, Ziegenrücke, Наполеонова липа, груды скалъ, называемыя Гокштей-
номъ, долина, по которой протекаетъ Поленецъ, и самъ Гонштейнъ. Тутъ я
осматривалъ и старый замокъ, и съ башни любовался видомъ.

Шандау.

Изъ Шандау до Гонштеина почти также далеко, какъ Bastei, а между гѣмъ еще свѣтло. Бравской переходъ. Я посѣтилъ и два старыя городища: и тутъ есть они, и называются то Вендскими, то Шведскими. Далѣе Brandt, напомнившій мнѣ Бастей. Видъ даже лучше, огромнѣе, разнообразнѣе. Эльба какъ лента видна изъ за горъ, и кругомъ горы. Лѣтомъ тутъ можно пить прекрасный кофе; теперь все уже пусто. Спустившись въ долину, мы пошли ею по потоку къ Эльбѣ. Очаровательныя мѣста.—Кое-гдѣ встрѣчались домики. Архитектура ихъ совершенно такая, какъ въ Лужицахъ. Проводникъ мнѣ сказалъ, что это (во) всей Саксонской Швейцаріи. Въ Чехіи, я знаю, тоже такая. Вѣднѣй слѣдъ Славянства.

Подъ вечеръ ходилъ изъ Шандау на гору Острау (точно—Острую). Съ нея прекрасный видъ на Эльбу. Одно мѣсто на ней напоминаетъ о Вендскомъ королѣ: за нимъ гнались разбойники, а онъ бѣжалъ, хотѣлъ перескочить съ камня на камень, не смогъ перескочить, и упалъ—мертвый.

Но какое гадкое перо! Сколько ни чиню, нейдетъ. Просилъ, чтобъ принесли свѣжее, не несутъ. Придется не писать.—Сяду у окна и буду смотрѣть, какъ играютъ дѣти.

Въ Шандау, говорятъ, живетъ какой-то Русскій Генералъ—и уже нѣсколько лѣтъ.

Ноября 4-е.

Въ 6 часовъ пришелъ гаускнехтъ за сапогами и платьемъ, въ половинѣ 7-го мѣдхенъ принесла кофе, въ 7 я былъ одѣтъ, готовъ, расплатился (за комнату, вчерашній вечерній чай съ хлѣбомъ и масломъ и сегодняшній кофе—16 грош.),—и въ путь.—Тепло, но вѣтеръ; небо то ясно, то сѣро.—Путь нашъ лежалъ на востокъ по долинѣ, узкой, обставленной живописными громадами скалъ, вверхъ по теченію Кирнича. Скоро дошли мы до такъ назыв. Bad, дома съ минеральными купальнями и гостинницы вмѣстѣ. Здѣшняя минеральная вода извѣстна была еще въ прошломъ вѣкѣ; въ 1803 нашли новый источникъ, изслѣдовали, прославили—и теперь лѣтній путешественникъ можетъ въ Саксонской Швейцаріи не только любоваться природою, но и лѣчиться. Купальни чисты, хозяинъ услужливъ, есть и танцевальная зала, и бильярдъ.—За Bad'омъ долина суживается, горы становятся выше, красивѣе,—идешь, задирая голову, то направо, то налево. Сначала проходишь Ostrauhmühle; потомъ видишь на право красивый Kroatenstein; потомъ проходишь мимо Mitteldorfermühle, которая лѣтомъ должна красиво рисоваться изъ за яблонь и грушъ, ее окружающихъ; за нею встрѣчаешь слѣды рудокопнѣ, въ кото-

рыхъ до 30-лѣтней войны вырабатывали мѣдь; немного далѣе долина опять расширяется лугомъ, и потомъ между двухъ скалъ видишь дикую, черную, заросшую лѣсомъ Kroatensluchte (не только тутъ, но и въ другихъ мѣстахъ Саксонской Швейцаріи имя Кроатовъ попадаетъ, иногда вновь придѣланное, иногда и изстари извѣстное); далѣе идешь мимо обломковъ скалъ, черезъ которыя переливается водопадомъ Beuthenwasser, и селяне предлагаютъ спустить воду, чтобы показать водопадъ во всей красѣ; далѣе проходишь сквозь расщелину скалъ, ничтожную въ сравненіи съ Моравскими, но для Сакс. Швейцаріи все-таки годную, — и скоро доходишь до Heidemühle, уютно приклонившуюся подъ красивымъ обрывомъ скалы, наз. Heidemadstein; отъ Bad'a досюда часть пути, и можно идти по шоссе, узкомъ, но очень покойномъ. Далѣе проходишь мимо Лихтенгейнскаго водопада, годнаго для картинки, заворачиваешь направо, поднимаешься въ лѣсъ на гору, — и, когда уже не ждешь ничего кромѣ темнаго лѣса, вѣчно зеленыхъ, вѣчно красивыхъ нихтъ, внезапно раскрывается передъ глазами сквозная пещера, извѣстная подъ именемъ коровьяго хлева—Kuhstall. Около 30 шаговъ шириною, около 20 вышиною, она хороша какъ бесѣдка въ паркѣ такого размѣра, какова Сакс. Швейцарія, но какъ произведеніе природы, кажется, не заслуживаетъ излишнихъ восклицаній. Видъ изъ нея лучше ея, а преданія, если-бы онѣ были рассказаны художникомъ, были-бы еще лучше. Преданій множество. Вѣдь, или почти вѣдь относятся ко времени войнъ за вѣру и къ безвременному времени разбойничьихъ проказъ, — и каждый уголокъ напоминаетъ о чемъ-нибудь занимательномъ. Говорятъ, напр., что на горѣ надъ пещерою, куда можно забраться по довольно покойной лѣстницѣ, продѣланной въ расщелинѣ скалы, стоялъ замокъ «Neu Wildenstein», и владѣлецъ его, какой-то грозный баронъ, былъ страшлищемъ для окрестныхъ жителей. Задумали они отомстить ему, и придумали сказочное дѣло: однажды когда баронъ выѣхалъ изъ замка куда-то далеко и на долго, жители всѣ, сколько ихъ было, пришли въ замокъ, давая его ломать, разломали до основанія, сбросили все сломанное съ горы въ пропасть, лежащую подъ нею, и хворостомъ и разной дрянью покрыли мѣсто; самую дорогу, ведущую въ замокъ, завалили, а другую провели въ чашу лѣса. Ну, баронъ пріѣхалъ, искалъ, искалъ своего замка, не нашелъ и поѣхалъ назадъ, увѣренный, что это дѣло рукъ дьявольскихъ. Еще болѣе увѣрился онъ въ этомъ, когда, ворочаясь, слышалъ раздающееся по лѣсу и повторяемое эхомъ дикое ха-ха-ха: онъ крестился и молился, и спѣшилъ на чемъ свѣтъ стоитъ прочь да подалѣе отъ этихъ чудесъ. Я не знаю только, какъ могъ тутъ помѣститься замокъ: мѣсто небольшое; а впрочемъ есть примѣты, что тутъ жили люди: есть еще колодезь, попадаетъ кирпичъ, видны въ самой скалѣ остатки старой работы. Направо отъ Kuhstall есть пещерка съ око-

пещью въ пропасть, называемая Pfaffenklunst—и вотъ почему. Лихтенгайнскій попъ не хотѣлъ измѣнить католицизму, не внималъ убѣжденіямъ протестантовъ; а было это въ XV что-ли вѣкѣ, — и скрылся въ этихъ мѣстахъ въ одной пещеркѣ, называемой Pfaffenloch. Враги его однако нашли его и тутъ, перебросили въ Pfaffenklunst, да и вышвырнули въ пропасть сквозь окошко, или, какъ говорятъ другіе, оставили его умереть голодною смертію, заваливши камнями входъ въ пещерку. Недалеко отъ этой пещерки есть другая, и теперь не для всякаго доступная: называется Schneiderloch, по имени Шнейдера, атамана разбойничьей шайки, имѣвшего въ ней свой кабинетъ. Съ другой стороны Коровни есть пещера, защищенная довольно порядочно отъ вѣтра и называемая Wochenbett: она была, какъ говорить преданіе, спальнею для какой-то знаменитой родильницы, спасавшейся тутъ во время войнъ за вѣру. Она умерла, а ребенокъ, выросши, былъ страшнымъ гонителемъ враговъ матери. И пр. и пр. Самое имя Kuhstall относится къ этимъ временамъ. Рассказывающіе преданія эти разногласятъ между собою только въ томъ, что касается до обитателей этихъ мѣстъ: одни говорятъ, что тутъ скрывались католики отъ протестантовъ, а по словамъ другихъ протестанты отъ католиковъ. Изъ одной изъ пещерокъ я снялъ видъ окрестныхъ скалъ, изъ за которыхъ вдали видѣнъ Липпенштейнъ, и потомъ сквозь расщелину между скалами и далѣе по довольно крутой, хотя впрочемъ покойной, дорожкѣ спустился въ Nabichsgrund, надъ которымъ скалы Kuhstall'и поднимаются на 500 футовъ, если не болѣе.

Направленіе нашего пути здѣсь перемѣнилось: мы пошли на югъ. И шли сначала по лѣсной долинѣ, потомъ все выше и выше, все лѣсомъ, на kleine Winterberg. Дорожка прекрасная, какъ дорожка, очень покойна, но отъ самой подошвы до самого верху горы очень крутая: я хоть и взомель на самую гору безъ отдыха, однако, пришедши къ такъ наз. Jägerhaus'у, легъ, разлежся. Я еще такъ не уставалъ никогда. И стоило же взбираться! видъ правда хорошъ, но такихъ видовъ я видѣлъ уже много. Я снялъ видъ на Kuhstall, и выслушалъ слѣд. преданіе:—Домикъ стоитъ на обрывѣ. Курфиреть Августъ въ 1558 году гонялся тутъ за оленемъ. Олень, преслѣдуемый на горѣ собаками, добѣжалъ до того мѣста, гдѣ теперь домикъ; а курфиреть стоялъ подъ обрывомъ ниже и то-же надъ обрывомъ въ долину. Оленю оставалось одно:—броситься съ обрыва на курфирета и повалить его съ собою въ пропасть. «Или обоимъ, или одному», сказалъ курфиреть,—выстрѣлилъ, и олень легъ на мѣстѣ. Сынъ Августа Христіанъ построилъ тутъ домикъ, поставивши на кровлѣ его скелетъ оленя. Въ 1818 построили новый съ Латинскою и Нѣмецкою надписью, напоминающей о смерти оленя и спасеніи курфирета. Я впрочемъ надписи не прочелъ.—На klein Winterberg уже видѣнъ базальтъ. По пути съ нея на grosse Winterberg тоже. На gr. Winterberg уже въ большомъ раз-

мѣрѣ. Хотя эта гора 1710 футовъ вышиною, но вѣсходъ очень легокъ. На горѣ есть нѣсколько домиковъ для прихожихъ и строится большая гостиница съ башнею. Я взлѣзалъ на башню, но видомъ любоваться не могъ, потому что вѣтеръ слишкомъ провзрительнъ и силенъ. А видъ долженъ быть очень хорошъ,—видъ на Эльбу до Лиліенштейна и далѣе къ Дрездену и за Дрезденъ, а съ другой стороны видъ на Богемію къ Течину и далѣе. За то я тутъ прекрасно пообѣдалъ: супъ былъ на чудо, а кусокъ жареной кабанины заставилъ меня запить себя двумя рюмками горькой водки (что и стоило 8 грошей). Тутъ продаютъ различныя вещи изъ Богемскаго стекла и хрустала съ видами Саке. Швейцаріи. Лѣтомъ приходятъ сюда изъ Богеміи музыканты и пѣвцы и увеселяютъ публику. Гора вся покрыта лѣсомъ и не хвойнымъ, а потому вся завалена опавшимъ листомъ; идешь и не хотя играешь предивный концертъ. Проводникъ мой, обращающій мое вниманіе на все романическое, замѣтилъ и романичность этого, не замѣчая того, что романистъ-проводникъ всего романичнѣе. Онъ уже надобѣлъ своими романическими напоминаніями: на какую скалу ни взглянешь, видишь или носъ, или ухо, или цѣлую голову какого нибудь животнаго, иногда цѣлаго быка или кабана, или замокъ, и приправляетъ все это сладкозвучнымъ носовымъ «гхе-гхе». Такого человѣка можно сравнить со скалою унизанную надписями перебивавшихъ подлѣ нея странниковъ: разница только та, что скала вѣрно сохраняетъ надписи и даетъ понятіе о писавшихъ, сама оставаясь неизмѣнною; у человѣка же такого умъ превращается въ укусъ этихъ надписей, вонючій и кислый какъ это «гхе-гхе!». Кстати: и Kuhstall покрыта тысячами надписей, между которыми есть преудивительныя. Напр: «Природа! я твой сынъ и—прости—любовникъ!» Этотъ сынъ природы, конечно, родился или воспитывался in einer Kuhstall.

— Здравствуй, здравствуй, Богемія! правда еще Богемія, а не Чехія, но всетаки здравствуй. О, я знаю красоты твоей природы—и надѣюсь.—Я надѣялся не напрасно. Сошедши съ gros. Winterberg, мы завернули на юго-востокъ, пошли по границѣ лѣсомъ, лѣсомъ долго пустымъ то съ горы, то на гору,—и вотъ онъ сталъ просвѣчивать, вотъ показались скамейки подъ деревьями, вотъ показалась закраина надъ пропастью... Богемія показала передо мною очаровательнымъ ландшафтомъ. Подъ ногами пропасть, густо заросшая лихтами, отсюду поднимаются скалы, одиѣ изъ за другихъ, группами, рядами, столбами, стѣнами, изъ за нихъ видны луга, поля, деревни, холмы, и скалы, и далѣе поднимается прелестный Розенбергъ какъ гигантская могила, покрытый лѣсами, отгѣняя собою далекую даль; а на право смѣлою рукою природы перекинутый сводъ Пребиштора. Этотъ видъ надъ Пребишгрудомъ. Видъ со скалы надъ Пребишторомъ и другой скалы, соединяющейся съ нею подъ прямымъ угломъ еще богаче: кажется, летишь на воздушномъ

шарфъ, такъ видъ открытъ; Розенбергъ уже въ сторонѣ, на лѣво, и отъ него на право развертываются горы за горами, долины за долинами до Лиліенштейна, а отъ Эльбы видны только вершки бережныхъ скалъ. Ходить по этимъ скаламъ очень покойно: всюду закраины, на которыя, глядя подъ себя, можно безъ страха опереться, а гдѣ скалы разорвались, тамъ перекинута мостикъ, гдѣ круто, продѣланы ступеньки. Къ Пребиштору спускаешься по лестницѣ. Пребишторъ, вышиною до 65, шириною до 80 футовъ, и точно изумителенъ, смѣлъ. Всѣ стѣны, всѣ уголки въ немъ испещрены надписями,—и право стоитъ повторить знакомому и незнакомому: «и я былъ тутъ». Подъ скалою домики, гдѣ лѣтомъ можно достать все что угодно для желудка, который не насыщается видами. Вообще въ Саксонской Швейцаріи этихъ гостиницъ много всюду; но теперь онѣ пусты. Налюбовавшись, мы спустились въ долину, и прямо къ Эльбѣ—вдоль по потоку Геернскреченскому (Горшанскому). Долина узкая, обставленная громадами скалъ, потокъ быстрый,—глушь—и тутъ-же человѣческая дѣятельность:—безпрестанно мельницы, на бережияхъ, домики, люди, будто подлѣ большого города. Въ Гернскреченѣ я напился кофе,—и вдоль по берегу Эльбы пошелъ въ Шандау. Тропинка очень покойна, только подходя къ Шандау, вѣется между каменоломнѣ; но за то, что за виды! Вечерѣло, Лиліенштейнъ и окрестныя горы сѣдѣли радужною мглою, бережныя горы направо отражали солнце, на лѣво, покрытыя лѣсомъ чернѣли... И прочая. Выражая словами впечатлѣнія, произведенныя природою, пародируюсь и ее и себя; и потому лучше замолчу.—Наконецъ я въ Шандау—опять.

Половина 10-го.

Только что воротился изъ концерта. Дивный концертъ. Вечеромъ, часу въ 7-мъ, когда я только что хотѣлъ сѣсть за письмо, приходитъ мой проводникъ, и подавая мнѣ афишку говоритъ ученымъ тономъ: читайте. Читаю: «Die Geschwister Gredler, Тирольцы, дадутъ National Concert, въ 3-хъ отдѣленіяхъ, и пр. Цѣна 1 мѣсту 4 гроша. Начало въ половинѣ 8-го». Прекрасно, иду. «Пожалуйста достаньте билетъ».—И въ началѣ 8-го я пошелъ. Пришелъ—никого нѣтъ, ни души. Воротился. Въ $\frac{3}{4}$ восьмого опять пришелъ: двѣ души. Только въ половинѣ 9-го собралась достопочтенная публика. Чужой былъ я одинъ. Можете представить, какъ на меня глядѣли... Передъ 36 стульями, поставленными въ 3 ряда, поставили столъ длинный и передъ нимъ короткій, на этомъ короткомъ угораздили другой короткій, а на длинномъ два стула. Комната была освѣщена 6-ю сальными свѣчами. Пришли братъ съ сестрою, влезли, сѣли, начали—и кончили. Было и пинто(ду)ціоне на цитрѣ, были и народныя пѣсни, былъ даже Maultrommelconcert на 12 варганахъ, перебираемыхъ попарно. Публика была очень довольна... Въ продолженіе кон-

црта она курила и пила пиво. Остался и я доволенъ, посмотрѣвшия на Шандавскую публику.

Шандау, городъ маленькій, съ одной стороны уперся въ горы, съ другой прилежъ къ Эльбѣ. На картинку—очень хорошъ.

Ноября 5-е. Пирна.

Ворочаюсь въ Дрезденъ. Изъ Шандау сюда прѣхалъ. Дорога по лѣвому берегу Эльбы—очень мила. Проѣзжали мимо Кёнигштейна (гора и знаменитый замокъ—крѣпость).—Теперь жду пока запрягутъ лошадей—и въ Дрезденъ.— Тамъ останусь не долго. Можетъ быть даже завтра—въ Прагу, т. е. опять въ Пирну, и потомъ не на лѣво, а на право.—

Прага. Декабря 15-е.

Я получилъ Ваше письмо за № 11. Тутъ же письмо Метлинскаго съ приписками Костомарова и Рославскаго.

И Вы, милая Маменька, и доброй Амвросій, хлопочите о моемъ здоровьи. Правда, что я не быкъ; но, благодаря Бога, не могу пожаловаться. Еще Вы пишете, что меня могутъ называть хвастуномъ. Мнѣ и въ голову не приходило никогда считать чѣмъ-нибудь особенно важнымъ мое пѣшеходство. Это моя страсть, а страстью не хвастаются. Я забылъ, какъ выразился въ письмѣ къ Краевскому, и жалѣю если могу подать поводъ людямъ смѣяться надъ тѣмъ, что мнѣ вовсе не кажется смѣшнымъ¹⁾.—Еще вы пишете объ отсрочкѣ моего путешествія, позволяете мнѣ просить ее, и прибавляете слова Амвросія, что я могу пополнить и дома, чего не приобрѣту на пути. Нѣтъ, это не возможно. Тутъ могу и похвастаться: теперь не Шафарикъ мнѣ, а я Шафарикъ поправляю карты Чехіи, Моравіи, Силезіи, Лужицъ, а Лужицанинъ Іорданъ, составляющій Лужицкій словарь, приходитъ ко мнѣ списывать изъ моего словаря слова. Безъ личнаго посѣщенія всѣхъ земель Славянскихъ, я не буду преподавателемъ, какимъ бы хотѣлъ быть. На другихъ плоха надежда. Книгами я занимаюсь только рѣдкими. Словомъ: воротившись я могу привести въ лучшій порядокъ собранное, но новаго уже не достану. А мнѣ остается цѣлая Иллирія, Венгрія, Галиція, Польша. Ужасно. Теперь заниматься началъ по Венгерски; для путешествія по Венгріи это необходимо.

¹⁾ Письмо И. И. Срезневскаго, напечатанное въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 г., т. XII, смѣсь, стр. 20—23; въ этомъ письмѣ трудно найти что-нибудь подобное хвастовству; Е. И. С—ая скорѣе только боялась, чтобы другіе не заводозрили ея сына въ хвастовствѣ, чѣмъ сама видѣла въ письмѣ этотъ недостатокъ.

Амвросій писалъ мнѣ о планѣ журнала ¹⁾. Если онъ будетъ отъ Университета, то литература беллетристическая должна быть выброшена. Самая критика не можетъ быть ни смѣла, ни иризя. Если бы можно было издавать не отъ Университета, а съ пособіемъ Университета, какъ издавалъ Склабовскій ²⁾. Хлопочи о цензурѣ. — Ворочусь, поговоримъ подробнѣе, и затѣмъ. Ахъ, если бы я только могъ собрать и о другихъ Славянахъ столько, сколько собралъ о тѣхъ, которыхъ посѣтилъ. Въ Прагу изъ Дрездена я привезъ 65 фунтовъ бумагъ; матеріаловъ уже есть года на два. — Николаю Иван., Александр. Петровичу, Сем. Семен. ³⁾ и т. д. поклонъ.

Цѣлую васъ. Прощайте. Срз.

XLIV.

№ 32. Прага. 1841 годъ, Января 1-е

Наконецъ я одинъ и принимаюсь за перо, что-бы написать къ вамъ милая Маменька, хоть нѣсколько строчекъ. — Цѣлую вашу ручу и желаю что-бы вы начали и продолжали этотъ новый годъ, если не счастливо, то по крайней мѣрѣ мирно, безъ душевныхъ волненій и не безъ надежды на будущее. Богъ дастъ, вашъ странникъ воротится къ вамъ, и, научившись въ одиночествѣ дорожить сочувствіемъ съ родными, будетъ умѣть чувствовать огорченіе родныхъ какъ свое собственное, радоваться ихъ радости. Богъ дастъ, не напрасно я тоскую о счастливыхъ дняхъ, надѣюсь на нихъ и утѣшаю себя ими въ минуты грусти. Это правда, мнѣ приходитъ въ голову, что я, можетъ быть, во время путешествія такъ одичаю, что разучусь пользоваться сѣмейнымъ покоемъ, о которомъ теперь мечтаю; не забылъ я и тѣхъ огорченій, которыя вамъ дѣлалъ, и не могу не бояться за себя. Однако всетаки думаю,

1) Эти строки — отвѣтъ на письмо А. Л. Метлинскаго отъ 31 окт. 1840 г.; въ немъ Метлинскій пишетъ: «Недавно пригласилъ меня князь Цертелсовъ (помощникъ попечителя харьковскаго учебнаго округа) и говорилъ о довольно важныхъ предположеніяхъ — журналъ при университетѣ, обществѣ литературномъ изъ студентовъ, собраніяхъ студентовъ для чтенія сочиненій... Все это очень хорошо, но для дѣла надобно рукъ и головъ побольше. Журналъ, затѣя большая и, признаюсь, страшная! Если и выхлопотать позволеніе, то безъ пособія университета можно сѣсть на первой книжкѣ... Не осрамимся ли этимъ? Смыты, расходы, приходы — это самая отвратительная часть человѣческой дѣятельности — и я даже своихъ не умѣю свести. Еслибъ эту часть можно отдѣлить? Дѣло за горами; но однако жъ ему хочется программы. Напиши свое мнѣніе. Мнѣ кажется, кромѣ ученыхъ статей, какъ въ Запискахъ Московскаго университета, надобно непременно литературу... Но гдѣ взять? Еще 3-й отдѣлъ — матеріалы мѣстности и народности округа, и запасу для нихъ требовать отъ гимназій учителей etc.»

2) Здѣсь идетъ рѣчь объ «Украинскомъ Журналѣ», издававшемся въ 1824 и 1825 гг. отъ Харьковского университета; это одинъ изъ лучшихъ журналовъ того времени.

3) Н. И. Костомаровъ, А. П. Рославскій, С. С. Лукьяновичъ.

что душа моя не очеретвѣла, а опытность не напрасно давала и даетъ уроки разсудку. Богъ дастъ!.. И вотъ я уже переселился въ Харьковъ, я прилегу съ братомъ къ вамъ, я душа въ душу разговариваемъ... Нѣтъ, я не могу писать; прилягу на софу, и помечтаю.

— Ale co ge to, Milost Páne! Swjčka gako by zhasla, a woni nebyto spégj (что-же это, сударь! Свѣчка будто погасла, а вы будто спите). Эти слова доброй дѣвочки, мнѣ прислуживающей, заставили меня вскочить и опуститься на землю.—На землѣ, тутъ, въ Прагѣ, я очень благодаренъ Прейсу. Товарищъ по трудамъ, онъ сдѣлался моимъ товарищемъ и въ жизни. Не проходить дни, что-бы мы не видались другъ съ другомъ по крайней мѣрѣ однажды: всегда вмѣстѣ обѣдаемъ и послѣ обѣда идемъ въ кофейню. «Zwey Russen, dwa Russy»: это въ Прагѣ въ родѣ Сіамскихъ близнецовъ. Въ гостинницѣ вмѣстѣ, въ кофейнѣ вмѣстѣ, въ театрѣ вмѣстѣ, гуляютъ вмѣстѣ: zwey Russen, dwa Russy. И въ добавокъ смѣются, безпрестанно смѣются, хохочутъ. Что-бы не забыть ничего: и влюблены вмѣстѣ. Да, влюблены, въ одно и тоже существо, и въ отвѣтъ на невыгодное слово одного изъ нихъ объ этомъ существѣ, другой кричитъ «зарѣжу!» Даже хотѣли (да не успѣли) сдѣлать этому существу одинъ общій подарокъ¹⁾.—Шутки въ сторону: сближеніе съ Петр. Ив. Прейсомъ меня утѣшаетъ. Относительно способа занятій мы различны (онъ называетъ меня человѣкомъ жизни, наблюдателемъ,—я его человѣкомъ книги, изыскателемъ); но это не мѣшаетъ нашей связи, скрѣпляетъ ее еще болѣе. Шафарикъ сказалъ однажды Прейсу: «какъ бы хорошо вамъ вмѣстѣ путешествовать по Сербіи и Болгаріи: вы бы покопались въ библіотекахъ, онъ бы побродилъ между народомъ!» Я безъ сомнѣнія не прочь отъ этого; но едва ли это случится. Вчера, идучи въ книжную лавку, мы уговорились и новый годъ встрѣтить вмѣстѣ. Вечеромъ пришелъ онъ ко мнѣ, пили чай, пили и Чернобыцкое, чокнулись, когда ударило двѣнадцать, а потомъ, я на свою постель, Прейсъ на софу, и болтали еще долго. Сегодня утромъ онъ пошелъ за билетами въ театръ Чешскій, въ полдень зашелъ за мною идти обѣдать, потомъ въ кофейню, потомъ опять ко мнѣ, потомъ въ театръ. Въ 6-тъ было разошлись, но онъ, пришедши домой, не засталъ никого дома, и ко мнѣ. Пришелъ Коубекъ²⁾, мой сосѣдъ, профессоръ Чешской литературы въ Университетѣ,—и опять провели время вмѣстѣ.—Теперь спать.

2-е

Дѣлъ было такъ много, что я принужденъ былъ, проживши въ Прагѣ мѣсяцъ, остаться еще на мѣсяцъ. Обстоятельства заставили съ одной квартиры

¹⁾ Это существо, кажется,—Гроссерова, артистка Пражской оперы.

²⁾ Jan Pravoslav Koubek (1805—1854)

перейти на другую,—и я живу теперь на Большой площади въ 3-мъ этажѣ Крэнгауза. Видъ изъ оконъ на площадь, и прямо передъ глазами Тейнская церковь въ готическомъ вкусѣ, хоть и не чистомъ, но мнѣ очень нравящемся. На право отъ моей комнаты комната Коубка. И все бы хорошо, но на дняхъ морозы доходили до 18°, и у меня было такъ холодно, что я не зналъ, куда дѣваться: въ комнатѣ сидѣлъ въ шубѣ. У Коубка такой же холодъ; у Прейса—тоже; куда ни придеши — то-же. Меня упрасиваютъ остаться до 27-го; но нѣтъ: если бы и дѣла не гнали на югъ, одинъ холодъ заставилъ бы меня бѣжать изъ Праги. До 27-го упрасиваютъ остаться для того, что 27-го будетъ Чешскій балъ.

Чешскій балъ! Боже мой, что значить быть подвластнымъ народомъ! Позволеніе дать балъ получается отъ полиціи. Написали просьбу, подали; полицмейстеръ загремѣлъ въ отвѣтъ: «но такой балъ, какой былъ въ прошломъ году, не можетъ быть». Въ прошломъ году все было на этомъ балѣ по Чешски. Говорить на балѣ по Чешски, разумѣется, запретить нельзя; но ни пригласительныхъ билетовъ, ни списка танцевъ, ни кондиторскихъ и буфетныхъ листовъ по Чешски печатать не позволили. Полицмейстеръ не посоветился сказать, что онъ считаетъ покушеніе давать такой балъ револютомъ, а затѣвающихъ его революціонерами. Какъ будетъ, не знаю; а я бы, будучи Чехомъ, на пригласительномъ билетѣ написалъ бы только: Val 18²⁷41 — и приложилъ бы печать. Безъ списка же танцевъ и кушаній обойтись легко.—Хуже всего тутъ то, что нѣтъ единодушія, нѣтъ открытости. Правительство не можетъ не подозрѣвать; а между тѣмъ тѣ, которыхъ подозрѣваетъ, всѣ до одного — невинные боязливыя, дѣти съ прихотями, но безъ злыхъ намѣреній. Они бы испугались сами себя, если-бы увидѣли въ въ себѣ злое намѣреніе.

Театръ въ Прагѣ идетъ своимъ чередомъ, и въ Чешскомъ число охотниковъ возрастаетъ: за полгода число ихъ было замѣтно менше. Жаль, что выборъ пьесъ не соответствуетъ или силамъ актеровъ, или требованіямъ приличія. Недавно напримѣръ давали Валленштейна: окарнали, изщепили,—дали—курамъ на смѣхъ. Вчера давали «Возстаніе въ Серали», глупую поессу, гдѣ все, по самому намѣренію автора должно быть глупо,—и не поостереглись вставить туда пѣсню въ похвалу «отечества, Чешской власти»: этимъ соединеніемъ глупостей съ пѣсней объ отечествѣ можно отравить любовь къ отечеству, заставить презирать его, а не возбудить любви къ нему.

Больше писать не о чемъ. Жизнь моя въ Прагѣ такъ однообразна, что каждый день напередъ знаю, что будетъ. Занимаюсь теперь отчетомъ Университету. Претрудное дѣло: доносить есть о чемъ, но выбирать изъ многого кое-что, очень тяжело. Надѣюсь кончить отчетъ прежде выѣзда изъ Праги.

Отвѣтъ на это письмо пишите въ Лайбахъ *poste restante*; въ Аграмъ пока не пишите.

Прощайте, милая маменька. Если братъ у васъ уже, то поцѣлуйте его за меня.

Вашъ Сръ.

2 Январ. 1841.

Таскаюсь да и только! Сегодня цѣлое послѣ обѣда не было дома. Заболтавшись въ кофейнѣ съ Челяковскимъ, пошли съ нимъ бродить и болтать. А между тѣмъ еще за обѣдомъ Прейсъ далъ мнѣ билетъ въ концертъ, сказавши, что Шафарикъ будетъ насъ ждать около половины 5-го. Зашедши домой за картою, которую мнѣ нужно было сообщить Шафарику, пошелъ къ нему. Пришелъ и Прейсъ. Пошли. Объявленіе о концертѣ было Чешское. Давалъ капельмейстеръ Неедль. Публики сошлось ни мало, ни много. Дѣло началось увертюрой Бетховена: сошла порядочно. Потомъ вышелъ Коляръ, дилеттантъ на Чешской сценѣ, и началъ читать одно стихотвореніе Рубена, самое глупое изъ всѣхъ стихотвореній Рубена, въ которомъ онъ восхваляетъ все Чешское общими мѣстами безъ жизни, будто по заказу: прочиталъ гадко. Далѣе молодой гобойстъ Бауръ игралъ дивертиссеманъ на Чешскую народную мелодію: вступленіе нѣсколько длинно, переходъ отъ Allegro къ Adagio какъ-то неприличенъ, неловокъ; но за то сама пѣсня, adagio, вальсъ и финаль прекрасны. За этимъ слѣдовало предурное квартетто пѣвцовъ и хоръ пѣвцовъ, пѣвшихъ арію изъ Бетховенова Христа на Олив. горѣ, гдѣ особенно гадка была слечна Вейтова: хоть бѣжать, до того доходило. Наконецъ слава Богу вышелъ Прахверъ съ віолончелемъ и подъ аккомпанеманъ фортепьяно игралъ вариациі Франшомы,—игралъ прекрасно, съ чувствомъ, съ искусствомъ. Дѣло кончилось хоромъ изъ Бетховена.—Впечатлѣніе, произведенное на насъ слечною Вейтовою было такъ кисло, что намъ стоило съ Прейсомъ только переглянуться, чтобы рѣшиться идти въ театръ. Тамъ даютъ Ганса Генлинга, тамъ поетъ Гроссерова, наша милочка Гроссерова, пошли. Либретто написано Э. Деврианомъ, музыка Маршнеромъ,—и то, и другое прекрасно. Гансъ Генлингъ,—сынъ челоѣка и царицы Кобольтовъ, подземныхъ духовъ,—задумалъ пожить на землѣ, сдѣлался ученымъ, хиромантикомъ, и приобрѣлъ уваженіе. Увидѣлъ Аниушку, крестьянскую дѣвушку, влюбился, и его подарки, корыстолюбіе матери Аниотиной сдѣлали его женихомъ. Но ни онъ не любилъ ея истинно, ни она его. Заблудившись однажды ночью въ лѣсу, она узнала отъ Кобольтовъ, кто Гансъ. Къ счастью егеря, ея давній знакомецъ, встрѣтилъ ее и привелъ домой. Этого милаго егеря полюбить Аниотъ было естественнѣе: онъ и моложе, и красивѣе, и вовсе не страшенъ, не такъ, какъ мистеръ Генлингъ. Гансъ узнаетъ это, закалываетъ егеря, но неудачно. Послѣ благо-

словенія священника старонѣмецкій обычай приказываетъ молодымъ играть въ жмурки, ей искать его между молодыми людьми, ему искать ее между дѣвушками. Гансъ является, Анюта попадаетъ его руку. Она сбрасываетъ повязку, она трепещетъ, умоляетъ его, чтобъ онъ мстилъ на ней, а не на егерѣ. Гансъ не хочетъ... Вдругъ раскрывается пещера,—дворецъ царицы Кобольтовъ. Мать приказываетъ Гансу оставить людей, оставить Анюту счастливою, ведетъ его во дворецъ свой, дворецъ горитъ бѣлымъ огнемъ... Крестьяне прижались другъ къ другу, Анюта прижалась къ своему егерю. Занавѣсъ опустился. Пѣсни Ганса, пѣсня Анюты въ лѣсу, пѣсня егеря о Кобольтахъ, пѣсни Кобольтовъ, и особенно увертюра—прекрасны ¹⁾. — Такъ вашъ сынишка таскается.

Еще разъ прощайте. Письма не ждите скоро. Изъ Праги уже писать не буду.

Küsse die Hand.

XLV.

Вѣна. 23 Янв. 1841.

Ждалъ, ждалъ отъ васъ письма, милая маменька,—и поѣхалъ изъ Праги. Пора. Дорога моя на югъ, на югѣ весна раскрывается рано, а мнѣ еще надобно научиться болтать хоть какъ-нибудь хоть на какомъ-нибудь изъ Иллирійскихъ нарѣчій, что-бы съ пользою продолжать свое путешествіе. Я бы и прежде выѣхалъ изъ Праги, да зубная боль, которая прошлой зимою ѣхала со мною въ Петербургъ и въ Берлинъ, заставила меня побояться себя. Вы впрочемъ не беспокойтесь за меня, душенька маменька: зубная боль несносна, но только несносна; а впрочемъ я здоровъ, и зубы уже не болятъ.

15-го выѣхалъ изъ Праги. Ганка, Прейсъ и Йорданъ (Лужичанинъ, съ которымъ я сблизился еще въ Сторѣльцѣ) провожали меня, какъ родные. До выѣзда я еще успѣлъ съ Ганкою побывать въ концертѣ, и тамъ еще разъ поговорить съ Томашкомъ и Челяковскимъ. Съ Томашкомъ я познакомился: глубоко ученой теоретикъ, превосходно знаетъ исторію музыки, большой пуристъ: но играть безъ большого чувства, хоть и фантазируетъ чудо-мастерски. Въ бумажничѣ случилась у меня одна силезская пѣсенка. Онъ взглянулъ на нее, сѣлъ, взялъ нѣсколько дѣжихъ аккордовъ, сыгралъ два раза тему, потомъ опять нѣсколько аккордовъ,—и затянулъ маршъ, далѣе Польской, далѣе мазурку, далѣе казачка, далѣе Чешскій рейдовакъ, между ними нѣсколько вариаций простыхъ,—я думалъ конца не будетъ... онъ раскраснѣлся какъ ракъ... Выбившись изъ силъ, онъ перешелъ опять въ Польской, въ которомъ нельзя

¹⁾ Описаніе этого спектакля см. въ письмѣ И. И. Срезневскаго къ Краевскому (Отч. Записки, 1841 г. XIV, 100—102).

было не слышать, какъ толпа расходится въ разныя стороны, тамъ болтасть, тутъ смѣется, уходитъ все далѣе, пѣсня слышна все менѣе,—и фантазія кончилась ауканьемъ. Черезъ четверть часа онъ принялся за другую. Видно, что подъ его рукою клавиши, что буквы—подъ перомъ. Онъ уже старъ, за 60, но здоровъ, толстъ, жиренъ какъ быкъ, и ростомъ не менѣе быка. Веселой человѣкъ; очень милъ, когда слышите себѣ похвалы; бранить Лиета за галиматью, гордится Дрейшокомъ, какъ ученикомъ, живетъ прекрасно.—Изъ Праги я поѣхалъ въ Краа. Градецъ, Лютомысль, и пр. до Вриа. А сегодня, провожаемый Проф. Сушиломъ и студ. сѣлъ на паровозъ,—и по желѣзной дорогѣ, въ Вѣну. День былъ прекрасный, но холодно. Не разъ я сказалъ спасибо своей шубѣ: хоть лѣтомъ и причинлива, но за то зимою—чудо хороша. Быть $\frac{1}{4}$ седьмого. Быть сегодня ни у кого не успѣлъ. Завтра начну съ Копитара; а сегодня въ театръ. Поспѣшу, чтобъ не заблудиться. А идти тоже не близко: я остановился у Бѣлой Розы въ Леопольдъ Штадтѣ,—хоть и у воротъ въ городъ, но театръ на другой сторонѣ города. Прощайте.—

Не знаю гдѣ то въ Италіи, въ XIII вѣкѣ, стояли два замка—Салуццо и Савильяно. Лѣтъ и (подражая Тациту) взаимная вражда владѣвшихъ ими семействъ отдѣляли ихъ. У маркиза Салуццо была дочь Корона,—дѣвица-красавица, Итальянка духомъ, гордая, мстивая; отецъ былъ уже старъ. У графа Савильяно былъ сынъ,—молодецъ-красавецъ, рыцарь и трубадуръ; а отецъ былъ тоже старъ. Молодой графъ Гвидо долго странствовалъ, и наконецъ воротился домой, къ отцу. Вышедши однажды на охоту, онъ встрѣтилъ на охотѣ Корону, велѣлъ своимъ воинамъ напасть на свиту Короны, и всѣхъ, кто не умретъ, защищаясь, вести въ Савильяно; но взглянувши на Корону, очаровался ея красотою, готовъ былъ исполнить все ея приказанія, и всемъ плѣннымъ дать свободу, а, воротившись домой, не скрылъ отъ отца своей любви. Старикъ графъ былъ доброй старикъ, для счастья сына готовъ былъ забыть стародавнюю вражду, но зналъ Салуццо, и только жалѣлъ о сынѣ. Корона, не понимая любви, вздумала воспользоваться сердцемъ Гвидо, и послала ему сказать, что она будетъ его ждать къ себѣ вечеромъ, когда отецъ ея выйдетъ на охоту. Заманивши къ себѣ въ замокъ, она хотѣла его или умертвить, или заперѣть въ темницу. Гвидо пошелъ, не смотря на предостереженія дѣвушки, служанки Короны. «Знаю, для чего ты призвала меня; но я все таки пришелъ,—и счастливъ, что хоть еще разъ увижу тебя. Вотъ тебѣ и мой мечъ и мой кинжалъ; дѣлай со мною что хочешь: я умру, но счастливый.» Корона должна была повѣрить любви и—полюбила Гвидо. Отецъ вошелъ въ покой—и увидѣлъ ихъ въ объятіяхъ другъ друга. Мечь въ немъ разгорѣлся; не смотря на мольбы дочери, велѣлъ бросить Гвидо въ темницу и, умертвивши его, послать къ отцу его сердце сына. Не дожидаясь еще въ постель Корона,